

18+

Автор-составитель

Борис Мирошин

ВЫБОР

уроки истории:
повторение пройденного

Мирошин

**Выбор. Уроки истории:
повторение пройденного**

«Издательские решения»

Мирошин

Выбор. Уроки истории: повторение пройденного / Мирошин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982568-1

Двадцатое столетие — век войн и революций, взлетов и падений Российской империи, России, Советского Союза, Российской Федерации. Как и миллионы граждан нашей страны, предки автора и он сам были свидетелями и участниками переломных этапов в жизни страны. Книга во многом носит автобиографический характер. Она составлена в виде 45 уроков истории, которые полезно помнить и знать всем людям нашей Родины. Книга будет интересна широкому читателю, всем интересующимся историей народа.

ISBN 978-5-44-982568-1

© Мирошин
© Издательские решения

Содержание

Борис Мирошин	6
Выбор	7
Глава I. Иван Дейнеко	8
Урок первый: Ставрополье. В солдатах. Первая мировая война	9
Урок второй: 1917 г. Революция. Февраль-март. Безвластие.	17
Возвращение Ивана	
Урок третий: Советская власть. Во главе Ставропольской губернии.	31
Гражданская война на Кавказе. Дейнеко становится Шатовым.	
В Пензе. В Ессентуках	
Глава II. Мирошины	42
Урок четвертый: Пензенская губерния. Село Пачелма. Юность Петра.	43
На польском фронте	
Урок пятый: Ранение Петра. Женитьба. Землеустройство. Секретарь райкома	45
Глава III	48
Урок шестой: Иван Шатов на советской работе: Ессентуки, Железноводск, Пятигорск	49
Глава IV	55
Урок седьмой: Государственная политика в деревне. Голод	56
Глава V. Жизнь и борьба Петра Мирошина	61
Урок восьмой: В райземотделе. Репрессии против крестьян	62
Урок девятый: Раскулачивание крестьян. Позиция Петра Мирошина.	67
Статья Сталина. В Крайкоме ВКП (б). На учебу в КомВУЗ	
Урок десятый: Бандитизм. Председатель Каменского райисполкома.	71
Сталинская Конституция. Репрессии	
Глава VI. Война и мир	80
Урок одиннадцатый: Мирошины во время войны. Эвакуация семьи Шатовых. Окончание войны и потери СССР. Петр Мирошин в Пятигорске. Мирошины и Шатовы породнились	81
Урок двенадцатый: На Дальнем Востоке. Смерть Сталина. Агрессия США в Корее. Загадка маленького мальчика	89
Урок тринадцатый: На краю Земли. Поездка в Москву. Боря идет в школу. В Бузулуке. XX Съезд партии. Демобилизация Владимира Петровича. Переезд в Орск	93
Урок четырнадцатый: «Почтовый ящик №11». Своя квартира. Пионерский лагерь. Пятый- «д» класс. Стиляги. А у нас во дворе. Куба – любовь моя	98
Глава VII. Борис	104
Урок пятнадцатый: Техникум. Травма позвоночника. Закат Хрущева. Трагедия Владимира Петровича	105
Урок шестнадцатый: Орско-Халиловский металлургический комбинат. Общага. Окончание учебы. Армия. Курс молодого бойца. Сержантская школа. Спортрота	112
Урок семнадцатый: Ракетные войска стратегического назначения. Спорт. Дембель. Орский механический завод. Нина	119
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Выбор

Уроки истории: повторение пройденного

Автор-составитель Мирошин

ISBN 978-5-4498-2568-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Борис Мирошин

Выбор

(уроки истории: повторение пройденного)

Посвящается

Ивану Емельяновичу Дейнеко (Шатову) и

Петру Васильевичу Мирошину

XX век для России был столетием войн и революций, взлетов и падений. Три поколения семей Ставропольской губернии Ивана Дейнеко (Шатова) и Пензенской губернии Петра Мирошина являлись свидетелями и участниками тех событий, на себе испытали ломку старых порядков и установление новых. Как миллионы их соотечественников, они участвовали в строительстве социалистического государства, воевали за независимость своей Родины с фашистской Германией, поднимали страну из руин, свято верили в политику КПСС, потом разочаровались в коммунистической мечте, поддержали демократические преобразования...

На всех этапах своей жизни и поворотах судьбы Дейнеко (Шатовы) и Мирошины оказывались перед непростым вопросом: что дальше, какой дорогой идти? Чего в их жизни было больше: побед или поражений, слепой судьбы или осознанного поступка, успехов или ошибок? Каждый раз нужно было сделать свой выбор. Об этом и рассказано в книге. Материал изложен в виде сорока пяти уроков истории, которые нужно знать и помнить.

Каждый выбирает для себя

женицину, религию, дорогу.

Дьяволу служить или пророку —

каждый выбирает для себя.

Каждый выбирает по себе

слово для любви и для молитвы.

Шпагу для дуэли, меч для битвы

каждый выбирает по себе.

Каждый выбирает по себе.

Щит и латы. Посох и заплаты.

Мера окончательной расплаты.

Каждый выбирает по себе.

Каждый выбирает для себя.

Выбираю тоже — как умею.

Ни к кому претензий не имею.

Каждый выбирает для себя.

Юрий Левитанский.

Глава I. Иван Дейнеко

Урок первый: Ставрополье. В солдатах. Первая мировая война

Дней десять назад в полковом госпитале 81-го Апшеронского полка во Владикавказе появился новый пациент – штабс-капитан Оленичев. Поступил он с воспалением легких, и ротный фельдшер Иван Дейнеко по несколько раз в сутки приходил к нему с микстурами и стетоскопом, слушал хрипы в легких.

– Ваше Благородие, ложитесь на живот, буду ставить вам банки.

– Да не называй ты меня «благородием». Зови просто по имени: Андрей Ильич. Звать-то тебя как, откуда родом?

– Я из Ставропольской губернии, из села Дмитриевское. Звать Иваном Дейнеко.

– Дмитриевское? Не слышал.

– Это в Медвеженском уезде, на речке Большой Егорлык, на проселочной дороге из села Безопасного в калмыцкую ставку, в 25 верстах от уездного села Медвежье.

– Большое село-то?

– Да полторы тысячи дворов, семь с половиной тысяч человек.

– А я вот из Питера. На Кавказ меня сослали за то, что отказался стрелять в народ 9 января. Как-нибудь потом расскажу, если интересно.

– Очень интересно. У нас тут говорили между собой про «кровавое воскресенье», но что да как никто толком не знает, газет нет, а письма из дома об этом не дают.

– Давай, Ваня, снимай уже свои банки, больно.

Иван смазал спину Андрею Ильичу топленным свиным салом, укутал шерстяным одеялом.

– А чем ты, Иван, занимался до службы?

– В хозяйстве отца. Он занимается сельским хозяйством, кроме того работает мельником на чужих купеческих мельницах. Мать – домашняя хозяйка и работает на поденщине. Я учился в Дмитриевской сельской школе 3 зимы: зимой ходил в школу, а осенью, летом и весной то пас скот, то погонял лошадей-волов у богатых крестьян. Школу окончил за I – II группы. Как только не стал ходить в школу, отец отдал меня портновским учеником к местному портному на 3 года. Самостоятельно работать не научился, вынужден был поступить по найму тоже к местному частному портному. Работал в своем селе, в страдную пору сельских работ занимался в семье сельским хозяйством, а вне ее портновским делом, и у себя на дому, и в крестьянских на их материале.

– А где выучился медицине?

– В полковом лазарете.

Через несколько дней больному стало легче, и он опираясь на плечо Ивана стал выходить во двор. Сидел на лавочке, курил.

– Андрей Ильич, вы говорили, что как-нибудь расскажете мне про «кровавое воскресенье» – подсел рядом с ним Иван.

– Длинная это история. Ну, да раз обещал, слушай. В конце 1904 года в стране обострилась политическая борьба. Провозглашенный правительством курс на доверие к обществу привёл к активизации деятельности оппозиции. Ведущую роль в оппозиции в тот момент играл либеральный «Союз освобождения». В сентябре представители «Союза освобождения» и революционных партий съехались на Парижскую конференцию, где обсуждали вопрос о совместной борьбе с самодержавием. В ноябре в Петербурге по инициативе «Союза освобождения» состоялся Земский съезд, которым была выработана резолюция с требованием народного представительства и гражданских свобод. Съезд дал толчок кампании земских петиций, тре-

бовавших ограничить власть чиновников и призвать общественность к управлению государством. Революционные партии поддерживали требования либералов и устраивали студенческие демонстрации.

В конце 1904 года в события была вовлечена крупнейшая легальная рабочая организация страны – «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Во главе организации стоял священник Георгий Гапон. В ноябре группа членов «Союза освобождения» встретилась с Гапоном и руководящим кружком «Собрания» и предложила им выступить с петицией политического содержания. В ноябре-декабре идея выступления с петицией обсуждалась в руководстве «Собрания». В декабре на Путиловском заводе произошёл инцидент с увольнением четырёх рабочих. В связи с отказом восстановить уволенных рабочих руководство «Собрания» пригрозило забастовкой. 2 января 1905 года на заседании руководства «Собрания» было решено начать забастовку на Путиловском заводе, а в случае неисполнения требований – обратиться к всеобщей и использовать для подачи петиции.

3 января 1905 года забастовал Путиловский завод, где двенадцать тысяч рабочих, а 4 и 5 января к бастующим присоединились ещё несколько заводов. Переговоры с администрацией Путиловского завода оказались безрезультатными, и 5 января Гапон бросил в массы мысль обратиться за помощью к самому царю. 7 и 8 января забастовка перекинулась на все предприятия города и обратилась во всеобщую.

– А много народу бастовало?

– Всего в забастовке приняло участие более шестисот предприятий Петербурга, а это почти сто тридцать тысяч рабочих. В те же дни Гапоном и группой рабочих была составлена на имя императора Петиция о рабочих нуждах, в которой наряду с экономическими содержались требования политического характера. Петиция требовала созыва народного представительства на основе всеобщего, прямого, тайного и равного голосования, введения гражданских свобод, ответственности министров перед народом, гарантий законности правления, 8-часового рабочего дня, всеобщего образования за государственный счёт и многого другого. 6, 7 и 8 января петиция зачитывалась во всех 11 отделах «Собрания», под ней были собраны десятки тысяч подписей. Рабочие приглашались в воскресенье, 9 января, явиться на площадь Зимнего дворца, чтобы «всем миром» вручить петицию царю.

7 января содержание петиции стало известно царскому правительству. Содержавшиеся в ней политические требования, предполагающие ограничение самодержавия, оказались неприемлемы для правящего режима. В правительственном сообщении они расценивались как «дерзкие». Вопрос о принятии петиции в правящих кругах не обсуждался. 8 января на заседании правительства под председательством Святополк-Мирского было решено не допускать рабочих до Зимнего дворца, а при необходимости останавливать их силой. С этой целью было решено расставить на главных магистралях города кордоны из войск, которые должны были преграждать рабочим путь к центру города.

Наш полк также получил такой приказ. В город были стянуты войска общей численностью более тридцати тысяч солдат. Вечером 8 января Святополк-Мирский ездил в Царское Село к императору Николаю II с докладом о принятых мерах. Общее руководство операцией было возложено на командующего Гвардейским корпусом князя С. И. Васильчикова.

Утром 9 января колонны рабочих общей численностью до ста пятидесяти тысяч человек двинулись из разных районов к центру города. Во главе одной из колонн с крестом в руке шёл священник Гапон. При приближении колонн к воинским заставам офицеры требовали от рабочих остановиться, однако те продолжали двигаться вперёд. Уверенные в гуманности царя, рабочие упорно стремились к Зимнему дворцу, не обращая внимания на предупреждения и даже атаки кавалерии. Чтобы предотвратить доступ стопятидесятитысячной толпы в центре города к Зимнему дворцу, войска были вынуждены произвести ружейные залпы. Залпы

производились у Нарвских ворот, у Троицкого моста, на Шлиссельбургском тракте, на Васильевском острове, на Дворцовой площади и на Невском проспекте.

Мой полк стоял у Троицкого моста. Когда демонстрация приблизилась вплотную к цепи солдат, я дал команду пропустить колонну, ружья разрядить.

В других частях города толпы рабочих разгонялись саблями, шашками и нагайками. Всего за день 9 января было убито 96 и ранено 333 человека, а с учётом умерших от ран – 130 убитых и 299 раненых.

Разгон безоружного шествия рабочих произвёл шокирующее впечатление на общество. Сообщения о расстреле шествия, многократно завышавшие количество жертв, распространялись нелегальными изданиями, партийными прокламациями и передавались из уст в уста. Оппозиция возложила всю ответственность за случившееся на императора Николая II и самодержавный режим. Скрывшийся от полиции священник Гапон призвал к вооружённому восстанию и свержению династии. Революционные партии призвали к свержению самодержавия. По всей стране прокатилась волна забастовок, проходивших под политическими лозунгами. Традиционная вера рабочих масс в царя пошатнулась, а влияние революционных партий стало расти. Численность партийных рядов быстро пополнялась. Приобрёл популярность лозунг «Долой самодержавие!» Опасность бунта была предотвращена, но престижу царской власти был нанесён непоправимый урон. Вскоре после событий 9 января министр Святополк-Мирский был отправлен в отставку и заменён Булыгиным; была учреждена должность Санкт-Петербургского генерал-губернатора, на которую 10 января был назначен генерал Д. Ф. Трепов.

После 9 января по стране прокатилась волна забастовок. 12—14 января в Риге и Варшаве состоялась всеобщая стачка протеста против расстрела демонстрации рабочих Петербурга. Началось стачечное движение и забастовки на железных дорогах России. Начались и общероссийские студенческие политические забастовки. В мае 1905 г. началась всеобщая стачка иваново-вознесенских текстильщиков, бастовало 70 тыс. рабочих более двух месяцев. Во многих промышленных центрах возникли Советы рабочих депутатов.

18 февраля был опубликован царский манифест с призывом к искоренению крамолы во имя укрепления истинного самодержавия. Меня привлекли к трибуналу и отправили служить на Кавказ. А царский указ Сенату разрешал подавать на имя царя предложения по усовершенствованию государственного благоустройства.

– Теперь мне понятно – сказал Иван. – Вы, Андрей Ильич, революционер?

– Перед тобой, Ваня, скрывать не стану. Да, я состоял в тайном кружке, куда входили офицеры из разных полков, среди них были представители политических партий.

Николаем II был подписан рескрипт на имя министра внутренних дел Булыгина с предписанием о подготовке закона о выборном представительном органе – законсовещательной Думы.

Опубликованные акты как бы дали направление дальнейшему общественному движению. Земские собрания, городские думы, профессиональная интеллигенция, образовавшая целый ряд всевозможных союзов, отдельные общественные деятели обсуждали вопросы о привлечении населения к законодательной деятельности, об отношении к работе учреждённого под председательством Булыгина «Особого совещания». Составлялись резолюции, петиции, адреса, записки, проекты государственного преобразования.

Организованные земцами февральский, апрельский и майский съезды, из которых последний прошёл с участием городских деятелей, завершились поднесением Государю Императору 6 июня через особую депутацию всеподданнейшего адреса с ходатайством о народном представительстве.

17 апреля 1905 года был издан Указ об укреплении начал веротерпимости. Он разрешал «отпадение» от православия в другие исповедания. Были отменены законодательные ограни-

чения в отношении старообрядцев и сектантов. Ламаистов было воспрещено впредь официально называть идолопоклонниками и язычниками.

14 июня 1905 года произошло событие, показавшее, что заколебались последние опоры самодержавной власти: взбунтовалась команда броненосца Черноморского флота «Князь Потёмкин-Таврический». Семь человек были убиты на месте. Скорый матросский суд приговорил к смерти командира и корабельного врача. Вскоре броненосец был блокирован, но сумел пробиться в открытое море. Не имея запасов угля и продовольствия, он подошёл к берегам Румынии, где матросы и сдались румынским властям.

– Что же с ними стало? – спросил Иван.

– Для большинства – каторга. Но 21 июня 1905 года начинается восстание в Лодзи, ставшее одним из основных событий в революции в Царстве Польском.

6 августа 1905 года Манифестом Николая II была учреждена Государственная дума как особое законосовещательное установление, к которому предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов. Срок созыва был установлен – не позднее середины января 1906 года.

Одновременно было опубликовано Положение о выборах от 6 августа 1905 г., установившее правила выборов в Госдуму. Из четырёх наиболее известных и популярных демократических норм (всеобщие, прямые, равные, тайные выборы) в России оказалась реализованной только одна – тайная подача голосов. Выборы не были ни всеобщими, ни прямыми, ни равными. Организация выборов в Госдуму возлагалась на министра внутренних дел Булыгина.

В октябре в Москве началась забастовка, которая охватила всю страну и переросла во Всероссийскую октябрьскую политическую стачку. 12—18 октября в различных отраслях промышленности бастовало свыше 2 млн человек.

14 октября петербургский генерал-губернатор Д. Ф. Трепов расклеил на улицах столицы прокламации, в которых, в частности, было сказано, что полиции приказано решительно подавлять беспорядки, при оказании же к тому со стороны толпы сопротивления – холостых залпов не давать и патронов не жалеть.

Эта всеобщая забастовка и, прежде всего, забастовка железнодорожников, вынудили императора пойти на уступки. Манифест 17 октября 1905 г. даровал гражданские свободы: неприкосновенности личности, свободу совести, слова, собраний и союзов. Возникли профессиональные и профессионально-политические союзы, Советы рабочих депутатов, укреплялись социал-демократическая партия и партия социалистов-революционеров, были созданы Конституционно-демократическая партия, «Союз 17 октября», «Союз Русского Народа» и др.

13 октября 1905 года начал работу Петербургский совет рабочих депутатов, который стал организатором Всероссийской октябрьской политической стачки 1905 года и пытался дезорганизовать финансовую систему страны, призывая не платить налоги и забирать деньги из банков. Депутаты Совета были арестованы 3 декабря 1905 года.

Высшей точки беспорядки достигли в декабре 1905 года в Москве (7—18 декабря), и других крупных городах. Да и на Кавказе произошли события. В Ростове-на-Дону отряды боевиков 13—20 декабря вели бой с войсками в районе Темерника. В Екатеринославе начавшаяся 8 декабря стачка переросла в восстание. Рабочий район города Чечелевка находился в руках восставших до 27 декабря. В Харькове два дня происходили бои. В Люботине была образована Люботинская республика. В городах Островец, Илжа и Чмелюв – Островецкая республика.

Рассказ Андрея Ильича произвел на Ивана Дейнеко большое впечатление. Он рассказывал об услышанном своим товарищам в полку, давал почитать книжки, которые оставил ему штабс-капитан. И началось брожение. Солдаты активно обсуждали революционные события. Иван не принадлежал ни к какой партии, но не мог остаться в стороне от событий: распро-

странял революционную литературу, участвовал в митингах. Активность его и других солдат не осталась незамеченной, их разослали по другим частям, Ивана перевели там же во Владикавказе в 1-й Кавказский артиллерийский полк фельдшером команды. Роспуск П. А. Столыпиным 2-й Государственной думы с параллельным изменением избирательного закона, известные как третьеиюньский переворот 1907, означал конец революции.

В апреле 1907 года, отслужив пять лет, молодой 26-летний парень Иван Дейнеко уволился в запас, и вернулся в свое село Дмитриевское. Старшие братья рассказали ему, что положение крестьян села значительно ухудшилось. Урожай продолжали оставаться низкими. В связи с ростом населения земельные наделы уменьшались. Быстро шло расслоение крестьян на бедняков, середняков и кулаков. Одна треть крестьянских дворов не имела лошадей. Половина крестьянских дворов имела лишь по одной лошади. В руках кулаков сосредотачивались лучшие участки земли. Крестьяне обязаны были за свой счет содержать местное управление, строить общественные здания, мосты, рыть колодцы, строить церкви и др. Только на одно волостное правление ежегодно расходовалось около 3 000 рублей. Из года в год увеличивались налоги и трудовые повинности государству. Все это вызывало у крестьян недовольство. Задавленные нуждой, они ненавидели кулаков, ростовщиков и особенно, царских чиновников: урядников, станowych приставов, исправников и прочих.

– Житья никакого не стало – говорил Ивану отец. – Еле сводим концы с концами. Хорошо хоть ты вернулся, все подмога будет. Слава Богу, что успел до посевной прийти.

Иван истосковался по работе на земле, не мог насытиться родным воздухом, налюбоваться степными просторами. Отшумела сельская страда, наступили холода, и Иван начал заниматься портновским делом, уже самостоятельно, да помогал отцу на мельнице у богатого хозяина.

– Ванюша, – говорила мать, – жениться тебе пора, а мне внуков успеть понянчить.

– Погожу еще, маманя, – отвечал Иван. – Надо сначала на ноги встать, да и куда я молодую жену приведу. Вон у вас тут народу сколько: два брата с невестками и детишками. Вот подзаработаю, дом построю, а тогда и видно будет.

Но не пришлось сбыться мечтам Ивана Дейнеко. В 1914 году грянула Первая мировая война. В ней принимали участие 33 государства, а с доминионами и Индией – 38, с населением 62% от мирового. Основная причина начала войны – стремление ведущих держав, в первую очередь Англии, Франции и Австро-Венгрии к переделу мира. Колониальная система к началу XX столетия рухнула. Ведущим европейским государствам, которые раньше процветали за счет эксплуатации колоний, теперь нельзя было получать ресурсы просто так, отбирая их у индусов, африканцев и южноамериканцев. Теперь ресурсы необходимо было лишь отовоевывать друг у друга. Потому и возрастали противоречия:

Между Англией и Германией. Англия не хотела допустить усиления влияния Германии на Балканах. Немцы стремились закрепиться на Балканах и Ближнем Востоке, а также стремились лишить англичан морского господства.

Между Германией и Францией. Французы хотели вернуть себе земли Эльзас и Лотарингию, потерянные в войне 1870—1871 гг. Также Франция желала захватить немецкий Саарский угольный бассейн.

Между Германией и Россией. Немцы стремились забрать у Российской империи Польшу, Украину и Прибалтику.

Между Россией и Австро-Венгрией. Конфликт возник из-за стремления обоих государств оказывать влияния на Балканы, а также стремление русских подчинить себе Босфор и Дарданеллы.

Поводом к войне стало убийство наследника австрийского и венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда в сербском Сараево. Австро-Венгрией был предъявлен Сербии ультиматум. Сербия не смогла выполнить все его пункты и 28 июля 1914 г. Австро-Вен-

грия объявила Сербии войну. Российская империя не смогла оставаться в стороне, так как отдать Сербию Австро-Венгрии значило допустить установление господства австро-германского блока над всем Балканским полуостровом.

31 июля в России была начата мобилизация для оказания помощи Сербии. Германия начала требовать от русских прекратить мобилизацию. Российская империя этого не сделала и тогда немцы, как союзники Австро-Венгрии 1 августа объявили России войну.

Ивана Дейнеко мобилизовали в действующую армию на Турецкий фронт, сначала в город Карс, в 79-й пехотный Курипский полк фельдшером, в составе которого он и ушел на Турецкий фронт.

Николаю II не давали покоя лавры его великих предков: Петра I и Екатерины II и ему очень хотелось реализовать идею обретения для России Константинополя и черноморских проливов и тем самым войти в историю. Наилучшим же средством добиться этого была только победоносная война с Турцией. Исходя из этого, и строилась внешнеполитическая стратегия России на ближневосточном направлении. Таким образом, высокомерие во внешнеполитической деятельности, оторванность от политических реалий, переоценка своих сил и возможностей привели к тому, что руководство России поставило страну в условия войны на два фронта. Расплачиваться за волюнтаризм политического руководства страны в очередной раз пришлось российскому солдату.

Боевые действия на кавказском направлении начались буквально сразу же после бомбардировки турецкими кораблями 29—30 октября 1914 года российских черноморских портов Севастополя, Одессы, Феодосии и Новороссийска. В России это событие получило неофициальное название «Севастопольская побудка». 2 ноября 1914 года Россия объявила Турции войну, 5 и 6 ноября за ней последовали Англия и Франция.

Одновременно с этим турецкие войска пересекли российскую границу и оккупировали часть Аджарии. В последующем предполагалось выйти на линию Карс-Батум-Тифлис-Баку, поднять мусульманские народы Северного Кавказа, Аджарии, Азербайджана и Персии на джихад против России и таким образом отрезать Кавказскую армию от центра страны и разгромить ее.

Планы эти были, конечно же, грандиозными, но их главная уязвимость заключалась в недооценке потенциала Кавказской армии и ее командования. Несмотря на то, что большая часть войск Кавказского военного округа была направлена на Австро-Германский фронт, группировка русских войск была по-прежнему боеспособна, а качество офицерского и рядового состава было более высоким, чем в центре страны.

Планирование и непосредственное руководство ими в ходе боевых операций осуществлял генерал Н. Н. Юденич. Сражение при Сарыкамыше 9 декабря 1914 – 5 января 1915 годов было оборонительной операцией русской Кавказской армии против наступательных действий турецких войск в районе населённого пункта Сарыкамыш Карсской области Российской империи. В результате боёв 3-я турецкая армия была полностью разгромлена. Русской армии также удалось сорвать планы Османской империи по захвату российского Закавказья и перенести боевые действия на её территорию.

Потери русской армии были значительны – от 16 до 20 тыс. убитых и раненых, ещё 6 тыс. получили обморожение. Турецкая 3-я армия оказалась практически полностью разгромленной, её общие потери составили 70 – 90 тыс. человек убитых, раненных и попавших в плен, из них 25 – 30 тыс. обмороженных и дезертировавших. Иван Дейнеко работал сутками напролет, без сна и отдыха – надо было спасать раненых.

В мае месяце 1915 года полк Ивана перебрасывается на Юго-Западный фронт, сначала во Львов, а затем в Двинск, Броды. С началом войны значительная часть Двинского гарнизона,

включавшего 25-ю пехотную дивизию и 25-ю артиллерийскую бригаду, участвовавших в русско-японской войне, была отправлена на фронт. Через город потянулись поезда с беженцами из русской части Польши. А сам Двинск превратился в крупнейший санитарно-эвакуационный пункт на западе империи. Ежегодно через обе его железнодорожные станции следовали десятки эшелонов с ранеными. Часть их служила в Двинске. Основной госпиталь – он располагался в крепости – был переполнен нуждавшимися в срочной помощи солдатами и офицерами, не хватало врачей и сестер милосердия, коек и перевязочного материала. Срочно пришлось создавать новые госпитальные помещения, приспособив под них городские здания и даже школы. Насмотрелся Иван Дейнеко на раненых и калек, и неотступно преследовала его мысль: за что страдает русский мужик?

– Офицеры гонят нас как скот на убой – делились с Иваном раненые солдаты. Припасов не хватает, жрать нечего. Сколько можно окопных вшей кормить!?

Весной 1915 года энтузиазма у горожан значительно поубавилось. С фронта приходили тревожные вести: пользуясь пассивностью союзников России – англичан и французов, немцы перешли в крупное наступление на Восточном фронте и прорвали русскую оборону. Русским катастрофически не хватало оружия и боеприпасов: зачастую на двух-трех солдат приходилась только одна винтовка, а на каждый десяток немецких тяжелых снарядов царская артиллерия могла ответить едва одним выстрелом.

Армия отступала, неся страшные потери, преимущественно за счет попавших в плен.

Над городом все чаще кружились германские аэропланы, сбрасывая бомбы на вокзалы и жилые кварталы. Десятки людей были убиты и искалечены, в городе воцарилась паника. В начале сентября главный начальник Двинского военного округа инженер-генерал князь Туманов распорядился ускорить строительство оборонительных сооружений на подступах к городу. По ночам все чаще слышалась канонада. В конце октября завязались упорные бои за Илукст. Городок солдаты кайзера с большими потерями взяли, но русские упорно зацепились за его окраину и врага дальше не пропустили. Тогда германское командование решило нанести главный удар из района занятого немцами Новоалександровска.

По шоссе на Двинск двинулись отборные прусские полки, продвижение которых с трудом сдерживали малочисленные и плохо вооруженные русские части. Престарелый генерал Плеве, в руках которого находилась оборона Двинска, пребывал в отчаянии. Обещанная помощь запаздывала, а в его распоряжении было слишком мало сил и ресурсов, чтобы удержать столь желанный для противника перекресток транспортных коммуникаций. Наступал критический момент. Когда участь города, казалось, была уже предрешена, Плеве получил телеграмму с сообщением о том, что из Полоцка ему на помощь отбыла 4-я кавказская бригада. Утром воины были в Двинске. На вокзале после молебна и короткого напутственного слова Плеве («разбейте врага и вернитесь живыми») солдаты грузились в автомобили с развернутыми знаменами. Следующая партия прямо из вагонов садилась в машины, которые мчались в сторону Медума, где кипело ожесточенное сражение.

Русские солдаты с ходу вступали в штыковой бой. Высоченные немцы, подкрепленные шнапсом, шеренга за шеренгой лезли вперед и тут же падали целыми взводами и ротами, скошенные пулеметным огнем. Следовали непрерывные рукопашные схватки. В конце концов обескровленный противник не выдержал и начал отходить. Город был спасен, но дорогой ценой – оба кавказских полка понесли тяжелые потери.

В ходе осенних боев южнее города сильно пострадал один из лучших германских корпусов. Крупные потери к юго-востоку от Двинска понесла немецкая кавалерия, пытавшаяся осуществить обходной маневр. Атаки противника у Илуксте также захлебнулись. Тем не менее кайзер Вильгельм II требовал захватить Динабург, не считаясь ни с какими потерями, и лично собирался прибыть на этот участок фронта. Германское командование перебрасывало

под Двинск все новые подкрепления, тяжелую артиллерию, была построена узкоколейка. Все тщето.

С середины ноября на фронте установилось относительное затишье. Обе стороны зарылись в землю. Немцы это сделали более основательно, с максимально возможным в военных условиях комфортом. В окопах у них было сухо и удобно. Состояние русских позиций, как обычно, оставляло желать лучшего: иной раз вода в окопах стояла по колено. Неудивительно, что т. н. небоевые потери в царской армии были весьма велики.

С конца 1915 г. фронт на двинском направлении стабилизировался. Началась позиционная война. Артиллерийские перестрелки происходили с утра до вечера. Господствовавшие в воздухе германские аэропланы также целыми днями кружили над русскими позициями. Разведчики совершали вылазки за языками. В Двинске многие брошенные жителями деревянные дома были разобраны солдатами на дрова. Паек солдат германской армии уменьшался с каждым месяцем – в тылу был введен режим жесточайшей экономии. У солдат обеих противостоящих армий все чаще возникал одинаковый вопрос: «За что воюем? За кого воюем? За баронов и генералов?»

Широкое контрнаступление в районе Двинска планировалось еще царским командованием. В 1916 г. такая попытка не удалась, но идея так и оставалась приоритетной в планах российского масштаба. Однако разразилась Февральская революция.

Урок второй: 1917 г. Революция. Февраль-март. Безвластие. Возвращение Ивана

Революционизирование общественных организаций, в результате открытой борьбы, которую повело против них правительство, стало неизбежным¹. 7 апреля 1916 г. Штюмер признал несвоевременным разрешение съездов всяких организаций.

Поднялась буря протестов, и настроение союзов очень повысилось. Перед самым открытием Думы 1 ноября председатель Думы получил от собрания председателей губернских земских управ и от главноуполномоченного Союза городов обращения к Думе, подписанные Львовым и Челноковым. Кн. Львов писал, что собравшиеся «пришли к единодушному убеждению, что стоящее у власти правительство, открыто подозреваемое в зависимости от темных и враждебных России влияний, не может управлять страной и ведет ее по пути гибели и позора и единогласно уполномочили его довести до сведения членов Государственной Думы, что в решительной борьбе Государственной Думы за создание правительства, способного объединить все живые народные силы и вести нашу родину к победе, земская Россия будет стоять заодно с народным представительством». В мотивах говорилось о «зловещих слухах о предательстве и измене», о «подготовке почвы для позорного мира», о необходимости «неуклонного продолжения войны до конечной победы». В обращении Городского союза повторялись те же мотивы с присоединением обвинения в «преступной медленности, проявленной в польском вопросе», и Дума уведомлялась, что «наступил решительный час – промедление недопустимо, должны быть напряжены все усилия к созданию», наконец, такого правительства, которое, в единении с народом, доведет страну к победе».

Темы речи депутата Думы Милюкова, председателя Партии конституционных демократов (Партии кадетов), которую он готовил к открытию Думы, совпадали с этими указаниями, подтверждавшими ее своевременность и необходимость. Милюков воспользовался для нее всем материалом, собранным в России и за границей, но решил идти дальше. Было очевидно, что удар по Штюмеру теперь уже недостаточен; надо идти дальше и выше фигурантов «министерской чехарды», вскрыть публично «темные силы», коснуться «зловещих слухов», не щадя и того источника, к которому они восходят.

Он сознавал тот риск, которому подвергался, но считал необходимым с ним не считаться, ибо, действительно, наступал «решительный час». Милюков говорил о слухах об «измене», неудержимо распространяющихся в стране, о действиях правительства, возбуждающих общественное негодование, причем в каждом случае предоставлял слушателям решить, «глупость» это «или измена». Аудитория решительно поддержала своим одобрением второе толкование – даже там, где сам Милюков не был в нем вполне уверен. Эти места его речи особенно запомнились и широко распространились не только в русской, но и в иностранной печати.

Впечатление получилось, как будто прорван был наполненный гноем пузырь и выставлено на показ коренное зло, известное всем, но ожидавшее публичного обличения. Штюмер, на которого Милюков направил личное обвинение, пытался поднять в Совете министров вопрос о санкциях против депутата, но сочувствия не встретил. Ему было предоставлено начать иск о клевете, от чего он благоразумно воздержался. Не добился он и перерыва занятий Думы. В ближайшем заседании нападение продолжалось.

Шульгин произнес ядовитую и яркую речь – и сделал практические выводы. Осторожнее, но достаточно ясно поддержал Милюкова Маклаков. Их речи были запрещены для печати, но это только усилило их резонанс. В миллионах экземпляров они были размножены на машин-

---

¹ См.: Милюков П. В. Воспоминания (1859—1917) (Том 2).

ках министерств и штабов – и разлетелись по всей стране. За речью Милюкова установилась репутация штурмового сигнала к революции.

Он этого не хотел, но громадным мультипликатором полученного впечатления явилось распространенное в стране настроение. А показателем впечатления, полученного правительством, был тот неожиданный факт, что Штюмер был немедленно уволен в отставку. 10 ноября на его место был назначен Трепов, и сессия прервана до 19-го, чтобы дать возможность новому премьеру осмотреться и приготовить свое выступление.

Казалось, тут одержана какая-то серьезная победа. Но... это только казалось. Самый выбор нового главы правительства показывал, что власть не хочет выходить из своих окопов и продолжает искать своих слуг все в той же старой среде старых сановников. Депутаты выжидали каких-нибудь шагов по отношению к Думе, чтобы подготовить мирную встречу. Но никаких шагов за эти дни не последовало, и обе стороны встретились врагами. Депутаты хотели по крайней мере выждать выступления нового премьера, чтобы судить о его намерениях, но левые решили устроить Трепову обструкцию. Три раза он тщетно пытался говорить – и был заглушен криками со скамей социалистов и трудовиков.

В ближайшие дни положение еще осложнилось событиями в Москве. Депутатские выступления 1 ноября подняли еще больше тон Земского союза. На запрещения правительства он решил ответить созывом открытого съезда тем порядком, который в 1905 г. получил название «явочного», то есть с полным игнорированием правительственного вмешательства. Кн. Львов приготовил для открытия съезда речь, которая совершенно порывала с прежними «деловыми» традициями союза.

«То, что мы хотели 15 месяцев тому назад с глаза на глаз сказать вождю русского народа, – констатировал Львов (речь идет о непринятой депутации), – что мы говорили в ту пору шепотом на ухо, стало теперь общим криком всего народа и перешло уже на улицу». Но «нужно ли называть имена тайных волхвов и кудесников нашего государственного управления и... оставаться на чувствах негодования, презрения, ненависти»? «Когда власть стала совершенно чуждой интересам народа,... надо принимать ответственность на самих себя». «Остается только воззвать к... Государственной Думе, законно представляющей весь народ русский, и мы взываем к ней:... не расходитесь!» «Оставьте дальнейшие попытки наладить совместную работу с настоящей властью; они обречены на неуспех, они только отделяют нас от цели. Не предавайтесь иллюзиям, отвернитесь от призраков! Власти нет!» «Стране нужен монарх, охраняемый ответственным перед страной и Думой правительством».

17 декабря – появился указ об отсрочке Думы до 19 февраля, а на следующий день произошло убийство Распутина. Сессия началась и кончилась событиями, невозможными при нормальном ходе государственной жизни.

«Власти нет», писал кн. Львов. «Правительства нет», подтверждал Протопопов. И оба признавали, с противоположных сторон: общественные организации хотят занять место власти. Эти признания определили политическое содержание следующего, предреволюционного отрезка времени.

Кн. Львов только что вернулся из Петербурга и на квартире Челнокова рассказывал по секрету последние столичные новости. В ближайшем будущем можно ожидать дворцового переворота. В этом замысле участвуют и военные круги, и великие князья, и политические деятели.

Предполагается, по-видимому, устранить Николая II и Александру Федоровну. Надо быть готовыми к последствиям. Немногие присутствовавшие были согласны в том, что самому Львову не миновать стать во главе правительства. Челноков характеризовал потом этот разговор так: «никто об этом серьезно не думал, а шла болтовня о том, что хорошо бы, если бы кто-нибудь это устроил». Милюков был огорчен, узнав, что Маклаков, присутствовавший при разговоре, докладывал в кадетском кружке, в особняке кн. Долгорукова, более определенно –

о предстоящей революции. Милюкову казалось, что чем больше представляют себе реальный образ революции, тем меньше следовало бы «болтать» о ее неминуемом наступлении и, так сказать, ее популяризировать. Ему, однако, поставили в Москве вполне конкретный вопрос: почему Государственная Дума не берет власть? Милюков ответил: «приведите мне два полка к Таврическому дворцу, – и мы возьмем власть». Он думал поставить неисполнимое условие. На деле он невольно изрек пророчество.

После боевого столкновения блока и общественных организаций с правительством в ноябре и декабре 1916 года, январь и февраль 1917 года прошли как-то бесцветно и не оставили ярких воспоминаний. А между тем эти два месяца были полны политическим содержанием, оценить которое пришлось уже после переворота. Можно судить различно, был ли это эпилог к тому, что произошло, или пролог к тому, что должно было начаться; но это был, во всяком случае, отдельный исторический момент, который заслуживает особой характеристики. Его основной чертой было, что все теперь (включая и «улицу») чего-то ждали, и обе стороны, вступившие в открытую борьбу, к чему-то готовились. Но это «что-то» оставалось где-то за спущенной завесой истории, и ни одна сторона не проявила достаточно организованности и воли, чтобы первой поднять завесу. В результате, случилось что-то третье, чего именно в этой определенной форме – не ожидал никто: нечто неопределенное и бесформенное, что, однако, в итоге двусторонней рекламы, получило немедленно название начала великой русской революции.

Государственная Дума была снова отсрочена, но не распущена.

В конце 1916 года говорили о роспуске и о выборах в новую, Пятую Думу. Но на выборы идти не решились – и еще менее проявили готовности совсем отменить Думу или переделать ее при помощи нового государственного переворота. Царь, правда, вызвал Маклакова, чтобы поручить составить манифест о полном роспуске, и бывший министр призывал царя заблаговременно принять меры «к восстановлению государственного порядка, чего бы то ни стоило». «Смелым Бог владеет», убеждал Николая преемник Столыпина.

Но Николай, «торопившийся ехать» куда-то, отложил письмо и «сказал, что посмотрит». В Совете министров спор шел только о том, как продолжительна должна быть новая отсрочка. В заседании 3 января пять министров высказались за 12 января, соответственно указу 15 декабря об отсрочке, большинство восьми (включая Протопопова) оттягивали до 31 января, во избежание «нежелательных и недопустимых выступлений», а в конце концов трое присоединились к предложению Протопопова продолжить отсрочку до 14 февраля. Премьером, вместо Трепова, был кн. Голицын (с 27 декабря 1916 г.), – полное ничтожество в политическом отношении, но лично известный императрице в роли заведующего ее «комитетом помощи русским военнопленным».

Более выдающегося человека в этот решительный момент у верховной власти не нашлось, и Голицын датировал 14 февраля бланк, лежавший у Штюрмера еще с 7 ноября (В чрезвычайной комиссии кн. Голицын показал, что он получил подписанные царем бланки от своего предшественника Трепова, и что этими бланками он мог воспользоваться как для указа о перерыве занятий Государством Думы, так и для указа о ее роспуске. По словам кн. Голицына, когда он доложил царю о получении от Трепова этих бланков, царь сказал ему: «держите у себя, а когда нужно будет, используйте».

Своей цели этой отсрочкой «нежелательных выступлений» на полтора месяца министры отчасти достигли. Но дело было теперь не в «нежелательных выступлениях». Не с Голицыным же или с Протопоповым предстояло сражаться. В ноябре и декабре прогрессивный блок занял определенные позиции. Теперь перед ним стояла иная задача. В заседаниях 14 и 15 февраля резко выступала внеблоковая оппозиция слева и справа, но печать засвидетельствовала, что ее выступления казались бледными сравнительно с общим настроением страны. В эти дни главная роль принадлежала не Думе.

Более активную роль мог занять Военно-промышленный комитет – отчасти в виду своей связи с рабочей группой, отчасти вследствие председательства Гучкова. В планах Гучкова зрела идея дворцового переворота, но что собственно он сделал для осуществления этой идеи и в чем переворот будет состоять, никому не было известно. Во всяком случае, мысль о дворцовом перевороте выдвигалась теперь на первый план; с нею приходилось считаться в первую очередь. И в среде членов блока вопрос был поставлен на обсуждение. Всем было ясно, что устраивать этот переворот – не дело Государственной Думы. Но было крайне важно определить роль Государственной Думы, если переворот будет устроен. Блок исходил из предположения, что при перевороте, так или иначе, Николай II будет устранен от престола.

Блок соглашался на передачу власти монарха к законному наследнику Алексею и на регентство до его совершеннолетия – великому князю Михаилу Александровичу. Мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией перехода к конституционному строю.

Доклад охранного отделения от 10 января уже соединяет обе темы, политическую и экономическую: «Отсрочка Думы продолжает быть центром всех суждений»... но «рост дороговизны и повторные неудачи правительственных мероприятий в борьбе с исчезновением продуктов вызвали еще перед Рождеством резкую волну недовольства... Население открыто (на улицах, в трамваях, в театрах, в магазинах) критикует в недопустимом по резкости тоне все правительственные мероприятия». Или, в докладе от 5 февраля: «С каждым днем продовольственный вопрос становится острее, заставляет обывателя ругать всех лиц, так или иначе имеющих касательство к продовольствию, самыми нецензурными выражениями». «Новый взрыв недовольства» новым повышением цен и исчезновением с рынка предметов первой необходимости охватил «даже консервативные слои чиновничества». «Никогда еще не было столько ругани, драм и скандалов, как в настоящее время... Если население еще не устраивает голодные бунты, то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем. Озлобление растет, и конца его росту не видать». И охранка «не сомневается» в наступлении «анархической революции»! Что же делалось, чтобы предупредить ее?

23 февраля, когда из-за недостатка хлеба забастовало до 87.000 рабочих в 50 предприятиях, Протопопов просит Хабалова объявить населению, что «хлеба хватает». «Волнения вызваны провокацией». 24 февраля бастовали уже 197.000 рабочих. Хабалов объявлял, что «недостатка хлеба в продаже не должно быть»... Очевидно, «многие покупают хлеб в запас – на сухари». Правительство решило «передать продовольственное дело городскому управлению».

Военный министр распорядился не печатать речей Родичева, Чхеидзе и Керенского, а Хабалов 25 февраля, когда бастовало уже 240.000 рабочих, пригрозил призвать в войска новобранцев досрочных призывов. Протопопов телеграфировал в Ставку, что хлеба не хватает, потому что «публика усиленно покупает его в запас», и что для «прекращения беспорядков принимаются меры». Городская дума обсуждала вопрос о хлебных карточках, а Государственная Дума – о расширении прав городских самоуправлений в области продовольствия. «Меры» состояли в том, что в ночь на 26 февраля были арестованы около 100 членов революционных организаций.

Было очевидно, что все это безнадежно запоздало и направлено не туда, куда нужно. Оставалось... прибегнуть к войскам, к подавлению силой. Вечером 25 февраля царь телеграфировал Хабалову: «повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией»! Что могло быть дальше от реального понимания происходящего?

Итак, последняя инстанция – войска. Но где войска? Какие войска? Протопопов перед чрезвычайной комиссией показывал, что он «и тут был неосведомлен». Он считал их «благонадежнее», чем они были. «Сильных революционных течений в военной среде я не ожи-

дал и был уверен, что, в случае рабочего движения, правительство найдет опору в войсках», и «в верности царю общей массы войск не сомневался» и «это докладывал царю». «Царь был доволен докладом». На деле оказалось иное. Если 23 февраля с толпой еще справлялись полиция и жандармы, то уже 24 февраля пришлось пустить военные части, хотя Хабалов стрелять в толпу не хотел.

25 февраля, после царского приказа, решено стрелять, и 26 февраля войска местами уже стреляли. Но одна рота запасного батальона Павловского полка уже требовала прекращения стрельбы и сама стреляла в конную полицию. 27 февраля отдельные части побратались с рабочими. Хабалов растерялся. Город был объявлен на осадном положении. К вечеру оставшиеся «верными» воинские части составляли уже ничтожное меньшинство, и их приходилось сосредоточивать около правительственных учреждений: Адмиралтейства, Зимнего дворца, Петропавловской крепости.

Где же были в эти роковые дни – 23—27 – представители власти?

К удивлению «многих», царь накануне волнений, 22 февраля выехал из Царского Села в Ставку, сохранив между собой и столицей только телеграфную и, как оказалось, еще менее надежную железнодорожную связь. Он удовлетворялся сравнительно успокоительными телеграммами Протопопова и не обращал внимания на тревожные телеграммы Родзянки. 27 февраля он сказал Фредериксу: «опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать». «Вздором» было предложение Родзянко «немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство».

Совет министров заседал каждый день, перенеся свои заседания, для безопасности, в Мариинский дворец, – но скорее для информации о происходящем, чем для принятия решительных мер. Впрочем, одну решительную меру он принял. В ночь на 26 февраля Голицын поставил вопрос о «ропуске» или «перерыве занятий» Государственной Думы. Большинство склонялось к «перерыву», но предварительно было решено «попытаться склонить прогрессивный блок к примирению».

Двое министров, Покровский (министр иностранных дел после Штюрмера, с 10 ноября 1916 г.) и Ритгих (министр земледелия, проводивший тогда в Думе мероприятия по продовольствию) взялись переговорить с Милюковым, Маклаковым и Савичем.

Ответ получился на следующий день: «примирение невозможно; депутаты требовали перемену правительства и назначение новых министров из лиц, пользующихся общественным доверием». Требование было признано неприемлемым, и решено опубликовать указ о «перерыве». Кн. Голицыну оставалось проставить дату на одном из трех бланков, переданных в его распоряжение царем, и в тот же день вечером Родзянко нашел у себя на столе указ о перерыве с 26 февраля и о возобновлении сессии «не позднее апреля 1917 г. в зависимости от чрезвычайных обстоятельств».

Но 27 февраля сами члены Совета министров «ходили растерянные, ожидая ареста» и – в качестве «жертвы» предложили Протопопову подать в отставку. Он согласился – и с этого момента скрывался. Тут же Совет министров ходатайствовал о назначении над «оставшимися верными войсками» военачальника с популярным именем и о составлении ответственного правительства. Царь согласился на «военачальника» (Иванова), но признал перемены в личном составе правительства при данных обстоятельствах недопустимыми.

Отклонено было и предложение великого князя Михаила Александровича о назначении себя регентом, а кн. Львова премьером.

Царь передал через Алексева, что «благодарит великого князя за внимание, выедет завтра и сам примет решение». А на следующий день (28 февраля) уже и самый Совет министров подал в отставку и ушел в небытие. Мариинский дворец был занят «посторонними людьми», и министры принуждены скрываться. В этот момент в столице России не было ни царя, ни Думы, ни Совета министров. «Беспорядки» приняли обличье форменной «революции».

Утром 27 февраля депутату Государственной Думы Милюкову, председателю ЦК Партии конституционных демократов (Партии народной свободы или кадетов) раздался звонок из Таврического дворца. Председатель созывал членов Думы на заседание. С вечера члены сеньорен-конвента знали, что получен указ Николая II о перерыве заседаний Государственной Думы. Ритуал был тоже установлен накануне: решено было выслушать указ, никаких демонстраций не производить и немедленно закрыть заседание. Оно состоялось, как было намечено: указ был прочитан при полном молчании депутатов и одиночных выкриках правых. Самоубийство Думы совершилось без протеста.

Нельзя же разойтись молча – после молчаливого заседания! Члены Думы, без предварительного сговора, потянулись из зала заседания в соседний полуциркульный зал. Это не было ни собрание Думы, только что закрытой, ни заседание какой-либо из ее комиссий. Это было частное совещание членов Думы.

Были предложения вернуться и возобновить формальное заседание Думы, не признавая указа, объявить Думу Учредительным Собранием, передать власть диктатору, взять власть собравшимся и создать свой орган, – во всяком случае, не разъезжаться из Петербурга. Тем временем создать временный комитет членов Думы для восстановления порядка и для сношений с лицами и учреждениями. Предложение было принято, и выбор временного комитета поручен совету старейшин.

В третьем часу дня старейшины выполнили поручение, наметив в комитет представителей блоковых партий – и тем предрешив отчасти состав будущего правительства. В состав временного комитета вошли, во-первых, члены президиума Думы (Родзянко, Дмитриюков, Ржевский) и затем представители фракций: националистов (Шульгин), центра (В. Н. Львов), октябристов (Шидловский), конституционных демократов (Милюков и Некрасов; присоединены, в проекте, и левые: Керенский и Чхеидзе. Проект старейшин был провентилирован по фракциям и доложен собравшимся в полуциркульном зале. К вечеру, когда выяснился состав временного комитета, выяснился и революционный характер движения, – и комитет решил сделать дальнейший шаг: взять в руки власть. Намечен был и состав правительства.

После полудня за воротами дворца скопилась уже многочисленная толпа, давившая на решетку. Тут была и публика, и рабочие, и солдаты. Пришлось ворота открыть, и толпа хлынула во дворец. А к вечеру депутаты уже почувствовали, что они не одни во дворце – и вообще больше не хозяева дворца. В другом конце дворца уже собирался этот другой претендент на власть, Совет рабочих депутатов, спешно созванный партийными организациями, которые до тех пор воздерживались от возглавления революции. Состав совета был тогда довольно бесформенный; кроме вызванных представителей от фабрик, примыкал, кто хотел, а к концу дня пришлось прибавить к заголовку Совет рабочих также слова и солдатских депутатов. Солдаты явились последними, но они были настоящими хозяевами момента. Весь зал заседаний, балконы и соседние залы были наполнены солдатами.

Потом в зале заседаний, вперемежку с солдатами, открылись заседания Совета рабочих и солдатских депутатов. У него были свои заботы. Пока депутаты принимали меры к сохранению функционирования высших государственных учреждений, Совет укреплял свое положение в столице, разделив Петербург на районы. В каждом районе войска и заводы должны были выбрать своих представителей; назначены были районные комиссары для установления народной власти в районах, и население приглашалось организовать местные комитеты и взять в свои руки управление местными делами. Временный комитет Думы был отеснен в далекий угол дворца, по соседству с кабинетом председателя. Но для нужд текущего дня обеим организациям, думской и советской, пришлось войти в немедленный контакт.

Студенты с саблями привели Щегловитова, и Родзянко хотел, по-видимому, его отпустить. Вызванный по требованию студентов Керенский, несмотря на возражения Родзянко, объявил его арестованным, раньше создания временного комитета Думы, и велел отвести

на ночлег в министерский павильон Думы. Оттуда все арестованные министры и другие лица были на следующий день переведены в Петропавловскую крепость.

Государственная Дума была символом победы и сделалась объектом общего паломничества. Родзянко хотел понимать это, конечно, в последнем смысле и уже чувствовал себя главой и вождем совершившегося. На его последнюю телеграмму царю, что решается судьба родины и династии, он получил 28 февраля ответ, разрешавший ему лично сформировать ответственное правительство.

Он вынужден был ночью на 2-ое назначить Временное правительство. Только в виде информации он передал генералу Рузскому о грозных требованиях отречения царя в пользу сына при регентстве Михаила Александровича.

Действительно, весь день 28 февраля был торжеством Государственной Думы, как таковой. К Таврическому дворцу шли уже в полном составе полки, перешедшие на сторону Государственной Думы, с изъявлениями своего подчинения Государственной Думе.

Временный комитет существовал независимо от санкции председателя, и так же независимо он, а не председатель, наметил состав Временного правительства. Не он, а князь Львов должен был это правительство возглавить, а не назначить.

Ждать, однако же, было некогда. Новая власть была создана. Теоретизировать было рано в те моменты, но очевидность была у всех на глазах. Нужно было немедленно вступать в управление государством и определить, хотя бы вчерне, свои отношения к другим факторам положения: к Думе, к Совету рабочих депутатов, к царю.

Родзянко остался вне власти. Но он продолжал быть председателем Думы, не распущенной, а только отсроченной царским указом. Он пытался считать Думу не только существующей, но и стоящей выше правительства. Дума была тенью своего прошлого. К тому же, срок ее переизбрания наступал в том же году. Временное правительство потом решило выдавать до этого срока содержание депутатам и не возражало против созыва председателем ее наличного состава. Но это и все, что осталось от Думы после того, как она послужила символом революции в первые дни образования власти. Родзянке, конечно, трудно было стать на эту точку зрения. Родзянко очень ошибался, полагая, что слабость Временного правительства зависела от того, что оно не возглавило себя Государственной Думой.

По теории, русская революция должна была быть буржуазной, и, сохраняя «чистоту риз», левые принципиально не хотели входить в состав этого правительства. Депутаты их включили в состав своего правительства, как представителей левых фракций Думы, – и очень дорожили их участием.

Но Чхеидзе, председатель Совета рабочих депутатов, отказался. Керенский, товарищ председателя Совета, лично приглашенный, дорожил министерским постом, как козырем в своей игре, и, можно сказать, вынудил согласие Совета. А Совет решил представителей демократии в правительство не посылать.

Помимо принципиального взгляда на правительство, как на буржуазное, была и другая причина воздержания социалистов от соучастия во власти. Социалистические партии держались в стороне от широкого рабочего движения последних дней перед революцией. Они были застигнуты врасплох, не успев организовать в стране своих единомышленников.

Даже Ленин вплоть до июля держался этой идеи, а его ученики, Зиновьев и Каменев, на этом основывали свое недоверие к своевременности октябрьского переворота. Возвращаясь к первым дням революции, ораторы на съезде Советов 30 марта откровенно признавали эту психологическую причину своего воздержания от власти. «Нам не было еще, на кого опереться. Мы имели перед собой лишь неорганизованную массу», говорил Стеклов. «Мы не чувствовали в первые дни революции почвы под ногами для захвата власти», повторял военный врач Есиповский. При отсутствии этой почвы, подчеркивал Суханов (Гиммер), социалистам «при-

шло бы делать своими социалистическими руками буржуазное дело, и это было бы гибелью доверия демократии и социалистических партий к своим вождям».

Однако же, и Совет не хотел отказаться от своей доли фактической власти. Между этими двумя, главнейшими факторами необходимо было установить определенное соглашение. Потребность в этом чувствовалась едва ли не больше со стороны Совета, нежели со стороны Временного правительства. По крайней мере, инициатива переговоров принадлежала исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов. Поздно вечером 1 марта от его имени явилась к временному комитету Думы и правительству делегация в составе Чхеидзе, Стеклова, Суханова, Соколова, Филипповского и др. с предложением обсудить условия поддержки правительства демократическими организациями.

Еще 28 февраля в Ставке Николая II на фронте где он находился в эти дни, смотрели на волнения в столице, как на бунт, который можно усмирить. Для этой цели были назначены части войск с Северного и Западного фронта, генерал Иванов назначен диктатором с объявлением военного положения в Петербурге, и царь выехал 1 марта из Ставки в Царское. Но в то же время инженеры Некрасов и прогрессист Бубликов вместе с левыми вошли в связь с железнодорожным союзом и оказались хозяевами движения по всей железнодорожной сети. Под этими впечатлениями находился и исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, и, может быть, этой угрозой объясняется и настроение делегатов, направленных с ультиматумом к царю, и их сравнительная уступчивость в ночь на 2 марта.

Оставалось решить последний из больших вопросов образования новой власти: определить положение царя. Что Николай II больше не будет царствовать, было настолько бесспорно для самого широкого круга русской общественности, что о технических средствах для выполнения этого общего решения никто как-то не думал.

Депутаты-кадеты не могли оставить без ответа и без разрешения вопрос о форме государственного строя. Они представляли его себе как парламентарную и конституционную монархию. Как только пройдет опасность и установится прочный мир, – говорили они – мы приступим к подготовке Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Свободно избранное народное представительство решит, кто вернее выразил общее мнение России, мы или наши противники.

Делегаты Госдумы Гучков и Шульгин в 3 часа пополудни выехали навстречу царю и только в 10 часов вечера приехали в Псков. За это время в настроении царя произошло значительное изменение. Выезжая, в ночь на 28 февраля из ставки, он еще рассчитывал усмирить восстание и дал генералу Иванову широкие полномочия, – хотя генерал Алексеев уже убеждал его дать конституцию. Остановленный в ночь на 1 марта в Малой Вишере, в виду опасности столкнуться с восставшими войсками, он уже соглашался на конституцию. Все же, решив повернуть на Псков под покровительство генерала Рузского, он колебался между усмирением и уступками, смотря по ходу событий. Но, приехав во Псков в 8 часов вечера 1 марта и узнав, что революция побеждает, он услышал от Рузского совет идти на все уступки – и поручил Родзянке составить ответственное правительство.

К утру 2 марта он узнал от того же Рузского, что эта уступка уже недостаточна, и что все войска перешли на сторону восставших. А после завтрака Рузский принес ему семь телеграмм от брата Николая великого князя Николая Николаевича, генерала Алексея и от командующих фронтами. Все они настаивали на отречении царя от престола по формуле Прогрессивного блока, переданной Алексеевым: отречение в пользу сына с регентством брата Николая Михаила. Николай согласился и на это, составил соответствующую телеграмму, но до 3 с четвертью часов она не была отослана. А потом он узнал о предстоящем приезде Гучкова и Шульгина – и переменял намерение. Вместо передачи сыну, он решил передать престол Михаилу и в этом смысле составил текст отречения.

Когда приехали депутаты, он встретил их спокойно и передал им свое последнее решение готовым. Гучков перед чрезвычайной революционной комиссией объяснял довольно пространно, почему он отступил от поручения временного комитета. Он хотел увезти с собой во что бы то ни стало хоть какой-нибудь готовый акт отречения – и не хотел настаивать. Уже после подписания акта Шульгин напомнил о князе Львове, и царь написал бумагу о его назначении премьером. Шульгин хотел таким образом установить преемственность власти и предложил поставить на бумаге дату до отречения, когда Николай еще имел право распорядиться. Перед комиссией Гучков хотел было затушевать этот факт, но это ему не удалось: комиссия констатировала, что назначение князя Львова произошло совершенно независимо от царского указа.

В Петербурге ночь на 3 марта, в ожидании царского отречения, прошла очень тревожно. Около 3 часов ночи депутаты получили в Таврическом дворце первые известия, что царь отрекся в пользу великого князя Михаила Александровича. Не имея под руками текста манифеста императора Павла о престолонаследии, депутаты не сообразили тогда, что самый акт царя был незаконен. Он мог отречься за себя, но не имел права отречься за сына. Конечно, все великие князья сразу поняли незаконность акта императора. Если так, то, надо думать, закон о престолонаследии был хорошо известен и венценосцу. Неизбежный вывод отсюда – что, заменяя сына братом, царь понимал, что делал. Он ссылаясь на свои отеческие чувства – и этим даже растрогал делегатов. Но эти же отеческие чувства руководили царской четой в их намерении сохранить престол для сына в неизменном виде. Михаил отказался от престола.

Родзянко принял меры, чтобы отречение императора и отказ Михаила были обнародованы в печати одновременно. С этой целью он задержал напечатание первого акта. Он, очевидно, уже предусматривал исход, а, может быть, и сговаривался по этому поводу.

***

Какие же социальные силы соединились в революционном процессе февральских событий?²

Крестьяне.

Крестьяне представляли самое большое сословие (85% населения). Страх перед голодом был одной из причин консолидации российского крестьянства в рамках традиционной поземельной общины. В течение столетий в условиях налогового гнета государства, помещичьей кабалы община обеспечивала минимальное приложение сил трудовых своих членов, удерживала массу крестьянских хозяйств от разорения. В общине традиционно была взаимоподдержка крестьян в случае голода. Общественным мнением была освящена помощь в деле спасения от голода слабейших крестьянских семей. Хроническое недоедание крестьян создавало в России социальную базу для большевизма и распространения уравнилельных коммунистических идей. Уже к 1906 г. крестьянство в массе своей требовало национализации земли, а во время реформы Столыпина упорно сопротивлялось превращению земли в частную собственность.

К концу XIX века масштабы неурожаев и голодных бедствий в России возросли. В 1872—1873 и 1891—1892 гг. крестьяне безропотно переносили ужасы голода, не поддерживали революционные партии. В начале XX века ситуация резко изменилась. Обнищание крестьянства в пореформенный период вследствие непомерных государственных платежей, резкого увеличения в конце 90-х годов арендных цен на землю – все это поставило массу крестьян перед реальной угрозой раскрестьянивания. Государственная политика по отношению к деревне в пореформенный период оказывала самое непосредственное влияние на материальное положение крестьянства и наступление голодных бедствий.

---

² См.: С. Г. Кара-Мурза «Советская цивилизация». Том 1.

До 1917 г. весь прибавочный продукт нещадно изымался из села («недоедим, а выведем»). Все мало-мальски развитые страны, производившие менее 500 кг зерна на душу населения, зерно ввозили. Россия в рекордный 1913 г. имела 471 кг зерна на душу – и вывозила очень много зерна – за счет внутреннего потребления, причем именно крестьян. Даже в 1911 г., в год исключительно тяжелого голода было вывезено 53,4% всего зерна – больше и относительно, и тем более абсолютно, чем в годы предыдущего пятилетия.

Крестьянство (в том числе «в серых шинелях» – солдаты) подошло в 1917 г. с яркой исторической памятью о революции 1905—1907 гг., которая была не только «репетицией» (как назвал ее Ленин), но и «университетом». Это была первая из целой мировой цепи крестьянских войн XX века, в которых община противостояла наступлению капитализма, означавшего «раскрестьянивание». Таким образом, свергнув в Феврале царизм в союзе с буржуазией и получив возможность влиять на ход политических событий, крестьяне (и солдаты) оказывали давление, толкавшее Россию прочь от буржуазной государственности и капиталистического устройства.

Рабочий класс.

К моменту революции 1917 г. общая численность рабочего класса в России оценивалась в 15 млн. человек – примерно 10% всего населения. Но главное даже не в количестве. Рабочий класс России, не пройдя через горнило протестантской Реформации и длительного раскрестьянивания, не обрел мироощущения пролетариата.

В подавляющем большинстве русские рабочие были рабочими в первом поколении и по своему типу мышления оставались крестьянами. Совсем незадолго до 1917 г. (в 1905 г.) половина рабочих-мужчин имела землю, и эти рабочие возвращались в деревню на время уборки урожая. Очень большая часть рабочих жила холостяцкой жизнью в бараках, а семьи их оставались в деревне. В городе они чувствовали себя «на заработках».

С другой стороны, много молодых крестьян прибывало в город на сезонные работы и во время экономических подъемов, когда в городе не хватало рабочей силы. Таким образом, между рабочими и крестьянами в России поддерживался постоянный и двусторонний контакт. Городской рабочий начала века говорил и одевался примерно так же, как и крестьянин, в общем, был близок к нему по образу жизни и по типу культуры. Даже и по сословному состоянию большинство рабочих были записаны как крестьяне.

Сохранение общинной этики и навыков жизни в среде рабочих проявилось в форме мощной рабочей солидарности и способности к самоорганизации, которая не возникает из одного только классового сознания. Это определило необычное для Запада поведение рабочего класса в революционной борьбе и в его самоорганизации после революции, при создании новой государственности. Рабочие в России начала века «законсервировали» крестьянское мышление и по образу мыслей были более крестьянами, чем те, кто остался в деревне.

Главными носителями революционного духа среди рабочих к 1914 г. стали не старые кадры рабочие (они в массе своей поддерживали меньшевиков), а молодые рабочие, недавно пришедшие из деревни. Именно они поддержали большевиков и помогли им занять главенствующие позиции в профсоюзах. Это были вчерашние крестьяне, которые пережили революцию 1905—1907 гг. именно в момент своего становления как личности – в 18—25 лет. Через десять лет они принесли в город дух революционной общины, осознавшей свою силу.

Буржуазия.

Успешная буржуазная революция в России уже была невозможна. И дело было не только в том, что в массе крестьянства господствовала идеология «архаического аграрного коммунизма», несовместимого с буржуазно-либеральным общественным устройством. Главное заключалось в том, что русская буржуазия оформилась как класс в то время, когда Запад уже заканчивал буржуазно-демократическую модернизацию и исчерпал свой освободительный потенциал. Буржуазная революция может быть совершена только «юной» буржуазией, но эта

юность неповторима. Россия в начале XX века уже не могла быть изолирована от «зрелого» западного капитализма, который утратил свой оптимистический революционный заряд.

Политические пристрастия активной части буржуазии распределялись в широком спектре – от правых и националистов до социалистов. Ведущая буржуазная партия (партия Народной свободы, «конституционные демократы» – кадеты) была реформистской и стремилась предотвратить революцию.

Интеллигенция.

По материалам переписи 1897 г., профессиональная интеллигенция на тот момент включала в себя около 200 тыс. человек. С начала XX века ее численность быстро возрастала, и к 1917 г. оценивалась в 1,5 млн. человек (включая чиновничество и офицеров). Наиболее крупной группой накануне революции 1917 г. были учителя (195 тыс.) и студенты (127 тыс.). Врачей было 33 тыс., инженеров, адвокатов, агрономов – по 20—30 тыс. Около трети интеллигенции было сосредоточено в столицах.

В результате, русская интеллигенция, проведя огромную работу по разрушению легитимности Российского самодержавия, не смогла стать той духовной инстанцией, которая взяла бы на себя легитимацию государства буржуазного. Напротив, значительная и в этическом отношении очень авторитетная часть интеллигенции заняла определенно антикапиталистические позиции. Это особенно проявилось в движении народников, видящих ядро будущего свободного общества в крестьянской общине, а затем и в социал-демократии, принявшей постулат марксизма об освободительной миссии рабочего класса.

Будучи теснее связан с наукой, нежели либерализм, марксизм обладал более широкими объяснительными возможностями. Исходя из идеи преодоления того отчуждения между людьми и между человеком и природой, какое породила частная собственность, марксизм нес огромный заряд оптимизма – в отличие от пессимизма буржуазной идеологии.

Именно эти качества, созвучные традиционным идеалам русской культуры, объясняли тягу к марксизму в России. Влияние марксизма испытали не только социал-демократы, но и несогласные со многими его постулатами народники и даже анархисты. На деле весь культурный слой России и значительная часть рабочих находились под его влиянием.

Интеллигенция сочувствовала революции, имея в виду ее освободительное, а не буржуазное начало, а молодое поколение – студенты – активно участвовали в выступлениях рабочих и крестьян. Их демонстрации обычно предшествовали выступлениям рабочих и служили их катализатором.

Особо важную роль сыграли разночинные городские слои. Во-первых, их представители, находившиеся в армии, имели в ней очень большой удельный вес по численности – около 1,5 млн. человек или 15% всех военнослужащих. При этом очень большая часть их – в качестве офицеров. Во-вторых, именно они приняли активное участие в революционном процессе, непропорционально большое даже по сравнению с их численностью. Это видно по составу армейских комитетов, которые начали создаваться с первых дней революции. К примеру, данные по составу делегатов съезда Юго-Западного фронта в мае 1917 г. Это весьма представительные данные, так как на этом фронте находилось почти 40% всей действующей армии. К средним слоям можно отнести 57% делегатов – 28% служащих, 24% лиц свободных профессий и 5% ремесленников. Из остальных было 27% земледельцев, 10% рабочих и 3% из «господствующих классов» (помещики, фабриканты и торговцы). К осени, правда, вес «средних слоев» в составе армейских комитетов стал снижаться, а число рабочих расти, но все равно политическая активность «разночинцев» оставалась высокой.

Дворянство.

В своих умонастроениях и делах дворянство совершило крутой вираж в связи с революцией 1905—1907 гг. Он во многом предопределил судьбу капитализма в России. Дворянство, имевшее своим главным источником дохода земельную собственность, трудно перенесло

отмену крепостного права и последовавший за ним сельскохозяйственный кризис. В начале века большая часть поместий находилась в упадке, 4/5 дворянства были не в состоянии содержать свои семьи только на доходы от земли. Это определило заметный рост оппозиционности дворянства, которая выразилась в активном участии в земском движении и либеральных настроениях (поддержке конституционализма).

***

Крестьяне четко определили свое отношение к помещикам как классовому врагу. В 1905 г. на съездах Всероссийского Крестьянского Союза были определены враждебные крестьянам силы, и в этом было достигнуто убедительное согласие. «Враги» были означены в таком порядке: чиновники («народу вредные»), помещики, кулаки и местные черносотенцы. А главное, полный антагонизм с помещиками выразался во всеобщем крестьянском требовании национализации земли и непрерывно повторяемом утверждении, что «Земля – Божья». Выборы в I и II Думы рассеяли всякие сомнения – крестьяне не желали иметь помещиков своими представителями.

Разогнав I и II Думы, царское правительство так изменило избирательный закон, что 30 тыс. помещиков получили в III Думе в два раза больше депутатских мест, чем 20 млн. крестьянских дворов. В ходе обсуждения этот проект избирательного закона назывался «бесстыжий».

Когда Столыпин, глубоко понявший уроки революции 1905—1907 гг., предложил и стал осуществлять целостную программу модернизации хозяйства и государства России на капиталистических принципах, консервативное дворянство приняло из нее только ее аграрную часть (разрушение общины и приватизацию земли), но стало оказывать нарастающее сопротивление остальным разделам реформы, без которых и аграрная часть была обречена на крах. Конечно, неудача реформы была уже predetermined упорством сопротивления общинного крестьянства, но влиятельная оппозиция справа не оставила Столыпину никаких шансов.

Духовенство.

Кризис Церкви в начале века вовсе не был следствием действий большевиков-атеистов. Он произошел раньше и связан именно с позицией Церкви в момент разрушительного вторжения капитализма в русскую жизнь. Когда в 1917 г. Временное правительство освободило православных солдат от обязательного соблюдения церковных таинств, процент причащающихся сразу упал со 100 до 10 и менее.

Армия.

В 1917 г. в особый и исключительно важный социальный организм превратилась российская армия. Ее главные черты и роль в революции не вполне укладываются в обычные классовые представления. Эти черты и качества не являются и постоянными, они проявились именно в специфических исторических обстоятельствах 1917 г.

Очень важен был тот факт, что очень большая часть солдат из крестьян и рабочих прошли «университет» революции 1905—1907 г. в юношеском возрасте, когда формируется характер и мировоззрение человека. Они были и активными участниками волнений, и свидетелями карательных операций против крестьян после них. В армию они пришли уже лишенными верноподданнических монархических иллюзий.

Большая мировая война вынудила мобилизовать огромную армию, которая, как выразился Ленин, «вобрала в себя весь цвет народных сил». Впервые в России была собрана армия такого размера и такого типа. В начале 1917 г. в армии и на флоте состояло 11 млн. человек – это были мужчины в расцвете сил. Классовый состав был примерно таков: 60—66% крестьяне, 16—20% пролетарии (из них 3,5—6% фабрично-заводских рабочих), около 15% – из средних городских слоев. Армия стала небывалым для России форумом социального общения, тем более не поддающегося политической цензуре. В тесное общение армия ввела и представителей многих национальностей (костяк армии составляли 5,8 млн. русских и 2,4 млн. украинцев).

Долгая и тяжелая война соединила всю эту огромную массу людей в сплоченную организацию, причем организацию коммунистического типа. Впоследствии явление военного коммунизма стало следствием влияния этого уравнительного уклада воинской общины, какой является армия, на ход русской революции. Это влияние было большим и, например, в германской армии, но в России оно к тому же наложилось на общинный крестьянский коммунизм основной массы военнослужащих.

Именно солдаты после Февральской революции стали главной социальной силой, породившей Советы. Вот данные мандатной комиссии I Всероссийского съезда Советов (июнь 1917 г.). Делегаты его представляли 20,3 млн. человек, образовавших советы – 5,1 млн. рабочих, 4,24 млн. крестьян и 8,15 млн. солдат. Солдаты составляли и очень большую часть политических активистов – в тот момент они составляли более половины партии эсеров, треть партии большевиков и около одной пятой меньшевиков.

В армии возникли влиятельные национальные и профессиональные организации, так что солдаты получали большой политический опыт сразу в организациях разного типа, в горячих дискуссиях по всем главным вопросам, которые стояли перед Россией.

Русская армия буквально на глазах начала деградировать. Ее захлестнули антивоенные настроения, усиленно подпитывавшиеся пропагандой анархистов, большевиков и прочих радикальных элементов. Солдаты Двинского гарнизона, где служил Иван Дейнеко, разгуливали по городу в расхристанном виде – шинели нараспашку, без ремней, многие поснимали с фуражек кокарды – мол, не хотим больше рабского клейма.

Служивые жаждали возвращения домой, поэтому в 5-й армии, как и повсюду, процветало дезертирство. Многие беглецы прихватывали с собой оружие и даже гранаты («рыбку поглотить»). Еще оставшиеся в казармах и на передовой в основном проводили время на митингах, слушая очередного оратора. Ходить на строевую подготовку и учения они более не желали. Приказы командиров обсуждались солдатскими комитетами, которые единственные решали, выполнять их или нет. Офицерам перестали отдавать честь, в гарнизоне было зафиксировано множество случаев нападения на них нижних чинов. Начались братания и торговля с противником в нейтральной полосе.

Издержки упавшей с небес свободы и слишком быстрой демократизации армии были налицо: из когда-то сплоченной и дисциплинированной она стремительно превращалась в анархизирующую толпу. Тем не менее Временное правительство надеялось укрепить пошатнувшийся моральный дух войск и не отказывалось от идеи наступления с двинского плацдарма. В начале июня в город прибыл военный министр Александр Керенский. В штабе 5-й армии «главноуправляющий» произнес патетическую речь, завершив ее призывом: «Вперед, в наступление!» В войска он, однако, поехать не решился, понимая, что большинство солдат не разделяют его оптимизма.

– Здравствуй, Ваня. Шлют тебе привет твои невестки. Живем мы плохо. Мужья на войне, а отец намедни помер. Схоронили. Так что, мужиков теперь нет, работать в поле некому. Мать лежит, не встает, вся больная. Перебиваемся, чем Бог послал. Когда же конец войне?

– Погодите, думал Иван, закончив читать письмо. За все спросим! И погрозил кому-то наверху кулаком: то ли царю, то ли Богу. Будет и на нашей улице праздник! За слезы матерей и детей ответите!

– Иван Емельянович, осколочное ранение, ампутация – выглянула из палатки сестра милосердия.

– Иду. Бросил окурочек, ополоснул в бочке от запекшейся крови руки, и нырнул под полог палатки.

Попытка русского наступления к югу от Двинска 8—10 июля 1917 г. окончилась полной неудачей, если не сказать катастрофой. Артиллеристы, почти не затронутые большевистской агитацией, потрудились на славу, выпустили тысячи снарядов, обратив в руины центр немец-

кой обороны станцию Турмантас и передовые позиции противника. А вот пехота подвела: заняв первую линию немецких окопов, солдаты наотрез отказались двигаться дальше. Оружия и боеприпасов у них, в отличие от «голодного» 15-го года, было предостаточно, но напрочь отсутствовало стремление довести войну до победного конца. Призывы и мольбы офицеров на них никакого воздействия не возымели. Заминкой незамедлительно воспользовалось германское командование. Последовал сильный контрудар в районе Золотой горки. Результат – деморализация, русские части отброшены на исходные позиции. Число погибших и взятых (а также добровольно сдавшихся) в плен исчислялось многими тысячами.

Во время войны были убиты и скончались от ран примерно 9,5 млн. человек, жертвы гражданского населения – от 7 до 12 млн. человек, около 55 млн. человек было ранено.

Иван Дейнеко вместе с другими солдатами был избран в полковой комитет, принявший решение, в соответствии с которым полк отказывался идти на передовые позиции, начали браться с австрийцами. Все это привело к тому, что 79-й пехотный Курипский полк был обезоружен силами 7-го Кавалерийского полка 1-й Армии. Членов полкового комитета, в том числе и Ивана Дейнеко, арестовали и посадили в Дублинскую тюрьму, где он просидел три с половиной месяца. После нескольких дознаний их освободили, но на фронт не послали, а разогнали по запасным полкам в прифронтовую полосу, сначала в город Ровно, затем в местечко Берестечко, в 39-й запасный полк. Там Иван принимал участие во время проведения выборов в Учредительное собрание, агитировал за большевистский список.

Во второй половине декабря 1917 года 36-летний многое повидавший и многое понявший Иван Дейнеко демобилизовался в свое село Дмитриевское. Но ни одного дня работать в своем хозяйстве ему не пришлось.

Урок третий: Советская власть. Во главе Ставропольской губернии. Гражданская война на Кавказе. Дейнеко становится Шатовым. В Пензе. В Ессентуках

Наполнение содержанием зародившихся в советах форм государственности и обретение ими легитимности происходило в основном снизу, стихийно. Становление системы Советов было процессом «молекулярным», хотя имели место и локальные решения. Так произошло в Петрограде, где важную роль сыграли кооператоры. Еще до отречения царя, 25 февраля 1917 г. руководители Петроградского союза потребительских обществ провели совещание с членами социал-демократической фракции Государственной думы в помещении кооператоров на Невском проспекте и приняли совместное решение создать Совет рабочих депутатов – по типу Петербургского совета 1905 г. Выборы депутатов должны были организовать кооперативы и заводские кассы взаимопомощи. После этого заседания участники были арестованы и отправлены в тюрьму – всего на несколько дней, до победы Февральской революции.

*Поначалу обретение Советами власти происходило даже вопреки намерениям их руководства (эсеров и меньшевиков). Никаких планов сделать советы альтернативной формой государства у создателей Петроградского совета не было. Их целью было поддержать новое правительство снизу и «добровольно передать власть буржуазии».

*Та сила, которая стала складываться сначала в согласии, а потом и в противовес Временному правительству и которую впоследствии возглавили большевики, была выражением массового *стихийного* движения. Идейной основой его был не марксизм и не идеология, а народная философия более фундаментального уровня. Сила эта по своему типу не была «партийной». Иными словами, способ ее организации был совсем иным, нежели в западном гражданском обществе.

В 1917 г. количество членов всех политических партий по всей России составляло около 1,2% населения страны. Партийно-представительная демократия, свойственная классовому гражданскому обществу, не была принята населением. Либерально-буржуазное правительство, которое пыталось опереться на такую политическую структуру, «повисло в воздухе». Историки (например, В.О.Ключевский) еще с 1905 г. предупреждали, что попытки сразу перейти от монархии к «партийно-политическому делению общества при народном представительстве» будут обречены на провал, но кадеты этого не поняли. В августе 1917 г. Родзянко говорил: «За истекший период революции государственная власть опиралась исключительно на одни только классовые организации... В этом едва ли не единственная крупная ошибка и слабость правительства и причина всех невзгод, которые постигли нас».

*В отличие от этой буржуазно-либеральной установки, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов формировались как органы не классово-партийные, а корпоративно-сословные, в которых многопартийность постепенно вообще исчезла. Эсеры и меньшевики, став во главе Петроградского совета, и не предполагали, что под ними поднимается неведомая теория государственности крестьянской России, для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов – недоразумением. Этому движению надо было только дать язык, простую оболочку идеологии. И критическим событием в этом были «Апрельские тезисы» В.И.Ленина.

В них сказано, что Россия после Февраля пошла не по пути Запада – без явных решений политиков и лидеров. А значит, сформулированные исходя из западного опыта «законы» в данный момент в России не действуют. К числу таких «законов» относилась возможность социа-

листической революции лишь на стадии «перезревшего» капитализма, а также невозможность такой революции в отдельно взятой стране.

*Ленин описывал происходящее в понятиях последовательной смены ступеней общественного развития: «Не парламентская республика – возвращение к ней от советов рабочих депутатов было бы шагом назад – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху». На деле речь идет о двух разных траекториях, и понятия «*вперед*» и «*сзади*» к сравнению парламента и советов неприменимы. Вернувшись в 1917 г. в Россию, Ленин писал: «Советы рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов не поняты... еще и в том отношении, что они представляют из себя новую форму, вернее, новый *тип* государства».

*На уровне государства это был, конечно, новый тип, но на уровне самоуправления это был именно традиционный тип, характерный для аграрной цивилизации – тип военной, ремесленной и крестьянской демократии доиндустриального общества. В России Советы выросли именно из крестьянских представлений об идеальной власти. Социал-демократы, включая Ленина, долго не понимали сущности русских Советов, относясь к ним или скептически или как к полезным формам рабочего самоуправления. В крайнем случае, их рассматривали как продукт стихийного политического творчества масс, и Ленин отнес их зарождение к временам Парижской коммуны. Тут, видимо, сказывалась оторванность социал-демократов, особенно в эмиграции, от российской реальности.

*Рабочие в массе своей вряд ли знали о теоретических спорах среди социал-демократов и тем более о перипетиях истории Парижской коммуны в 1871 г. Но каждый рабочий знал, что есть волостной сход – собрание деревенских представителей исключительно одного класса (государственные чиновники и другие «чужаки» обычно там не присутствовали), где выборные представители сел обсуждают вопросы, представляющие общий интерес. Причина того, почему общегородская организация представителей, избранных рабочими основных предприятий, была учреждена так легко и как бы сама собой, была напрямую связана с формами, уже известными и общепринятыми.

*Именно в этих Советах увидел Ленин в апреле 1917 г. уже не полезные вспомогательные инструменты, а основание новой государственности. Ему пришлось в этом вопросе пойти на разрыв с западными социал-демократами, представив дело так, будто они исказили учение Маркса: «Мне кажется, что марксистский взгляд на государство в высшей степени искажен был господствовавшим официальным социализмом Западной Европы, что замечательно наглядно подтвердилось опытом советской революции и создания Советов в России».

*Таким образом, в Апрельских тезисах содержался цивилизационный выбор, прикрытый срочной политической задачей. Обращаясь к партии, Ленин в Апрельских тезисах говорит на языке марксизма, но на деле это было *преодоление* марксизма. Главная его мысль была в том, что путь к социализму в России лежит не через полное развитие и исчерпание возможностей капитализма, а прямо из состояния того времени с опорой не на буржуазную демократию, а на новый тип государства – советы. Сила их, по мнению Ленина, была в том, что они были реально связаны с массами и действовали вне рамок старых норм и условностей («как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа»). А ведь в тот момент большевики не только не были влиятельной силой в советах, но почти не были в них представлены.

*Апрельские тезисы всех поразили. Плеханов сразу назвал Апрельские тезисы «бредом». На собрании руководства большевиков Ленин был в полной изоляции. Потом выступил в Таврическом дворце перед всеми социал-демократами, членами Совета. Богданов прервал его, крикнув: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего!». Примерно так же выступил большевик Гольденберг и редактор «Известий» Стеклов (Нахамкес). Отпор был такой, что Ленин покинул зал, даже не использовав свое право на ответ.

*Тезисы были опубликованы 7 апреля. На другой день они обсуждались на заседании Петроградского комитета большевиков и были отклонены: против них было 13 голосов, за 2, воздержался 1. Но уже через 10 дней Апрельская партконференция его поддержала. Большевики «с мест» лучше поняли смысл, чем верхушка партии.

*Потом в советах стала расти роль большевиков (работали «будущие декреты»). История прекрасно показывает этот процесс: власть совершенно бескровно и почти незаметно «перетекла» в руки Петроградского совета, который передал ее II Съезду Советов. Тот сразу принял Декреты о мире и о земле – главные предусмотренные Лениным источники легитимности нового порядка в момент его возникновения.

Весть об октябрьских событиях в Петрограде, а затем в Москве и других городах быстро дошла до села Дмитриевского. Во многих селах Медвеженского уезда еще до того, как Ставропольский губернский народный съезд провозгласил Советскую власть на Ставрополье, крестьяне установили ее по собственному почину в ноябре – декабре 1917 года.

10 декабря 1917 года Дмитриевский революционный комитет созвал общесельский сход, на котором первым выступил беспартийный демобилизованный солдат Иван Емельянович Дейнеко. Он рассказал жителям села о II Съезде Советов в Петрограде, о ленинских декретах, об организации советского правительства во главе с В. И. Лениным.

Был избран Исполнительный комитет Совета товарищей, в который вошли: Дейнеко И. Е., Кондратенко Г., Гринь Д., Дрепа И. Т., Бежко Е., Нежанский Е., Помеляйко С., Ляпах Г. Д., Баруля Д. К.

Декрет об установлении советской власти в Ставропольской губернии был принят на совместном заседании делегатов 4-го губернского крестьянского съезда и народного собрания в ночь с 31 декабря на 1 января 1918 года. Здесь же на объединенном заседании был избран Ставропольский губернский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, как высший законодательный орган губернии, который, в свою очередь, избрал исполком. Исполнительный комитет должен был функционировать между сессиями общих собраний и состоял из 30 человек. Для непосредственного управления губернией исполком выделил из своего состава совет комиссаров из девяти человек. На отдельных членов совета комиссаров возлагались функции заведования отдельными отраслями губернского управления.

Деятельность губисполкома и совета комиссаров главным образом заключалась в организации советской власти на территории губернии. Для установления советской власти в уездах Ставропольской губернии посылались эмиссары. Эмиссар должен был созвать уездный съезд из представителей волостей. Делегаты на уездный съезд выбирались общим собранием села открытым голосованием. На уездном съезде избирался уездный совет и его численный состав определялся съездом. Совет избирал из своей среды исполнительный орган и комиссара, которые должны были проводить мероприятия по организации советской власти.

В инструкции «Организация уездной власти» не назывались конкретные сроки созыва уездного совета. Согласно инструкции «Организация волостной власти» уездный съезд должен был назначать эмиссара для организации советской власти в селах. Эмиссар должен был созывать общее собрание, на котором избирался сельский совет. Все кандидаты баллотировались открытым голосованием. Избранный совет должен был также из своей среды избрать исполнительный комитет (численный состав которого определял сам) и комиссара.

На Ставропольском губернском съезде, который состоялся 2 мая 1918 года, новый губернский исполком был утвержден в количестве шестидесяти человек. Второй губернский исполком в отличие от первого был по составу однородным, коммунистическая партия была на нём руководящей. Левые эсеры хотя и входили в него, но уже не играли существенной роли в руководстве управлением. Новый исполком должен был реорганизовать власть в губернии. 20 мая 1918 года был опубликован «Декрет о власти в Ставропольской губернии», который включал следующие положения:

- высшим законодательным органом в губернии является губернский съезд крестьян, рабочих и красноармейских депутатов;
- в период между сессиями съездов высшей властью в губернии является исполнительный губернский комитет;
- в своей работе исполнительный губернский комитет неотступно руководствуется декретами Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и наказом, данным ему съездом советов губернии;
- для непосредственного управления исполнительный комитет избирает президиум, председателя, трех членов и секретаря, а также выделяет из своего состава комиссариаты (отделы, коллегии), по которым распределяются все члены исполкома.

Таким образом, совет народных комиссаров был упразднен и его место занял президиум исполкома. Первый президиум состоял из следующих лиц: т. Дейнеко (беспартийный), т. Петров (коммунист), т. Морозов (коммунист), т. Мишенин (левый эсер), т. Селивановский (интернационалист). Кроме того, в июне в президиум был принят член Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета т. Вифляев (коммунист).

Газета «Власть Труда» от 20 мая 1918 года переустройство объясняла следующими доводами: «Диктаторские замашки, пышно расцветавшие в Ставропольском совете народных комиссаров, были необходимым следствием старого декрета о власти... Ведь ясно, в провинции, где наблюдается крайнее отсутствие работников, отдельные лица могли использовать свое право „доводить до сведения“ губисполкома для самого неограниченного самодержавия... Ведь это не Питер, и не Москва, где мощные партийные организации зорко следят за своими ответственными работниками».

Президиум распределил всю работу управления по следующим коллегиям: административный отдел, комиссариат продовольствия, комиссариат земледелия, комиссариат народного образования, комиссариат путей сообщения, комиссариат общественного презрения, комиссариат юстиции, комиссариат здравоохранения, комиссариат финансов, комиссариат труда и промышленности, военный комиссариат. Несколько позднее комиссариат труда и промышленности был разбит на 2 самостоятельных комиссариата.

Для реорганизации власти в волостях и селах была использована разосланная центральной властью «Схема организации советской власти на местах». По этой схеме исполнительные волостные комитеты должны были выделить комиссии (по 3 человека) – продовольственную, просветительную, военную и другие по мере надобности. Из работы, проделанной Ставропольским губисполкомом, помимо ведения Гражданской войны, можно выделить следующие: упразднение городской самообороны, ведение местного суда в Ставрополе и избрание нового революционного губернского трибунала. Несмотря на принятие декретов, законов, установление советской власти на территории Ставропольской губернии происходило крайне бессистемно. Советы организовывались в каждом селе, поселке и хуторе так, как кому вздумается. Никакой планомерности в работе не было. Так, в докладе члена краевого комитета Северного Кавказа РКП т. Баяна-Мальцева отмечалось: «Советская и партийная работа поставлены в крае очень плохо. Мы на Северном Кавказе переживаем еще только октябрь, у нас еще нет того, что, собственно, составляет сущность советской власти: декреты не только не проводятся, но их даже хорошенько не знаем. Советские организации, хотя и покрыли своей сетью Республику, только еще налаживаются. Но сплотить массы вокруг них удалось хорошо, в меньшей степени наблюдается это в Ставропольской губернии, которая вообще отстала во всех отношениях, благодаря зажиточности ее крестьян. Партийная работа в крае поставлена очень плохо».

Из этого заявления очевидно, что резко меняется менталитет российского населения. Советская власть ориентируется в первую очередь на незажиточное население, зажиточные крестьяне считаются тормозом, причиной отставания в деле организации новой власти. При установлении советской власти на Ставрополье в 1918 году, большевики столкнулись с боль-

шими трудностями. Вот, например, как эти трудности, анализируя события 1918 года, объяснил в 1920 году председатель Свято-Крестовского упродсовещания т. Куликов: «Существовали преграды, камни преткновения, которые необходимо было преодолеть и обойти при закреплении советской власти как на Северном Кавказе в целом, так и в Ставропольской губернии с уездами в отдельности. Свято-Крестовский уезд, как и вся территория Ставропольской губернии, чуть ли не с самого начала 1918 года являлся ареной гражданской войны, территорией фронтов. В основе такого явления лежит экономическое положение уезда. Прежде всего, необходимо отметить, что того бедняка, на которого часто делаются ставки в центральной России, в Свято-Крестовском уезде, как и в губернии в целом нет. Сравнительная обеспеченность земель и землей плодородной – была исконной причиной занятия населения земледелием. Чтобы представить себе экономическое положение населения, необходимо нарисовать картину жизни крестьян. Собственная «хата», а иногда и хороший дом с надворными постройками, рабочий и домашний скот, птицы, несколько десятин посева, а иногда сад и огород, постоянный достаток, а иногда и большие избытки продуктов сельского хозяйства – вот обычная картина имущественного положения и жизни крестьян.

Советы не представляли собой единой системы власти. Между советами не было политического и организационного единства, они нередко по-разному относились к указаниям и распоряжениям центральных властей. Не было системы в структурах и функциях созданных ими исполнительных аппаратов. В органы власти пришли люди, в массе своей малограмотные, далекие от понимания общегосударственных интересов, не имевшие элементарной политической культуры, часто с анархической психологией.

21 июня 1918 года Ставрополь был занят белогвардейскими войсками, поэтому губисполком вынужден был эвакуироваться в срочном порядке в станицу Невинномысскую. После этих событий количество советских работников сократилось: одни перешли на сторону белогвардейцев, вторые разбежались и больше не вернулись, третьи погибли. В итоге в составе губисполкома осталось 27 человек. Деятельность губисполкома в этот период распространялась на Александровский, Свято-Крестовский, Благодарненский уезды, а также на часть территории Медвеженского и Ставропольского уездов.

В связи с тем что положение на фронте продолжало для большевиков ухудшаться, 19 января 1919 года губисполком покинул территорию губернии. 26 января 1919 года губисполком вновь переехал из хутора Медведева Терской области в Кизляр, а затем в Астрахань, Царицын, Саратов. 30 сентября 1919 года на заседании ликвидационной комиссии Ставропольского губернского исполнительного комитета, на котором присутствовали т. Петров, т. Медведев и т. Чуб, губисполком был ликвидирован.

На Северном Кавказе, важнейшем в экономическом и стратегическом отношении районе, бывшие царские генералы Деникин, Корнилов, Алексеев и другие стали создавать белую армию для борьбы с Советской властью. Северный Кавказ они пытались превратить в базу контрреволюции. Уже в начале 1918 г. Ставрополье оказалось втянутым в гражданскую войну. В конце февраля на северо-западных границах Ставропольской губернии появились белогвардейские войска Корнилова. В марте на южных окраинах губернии выступила банда Шкуро, а к концу апреля военные действия открылись на Маныче. Отряды белых начали орудовать на восточных границах. В самом Ставрополе находилось до 3 тысяч офицеров и юнкеров, готовых на любые антисоветские выступления. Под руководством партийной организации рабочие и крестьяне поднялись на защиту Советской власти. 20 января губвоенкомат издал приказ об организации «народных социалистических гвардейских отрядов» в селах и о сдаче оружия волостным Советам. В г. Ставрополе была создана Красная гвардия в 240 человек, в с. Предтеченском – вооруженный отряд в 200 человек, в Александровском – в 500 человек. Такие же отряды имелись в Степновском, Соломенском, Левокумском и других селах.

Буржуазные контрреволюционные силы усилили борьбу с Советской властью. В с. Александровском им удалось на короткое время захватить власть в свои руки, распустить исполком и арестовать его председателя большевика Войтика. Это контрреволюционное выступление было подавлено отрядом Красной Армии под командованием Чугуева. То же произошло в Святом Кресте. В ночь с 9 на 10 июня 1918 г. с целью свержения Советской власти офицеры подняли восстание в г. Ставрополе. Авантюра белых быстро была ликвидирована силами вооруженных рабочих и отрядами Красной Армии. Губисполком ввел в городе Ставрополе военное положение. Наступление деникинских войск на Северный Кавказ потребовало объединения всех революционных сил. Возникла необходимость создания единой Советской республики на Северном Кавказе. Эта работа была проведена под непосредственным руководством Серго Орджоникидзе. 2 июля 1918 г. в г. Екатеринодаре открылся Северо-Кавказский краевой съезд РКП (б), который признал целесообразным объединить Ставропольскую, Кубанскую, Черноморскую и Терекскую большевистские организации в одну – Северо-Кавказскую. Съезд избрал краевой партийный комитет, в который вошли Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров, А. А. Рубин, В. Крайний, Г. Г. Анджиевский и др.

Вслед за этим 5—7 июля состоялся I Северо-Кавказский съезд Советов, проходивший под руководством крайкома РКП (б). Съезд принял постановление об объединении Ставропольской губернии, Терской, Кубанской и Черноморской областей в одну Северо-Кавказскую республику, являющуюся составной частью Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Съезд поставил перед республикой одну из важнейших задач: организовать боеспособную Красную Армию для обороны Северного Кавказа от посягательств внутренней контрреволюции и иноземных захватчиков. Создание Северо-Кавказской республики проходило в обстановке, когда белогвардейские войска развернули крупные наступательные операции. Они наступали и на Ставрополь. В самом городе сложилось тяжелое положение: контрреволюционеры сеяли панику среди населения, клеветали на коммунистов, стараясь изнутри подорвать Советскую власть.

Обстановка накалялась. 12 июня 1918 года Иван Емельянович Дейнеко созвал чрезвычайное заседание Губисполкома, где было принято постановление о введении военного положения в городе Ставрополе. В нем говорилось:

«В связи с объявлением частичной мобилизации и тем положением, которое переживает Советская республика в настоящее время, когда всевозможные темные элементы куют гнусные замыслы против защитников интересов беднейшего крестьянства и рабочих и используют каждый момент, стараясь ложными сообщениями и измышлениями посеять панику, тревожное настроение, вызвать погромы и нарушить правильный ход жизни, что, конечно, еще более усиливает жизненную разруху и не дает Советской власти бороться с ней, губернский исполнительный комитет принял ряд мер для решительной борьбы со всеми врагами Советской власти. Будут сметены с лица земли все агенты контрреволюции, провоцирующие выступление против Советов. Не будет пощады и темным кучкам, в которых под видом подчинения Советской власти на словах, на деле идет тайная работа подрыва Советов. Против контрреволюционных шаек кадетов и черносотенцев будут приняты энергичные меры. Поэтому губернский исполнительный комитет постановляет:

1. С момента опубликования настоящего постановления г. Ставрополь объявляется на военном положении.
2. Все правительственные и общественные учреждения обязываются оказывать губернскому военному комиссару полное содействие в принимаемых им мерах по охране города.
3. Наблюдение за порядком в городе и за исполнением настоящего обязательного постановления поручается коменданту города совместно с комиссаром по охране города.
4. Воспрещаются всякие собрания на улицах и неорганизованные митинги.

5. Городской милиции и конному резерву исполнять все распоряжения, исходящие от коменданта города.

6. Всем жителям г. Ставрополя воспрещается появляться на улицах после 10 часов вечера и до 4 часов утра. Граждане и гражданки, служащие в советских и общественных учреждениях и имеющие надобность выходить на улицу после 10 часов вечера, должны быть снабжены соответствующими удостоверениями из своих учреждений.

7. Рестораны, гостиницы, столовые, шашлычные и т. п. должны закрываться в 9 с половиной часов вечера.

8. Представления в кинематографах и театрах должны оканчиваться не позднее 9 с половиной часов вечера.

9. На устройство всякого рода общественных собраний надлежит получать разрешения от комиссара по охране города.

10. Подтверждается, что грабители, воры, хулиганы, застигнутые на месте преступления, будут расстреливаться.

11. Участники всяких тайных собраний будут преследоваться по всей строгости революционного закона.

12. Изобличенные в распускании лживых, провокационных слухов будут арестовываться и предаваться революционному трибуналу.

13. Члены губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов объявляются неприкосновенными, и всякое посягательство на таковых будет караться беспощадным образом.

14. Виновные в нарушении настоящего постановления будут подвергаться штрафу до 1 тыс. руб. или заключению в тюрьму до 6 месяцев.

Председатель Дейнеко

Члены президиума: Мишенин, Петров».

Губисполком и партийные организации начали эвакуацию в станицу Невинномысскую. Отряд Ф. Г. Шпака, в ряды которого было объединено около 10 тыс. защитников города – красноармейцев, вооруженных рабочих и членов профсоюзов – героически сдерживал напор белых, ежедневно наносил им большие потери. 21 июля советские войска под натиском превосходящих сил противника вынуждены были отойти по направлению к Невинномысской. В боях за г. Ставрополь был убит один из его защитников командир отряда Ф. Г. Шпак. 27 июля в Невинномыске от руки провокатора-анархиста погиб секретарь губернского комитета большевистской партии Михаил Морозов. В Ставрополе начался белый террор. Партийных работников и сочувствующих Советской власти арестовывали и расстреливали. Повешены были начальник Ставропольского гарнизона Д. С. Ашихин и его заместитель Шатов.

Большевики прилагали усилия, чтобы мобилизовать массы рабочих, трудового крестьянства и прежде всего бедняков и батраков на защиту Ставрополя. Они создавали красноармейские отряды. Во главе их становились способные организаторы и руководители воинских частей и соединений: Апанасенко, Трунов, Ипатов, Литвиненко, Рыльский, Чугуев и другие. Рабочие и крестьяне шли на священную войну против помещиков и капиталистов. В селах Пелагиада, Михайловка, Дубовка, Казинка, Кугульта, Тугулук, Терновка создавались партизанские отряды. В июле 1918 г. Красная Армия Ставрополя имела около 5 тысяч вооруженных бойцов. Военные действия против деникинцев требовали централизации руководства и управления войсками. Однако организационная структура вооруженных сил окончательно сложилась только в сентябре 1918 г., когда фронтовой съезд, проходивший в Благодарном – Новоселицком, постановил объединить все разрозненные партизанские отряды и создать единое командование войсками Ставропольской губернии.

9 сентября 1918 года в селении Благодарном собрался Съезд представителей Ставропольских, Астраханских и Донских войск по вопросам создания Красной Армии. Председа-

тельствовал Иван Дейнеко. Съезд продолжался до 12 сентября. Вели краткую протокольную запись:

«Заседание в селении Благодарном. Представитель от полевого штаба Астраханско-Донских и Ставропольских войск предлагает собранию принять меры к установлению связи всех фронтов советских войск. Представитель 6-й колонны присоединяется к данному предложению. Председатель Благодарненского уездного исполкома докладывает собранию серьезность положения фронта по направлению к Высоцкому, Медвежьему и Петровскому и предлагает мобилизовать все силы, имеющиеся в с. Благодарном, как-то: отряд Романенко, рабочую артель и прочие воинские силы, и этими отрядами сделать заслон от наступающих кадетских банд.

Товарищ председателя Локтев предлагает собранию в срочном порядке приказать отправиться на фронт отряду Романенко, если кто откажется выступить, то таковых уволить, а честным защитникам выступить на фронт по направлению к Высоцкому. Тов. Романенко заявляет, что его отряд имеет мало технических средств, и просит один автомобиль и прочего военного снабжения. Председатель читает протокол общего собрания отряда т. Романенко, в коем отряд просит съезд оставить командиром их отряда т. Романенко.

Собрание постановило: предложить т. Романенко отправиться с отрядом по направлению к с. Высоцкому, т. Оболенскому снабдить отряд техническими средствами вооружения и просить т. Берлова отправить в с. Высоцкое рабочую артель и прочие силы, имеющиеся в Благодарненском уезде. Тов. Ульянов говорит о неорганизованности отрядов, кои действуют не в одно с Красной Армией, разъясняет, что такое классовая борьба и с кем борется в данный момент пролетариат, то есть борцы за революцию, кои должны своими силами раздавить капитал и добиться полного народовластия. Для этого в ряды борцов нужно только принимать людей, кои стоят на платформе Советской власти, то есть согласно постановлению ЦИК и СНК, а негодный элемент удалить из рядов армии. Тов. Ульянов читает постановление комиссии о возрождении армии, выработанное на основании Декрета центральной Советской власти.

Тов. Овчинников предлагает объединить все отряды и не допускать отдельных с их стороны неорганизованных выступлений. Тов. Ульянов предлагает закрыть данное заседание и переехать в другое место, ибо фронт приближается и, наверное, не придется ввиду этого обстоятельства выполнить задачу съезда. Принимается единогласное предложение перевести съезд в с. Новоселицкое. Заседание объявляется Иваном Дейнеко закрытым в 6 с половиной часов вечера 10 сентября 1918 г.

Заседание в с. Новоселицком объявляется открытым в 1 час 15 мин. дня.

По вопросу о возрождении армии съезд постановил: все добровольцы, которые станут в ряды защитников революции, должны оставаться в войсках до тех пор, пока враги революции не будут искоренены и уничтожены, в чем и дают обещание. Все добровольцы должны получать довольствие, содержание по Декрету СНК. Все войско должно сформироваться в более крупные единицы – роты, батальоны, полки, дивизионы и т. д., и во всем управлении должна быть проведена самая строгая централизация, не исключая боевых дружин. На всех солдат, находящихся в рядах добровольческой Советской крестьянской армии, в срочном порядке составить списки и отправить в главный губернский военный штаб (списки рот, батальонов, полков и т. д.). Заседание закрывается в 4 часа пополудни.

Заседание объявляется открытым в 6 час. вечера. По вопросу о пополнении армии съезд постановил: широко развить добровольческую вербовку, если таковых добровольцев будет недостаточно, то сделать частичную мобилизацию... Заседание закрывается в 11 час. 35 мин. ночи.

Заседание объявляется открытым 11 сентября в 9 час. утра. По вопросу о создании высшего губернского военного центрального управления съезд постановил: создать штаб войск Ставропольской губернии, которому строго подчинить все войска Ставропольской губернии. Штаб должен состоять из 10 человек, одного командующего Ставропольскими войсками и двух

помощников, начальника штаба и его помощника, заведующего хозяйственной частью и его помощника, заведующего оружием и его помощника и одного заведующего оперативным отделом.

Поступило предложение о выборе людей в штаб на должностные посты. Предложение принимается единогласно. Иван Дейнеко предлагает собранию назначить кандидатов в губернский штаб. Из числа выдвинутых кандидатов большинством голосов прошли следующие: тт. Рыльский, Хочков, Чертков, Волосатов, Погорелов, Малевский, Григорьев, Шпак, Локтев и Овчинников. Заседание объявляется закрытым в 9 час. вечера.

Заседание объявляется открытым 12 сентября в 8 с половиной часов утра. Присутствуют 30 представителей съезда.

Поступило предложение назначить командующего Ставропольскими войсками и начальника штаба Ставропольских войск из числа выдвинутых кандидатов в штаб. Предложение принимается большинством голосов. Выдвинуты кандидатами на должности: командующего войсками и начальника штаба тт. Рыльский, Шпак, Овчинников, Локтев, Малевский и Григорьев. Большинством голосов утверждается в должности командующего войсками Ставропольской губернии т. Рыльский, а начальником штаба назначается т. Шпак.

По вопросу снабжения и вооружения армии съезд постановил: дело снабжения и вооружения армии поручить губернскому военному комиссариату, который должен создать при себе соответствующие отделы.

По вопросу о продовольствии съезд постановил: во всех уездах Ставропольской губернии должны быть комиссии по продовольствию армии, а губернский военный комиссариат и губернская продкомиссия должны срочно создать тыловое интендантство. В интендантстве должно быть заготовлено достаточное количество провианта, фуража, продуктов и снаряжения, и интендантство должно знать точное количество людей, лошадей, вооружения и снабжения в армии. Все требования в интендантство должны исходить через штаб.

По вопросу о транспорте съезд постановил: транспорт и обоз сформировать согласно дивизионному обозному штату, утвержденному Центральным военным комиссариатом от 20 апреля 1918 г. за № 294. Представитель Северного фронта Ставропольской губернии выясняет серьезное положение Северного фронта, который просил оказать ему помощь техникой. Съезд постановил: послать на Северный фронт один автомобиль с горным орудием и одним пулеметом.

Поступила телеграмма от Благодарненского уездного исполкома о разрешении погребения в с. Благодарном тела убитого видного и деятельного работника – командира 1-го Ставропольского советского полка т. Оделарова. Съезд разрешает.

На предложение губернского военкома о пополнении штата губернского военного комиссариата съезд постановил: разрешить губернскому военному комиссару пополнить штат военного комиссариата как найдет нужным.

Поступило предложение, чтобы все постановления настоящего съезда поручить Ставропольскому военному штабу спешно проводить в жизнь, а также и губернскому военному комиссариату. Предложение принимается большинством.

Заседание съезда окончилось 12 сентября в 8 час. вечера.

Протокол подписал Председатель фронтового съезда Дейнеко».

5 октября 1918 г. приказом исполнительного комитета Северо-Кавказской республики «верховная и военная власть» была передана в руки революционного военного совета Северо-Кавказской XI армии. Большой вред этой армии нанесли скрытые враги Советской власти, предатели вроде бывшего командующего Сорокина и его приспешников. Сорокин расправлялся с негодными ему командирами и политработниками. Он расстрелял командующего Таманской армией И. И. Матвеева. 21 октября 1918 г. Сорокин арестовал и расстрелял председателя ЦИК Северо-Кавказской республики Рубина, секретаря крайкома партии Крайнего, упол-

номоченного по продовольствию Дунаевского, председателя чрезвычайной комиссии фронта Рожанского, председателя чрезвычайной комиссии Пятигорска Власова.

В память о погибшем друге Иван Дейнеко берет его фамилию – Шатов, и удочеряет его трехлетнюю дочь Полину, оставшуюся без матери, умершей от тифа.

В приказе №56 от 6 декабря 1918 года губернского военного комиссара указано: «протоколом Ставропольского губисполкома от 27 ноября 1918 года постановлено фамилию председателя губисполкома Дейнеко согласно его ходатайства заменить фамилией Шатов... Со дня о сем губисполком просит все гражданские и военные советские организации все документы и бумаги впредь сего числа считать действительными за подписью председателя губисполкома Шатова. №6417. Председатель губисполкома Шатов».

Авантюра Сорокина длилась недолго. Организатором борьбы с ней явился краевой комитет большевиков. На совещании Пятигорского партийного актива было решено немедленно созвать II чрезвычайный съезд Советов Северо-Кавказской республики и представителей революционных войск. Он собрался в станице Невинномысской, в прифронтной полосе. Съездом руководили большевики. Сорокин был объявлен вне закона, в районе Ставрополя его задержали и доставили в штаб, а затем расстреляли.

28 октября 1918 г. героическая Таманская армия, прокладывая себе путь на север для соединения с советскими войсками, очистила Ставрополь от деникинцев. Вышедшие из подполья коммунисты вместе с командованием Таманской армии приступили к восстановлению советских учреждений и организаций в городе. Однако, находясь в Ставрополе, Таманская армия вскоре оказалась окруженной белыми войсками. Узнав об этом, штаб ставропольских войск пришел на помощь таманцам. Во взаимодействии с таманцами ставропольцы прорвали кольцо окружения, с 15 ноября начался выход Таманской армии из г. Ставрополя на восток.

Советские войска нанесли немало серьезных ударов по деникинцам. Но армия противника систематически получала неограниченное количество вооружения и снаряжения от империалистов Англии и Франции. Она перешла в наступление. Прорвав фронт Красной Армии в районе Невинномысской и продвинувшись на восток, белые поставили под угрозу тылы ставропольских войск. В опасности оказались Минеральные Воды и Пятигорск, имевшие важное стратегическое значение. Северо-Кавказский революционный Совет и пятигорские большевики под руководством Анджиевского энергично взялись за организацию обороны города. Одновременно с этим находящийся на Северном Кавказе посланец партии Серго Орджоникидзе предпринимал все меры к тому, чтобы укрепить XI армию, повысить ее боеспособность.

Героическая борьба этой армии на Северном Кавказе имела огромное значение для всего социалистического государства. В один из критических моментов в жизни молодой Советской республики XI армия сдерживала сильнейший напор деникинских полчищ и не давала им возможности вести наступление на центральные районы Советской России. Однако, испытывая огромные трудности в снабжении, вооружении и обмундировании, медикаментах, имея к началу 1919 г. до 50 тыс. больных тифом, XI армия не смогла выстоять перед полчищами Деникина и начала свой отход.

В ноябре 1918 года Иван Емельянович Шатов серьезно заболел, и в декабре его освободили от должности председателя Губисполкома. По выздоровлении назначили членом Коллегии Губздравотдела, но работать не пришлось, так как с Северного Кавказа пришлось эвакуироваться. С частью членов Губисполкома и частями Красной Армии переехал в Астрахань. Там снова заболел, по выздоровлении несколько дней работал фельдшером Каспийско-Кавказского фронта.

По распоряжению Москвы Иван Шатов и другие члены Губисполкома переехали в Царицын, затем в Камышин, после назначения ликвидационной комиссии по ликвидации дел Ставропольского Губисполкома Москва Ивана Емельяновича отозвала и он был послан в Централь-

ную школу Советской работы, где проучился около 4-х месяцев, там же окончательно оформил свое вступление в ряды ВКП (б).

События побудили школу распустить и Шатова направили в распоряжение Главного военно-санитарного управления, которое командировало его в распоряжение Санитарной части Первой Армии, получил назначение военкома Пензенского райэвакопункта. Прослужил с 1919 по 1921 год до ликвидации райэвакопункта Пензы. Оттуда Ивана Емельяновича направили с военным госпиталем в г. Ессентуки. С июня 1921 по декабрь 1921 года работал военкомом 770-го военного госпиталя. По его ликвидации с декабря 1921 по февраль 1922 года работал заместителем председателя райисполкома в Ессентуках.

В 1920 году в Пензе Иван Емельянович женился на 26-летней Екатерине Ивановне Калачевой, крестьянке из села Русса Новгородской губернии. Через год у них родилась дочка Галина.

Глава II. Мирошины

Урок четвертый: Пензенская губерния. Село Пачелма. Юность Петра. На польском фронте

В самом конце XVII века юго-западнее Пензы, в степи за валом, на поросшей дикой земле к лесу от речки Синдлей до леса Синбура через дорогу Ломовскую, которая ведет на речку Ворону, и дальше – вниз по речке Вороне до речки Пачелмы, да вверх по речке Пачелме до речки Вечамы, свободную землю по указу Великих государей Ивана и Петра Алексеевичей описали, измерили в десятины, положили в четверти и отдали выборного полку солдатам. Так появилось село Пачелма. Отсюда и пошли Мирошины.

Со временем село стало разрастаться. Земли эти впоследствии неоднократно перепродавались и приобретались помещиками. После отмены в 1861 году крепостного права в селе существовало несколько сельских обществ – государственных и казенных крестьян и несколько обществ – состоящих из крестьян, водворенных на землю того или иного помещика. Всего 300 дворов, где проживало более 1200 душ.

В 1900 году у Василия Мирошина родился сын, назвали его Петром. Следом родились еще сын и три дочери. Петя рос не по годам смышленным мальчиком. Вместе с другими соседскими ребятами поступил в церковно-приходскую школу. Учился хорошо. В свободное время со своим дружкой Гришкой Ухватовым ходили на рыбалку на ближние речушки да озера. Гришка завидовал Петру: как это ему все удается успевать, и отцу помогать по хозяйству, и в школе быть первым учеником, но больше всего завидовал из-за Кати, которая дружила с Петей, хотя он и был моложе нее на три года. Гришка ревновал.

– Ты, Петька, на Катьку Митянину не заглядывайся. Я, когда вырасту, женюсь на ней.

– Не тебе решать.

– Сказано, не лезь, а то побью.

– Ну-ка, попробуй.

Сцепившись, мальчишки покатались по склону оврага.

– Дурак! Ну и дурак же ты, Гришка. Мы же друзья.

– Ну и что, что друзья. Я своего не упущу. Если будешь мне мешать, я не посмотрю, что друг. Так накостыляю, мало не покажется. Тоже мне, друг. Катька моя!

– Катя моя соседка, мы с ней с детства всегда вместе. Почему я должен не дружить с ней, только из-за твоих дурацких требований?

– Смотри, не отстанешь, хуже будет.

В 12 лет Петя окончил трехлетнюю церковно-приходскую школу, и с тех пор работал в хозяйстве отца. Зимой он ухаживал за быками, коровами и овцами. Выгонял на волю гусей и кур. Летом ездил с мальчишками в ночное: пасли лошадей. Но самое горячее время наступало весной, на пахоте. Отец пахал на быках, а Петя бороновал. Сеяли рожь и овес, разбрасывая зерна из лукошек. Через каждые шесть лет общество устраивало передел земли между хозяйствами, чтобы лучшие земли не были в одних и тех же руках, чтобы всем было по справедливости.

В поймах рек и по склонам оврагов землю не пахали, оставляли под сенокосы. Травостой был обильный, и кормов всем хватало. Даже свиньи паслись на подножном корме, добывая своими пяточками сочные коренья. Из-за этого мясо и сало свинины было необыкновенной вкусноты.

Постепенно дружба Петра с Катей переросла в юношеские романтические чувства. В один прекрасный зимний вечер они признались друг другу в любви, и поклялись на всю жизнь быть вместе, что бы с ними не случилось.

Отец выслушал сына, позвал жену.

– Послушай, мать, удумал наш Петя жениться на Катерине Митяниной. Что скажешь?

– А что сказать? Девка справная, на наших глазах выросла. Да и года подошли. Отца и мать ее мы знаем давно. Соседи добрые. Почему не породниться?

Но дальнейшие события отодвинули свадьбу на неопределенное время. Наступил 1917 год. В Пензе большевики установили Советскую власть в декабре, а состоявшийся следом губернский крестьянский съезд принял решение об установлении Советской власти во всей губернии. Мирошины, как и все односельчане, эти известия восприняли с воодушевлением. Теперь, считали крестьяне, они сами будут управлять своими делами, и жизнь станет лучше. По вечерам Петр ходил на собрания молодежи: обсуждали последние события, читали политическую литературу.

Петра привлекала романтика революционной борьбы рабочего класса за устройство новой жизни. Разговоры в семье с отцом и матерью о необходимости переустройства деревни, не встречали у родителей никакого понимания. Наоборот. Их пугали слова о диктатуре пролетариата, говорили, что им и так хорошо, лишь бы не мешали жить.

Как гром среди ясного неба прозвучали слова Петра, что он с февраля устроился рабочим на железнодорожную станцию Пачелма Сызрано-Вяземской железной дороги. Зачем и почему, не мог взять в толк отец.

– А как же хозяйство, Петя? – причитала мать. – После работы на станции буду помогать – отвечал Петр.

Что не устраивало, что не так? – думал отец. Хозяйство справное, крепкое, живем не хуже других, не зажиточные, но и не бедствуем, обходимся своими силами.

В конце мая 18-го случилось восстание Чехословацкого корпуса. Группировка численностью почти семь тысяч штыков с боем взяла Пензу, разогнала Советскую власть, и ушла в сторону Самары. И хотя народная власть была восстановлена, вооруженное выступление Чехословацкого корпуса привело к созданию Восточного фронта. В сферу его действий вошла и территория Пензенского края, ставшая базой для формирования и обеспечения частей Красной Армии. В июне 1918 года здесь был сформирован 1-й советский пехотный полк. В июле началось укомплектование частей 1-й армии Восточного фронта, которую возглавил М. Н. Тухачевский.

В июне 1919-го Петр вступил в комсомол, и добровольцем пошел в Красную Армию, чтобы с оружием в руках защищать Советскую власть. Тем временем, пока Красная Армия была занята борьбой с Антоном Деникиным, Польша начала наступление на Белоруссию и Украину, некогда входивших частью Речи Посполитой.

Один за другим польская армия заняла: Вильно, Слоним, Пинск, Гродно, Минск, Бобруйск. В ходе решительных действий Пилсудского была занята вся Галиция. В конце апреля 1920-го началась советско-польская война. Красная Армия начала наступление на Украину. Особенно эффективно действовала конница Будённого, которая сумела вытеснить поляков из Киева, Житомира и Бердичева. Пока Будённый успешно продвигался вглубь Украины, Тухачевский начал наступление на Белоруссию. В середине августа 1920 года началось сражение за Варшаву. Готовясь к удару, большевики недооценивали польскую армию и способности вражеской разведки. В августе польская армия перешла в наступление. Пилсудскому удалось прорвать фронт и смять основные силы большевиков. Та легкомысленность, с которой Тухачевский относился к Пилсудскому, обернулась для красного командира полным провалом. Армия стремительно отступала, теряя людей, технику и снаряжение. Петр оказался в составе пятой стрелковой дивизии западного фронта, участвовал в боях у города Лепель и в варшавской операции.

Урок пятый: Ранение Петра. Женитьба. Землеустройство. Секретарь райкома

– Ну, что, солдатик, отвоевался? – спросил старый доктор, подойдя к койке Петра. – Ничего, не унывай, главное, что жив остался. Из твоей роты, почитай, всех перебило. А без ноги тоже можно жить. Сделаем тебе деревяшку, и будешь еще за девками бегать.

Хмурым декабрьским утром Петр неловко слез с подножки вагона на перрон станции Пачелма.

– Вот я и дома – тоскливо подумал он, забрасывая на спину вещмешок.

– Вернулся, соколик – окликнула его знакомая тетка на привокзальной площади – эго тебя покалечило... Степаныч – крикнула мужику в тулупе – подвези хлопца до дому.

Увидев Петю без ноги, мама и сестренки заплакали, а отец сурово нахмурился: – Ничего, Петро, люди и в наше время калеками становились, защищая Отечество. Мне-то пришлось на японской многое повидать. Не боись, проживем...

– Катерина твоя, каждый день бегала к нам, – утирая глаза съехавшим с головы платком – сказала мать, все тебя дожидалась. Девка она хорошая, небось, не бросит.

– Прекратить нытье – прикрикнул отец – радость у нас, сын с войны пришел. Ну-ка, мать, мечи все на стол.

Прослышав о возвращении Петра, пришли и ближние соседи.

Из погреба достали квашеную капусту с мочеными яблоками, соленые грузди, солонину, и много всего, от чего Петр успел отвыкнуть на фронте. На деревянной лопате мать достала из русской печи круглый душистый хлеб, ухватом вынула горшки со щами и кашей. Поставили самогон и бражку.

– Ну, гости дорогие, давайте поздравим Петра Васильевича, сына моего, с возвращением. Слава Богу, живой – сказал отец.

Выпив и закусив, начались расспросы, что да как там на войне, и почему эти поляки полезли на наши земли. Сперва Петр отвечал нехотя, тяжело было вспоминать, что их как скот погнали в атаку на артиллерийскую батарею, как от разрывов снарядов наших парней рвало в клочья, но потом, видя, что односельчане ничего не знают про ту войну, начал рассказывать.

– После революции товарищ Ленин дал Польше независимость. Должны бы сказать «спасибо», так нет, захотели вернуть и те земли, за которые русский народ еще при царях кровь проливал.

– Ну, и как же теперича будет? – слышались голоса.

– Землю русскую Советская власть не отдаст! – твердо ответил Петр. Гости загалдели все разом в знак согласия.

– Анютка, – позвал Петр младшую сестренку, прошептал ей на ухо: – беги к Митяниным, позови Катюшу.

Отец взял гармошку, запел:

«Степь да степь кругом.

Путь далек лежит.

В той степи глухой

Замерзал ямщик...»

Выпили еще, перекурили...

«По диким степям Забайкалья,

Где золото роют в горах,

Бродяга судьбу проклиная,

Тащился с сумой на плечах...» – тихо и с грустью в голосе запел Петр. Все проникновенно подтянули.

В дверях появилась Катя. – Здравствуйте, Петр Васильевич, с возвращением вас. Здравствуйте все – и остановилась в нерешительности.

– Проходи, Катюша, – засуетилась мать – садись рядом с Петей. Видишь, какой он теперь, инвалид – и утерла глаза передником.

– Здравствуй, Катюша – сказал Петр – небось, не ждала такого-то, безногого.

– Что ты, Петенька, еще как ждала. Села рядом, залилась румянцем. Зашептала на ухо: – Гришка Ухватов проходу не давал, сватов засылал, да только мне никто кроме тебя не нужен. Тебя люблю, хочу с тобой быть.

Гости стали расходиться.

– Мать – сказал Петр – Катя останется у нас, будем жить с ней как муж и жена.

– Что ты Петенька, креста на вас нет. Как же без венчания? Грешно.

– В церковь ходить комсомольцам не пристало. Завтра распишемся в сельсовете. Обойдемся без церковных обрядов, ни к чему нам это. Катя согласна.

Дня через два к дому подъехали розвальни.

– Петр Васильевич, собирайся. Тебя требуют в сельсовет – сказал возница.

Там, во дворе, на грязном снегу, впережку с конским навозом, Петр столкнулся с дружкой своим старым, Гришкой Ухватовым. Он теперь работал в милиции. На приветствие Петра прошипел со злобой:

– Катьку я тебе никогда не прощу. Бог тебя уже наказал, сделал инвалидом. Попрыгай теперь на одной ноге. Как же ты с молодой-то, на одной ноге? И грязно ухмыльнулся.

– Как ты был, Гриша, дураком – дураком и остался, несмотря, что при власти.

– Это мы еще посмотрим, кто останется в дураках, Петро.

На том и расстались старые друзья-приятели.

– Парень ты грамотный, Петр Васильевич – начал разговор председатель Пачелмского сельсовета Волобуев. – Хоть инвалид, а дома сидеть в двадцать лет негоже. Людей у Советской власти позарез не хватает. Да и комсомолец ты, сознательность должен иметь. Давай завтра же приступай к работе делопроизводителем в исполкоме. Работа серьезная, ответственная, товарищи знают тебя по работе на железной дороге, и они тебя рекомендуют. Да и без ноги тебе сподручнее здесь будет. Так что, давай, до завтра.

С работой Петр освоился быстро. Да еще и за отсутствующих сотрудников работу выполнял. Через два года, двадцати двух лет отроду, на волостном съезде Советов его избрали членом волостного исполкома с исполнением обязанностей заведующего земельным отделом.

Катя грудью кормила первенца, Сашеньку, когда Петр явился домой с этим известием.

– Я всегда знала, что ты сможешь всего добиться, ты умный, порядочный, побольше бы таких в Советах – сказала Катя – но только боюсь я за тебя, ведь это же так опасно.

– Ну, сын, большим человеком ты теперь стал – с гордостью сказал отец. – А чем же ты будешь заниматься?

– Работа предстоит ответственная, – ответил Петр – Землеустройство после революции приобрело новое содержание. Как указывал товарищ Ленин разрушить помещичье и церковное землевладение и создать опору в деревне, благодаря передаче земель малоимущим крестьянам, можно только с помощью землеустройства. Мне придется заниматься образованием земель для создания коммун, сельскохозяйственных артелей, товариществ по совместной обработке земли.

– Это что же, землю у крестьян забрать, и отдать бездельникам, что ли? – загорячился отец.

– Да нет, отец, не забрать, а объединить для коллективной обработки.

– Это колхозы, что ли?

– Работа огромная, отец.

В этот период основным содержанием землеустройства был отвод земель коллективным хозяйствам. Петр уходил на работу рано и возвращался затемно. Мотался на санях и подводах по деревням и селам. Катя всегда ждала его, даже когда свекровь со свекром уже спали, кормила.

– Ты чего-то, сама не своя, Катюша, на заболела ли? – не понял Петр.

– Ножками так и толкает, видно опять мальчик будет – ответила Катя и показала на округлившийся живот. – Бабы говорят, когда рождается много мальчиков, это к войне.

– Война будет или нет, неизвестно, Катя, но ясно одно: без создания современной промышленности, чтобы оснастить Красную армию, воевать трудно. Я это на своей шкуре испытал на польском фронте. А как создать промышленность в крестьянской нашей стране? Только если провести коллективизацию на селе, а избыток крестьян из деревни придет строить заводы и фабрики. Только трудно это осуществить, сильны предрассудки. Вот хоть бы и мои родители: видят только свой интерес, а рабочие в городах и Красная Армия пусть с голоду подыхают. Вот Советская власть и ставит задачу: создать для крестьян такие условия, когда бы они сами поняли преимущества коллективного труда, сознательно трудились на общее дело подъема экономики страны. Однако, поздно уже, хочу спать.

В феврале 23-го Катя родила Петру второго сына, Владимира. А на другой год, в октябре, Петру пришлось расстаться с семьей: Чембарский уездный комитет ВКП (б) командировал кандидата в члены партии Петра Мирошина на учебу в уездную совпартшколу. Через год, окончив учебу и до мая 26-го он работал волостным политпросветорганизатором и заведующим волостной избой-читальней в селе Пачелма.

В 26 лет отроду Петра избрали членом пленума Чембарского уездного комитета ВКП (б) и направили на работу секретарем Волчий Вражского волостного комитета ВКП (б). На плечи юноши легла задача по реализации решений партии по вопросам развития сельского хозяйства, принятых на состоявшемся в декабре 1927 года XV съезде. Как говорилось в его решениях, вся политика пролетарского государства – финансовая, налоговая, кредитная, экономическая политика вообще направлена к тому, чтобы поддерживать всеми доступными мерами бедняцкие и середняцкие слои деревни и – в зависимости от условий – по-разному ограничивать эксплуататорские стремления сельскохозяйственной буржуазии.

Глава III

Урок шестой: Иван Шатов на советской работе: Ессентуки, Железноводск, Пятигорск

Решением партийной организации Иван Емельянович Шатов был направлен на работу заместителем директора Ессентукского курорта, где проработал с февраля по сентябрь 1922 года. В период первой мировой войны Ессентуки, как и другие курорты Кавминвод, превратились в госпитальную базу. Революция 1917г. коренным образом изменила сложившийся уклад станичной и курортной жизни Ессентуков, а последовавшие затем годы Гражданской войны в значительной степени разрушили их курортное хозяйство.

Лишь в начале 1920г. начались восстановительные работы. Тогда же курортная зона была выделена из станицы Ессентукской и получила статус города. Национализированные частные дачи переоборудовались под лечебные учреждения.

Образованное в Пятигорске единое Управление Кавминводами провело большие работы по расширению гидроминеральной базы курорта. За короткое время была создана обширная сеть санаторно-курортных учреждений. Появились централизованные диагностические лаборатории, лечебницы и службы, оснащенные совершенной медицинской аппаратурой и техникой.

Затем Уездный комитет ВКП (б) рекомендовал Ивана Шатова председателем Горсовета в Железноводск. Свое интенсивное развитие Железноводск получает после 1920 года, когда устанавливается Советская власть и город признается лечебным учреждением государственного значения. В городе были национализированы все частные дачи, а особняки и учреждения курортного значения были переданы курортному управлению. В летнее время функционировало 8 санаториев, наряду с которыми строились новые. Также появляются новые бюветы источников.

Железноводск – самый северный, самый маленький и самый живописный курорт Кавказских Минеральных вод. Вместе с тем, Железноводск – «Маленькая Швейцария», так еще называют город, который расположен в живописной долине, образованной горами Бештау и Железной в естественном лесном массиве на высоте 630—650 метров над уровнем моря. Железноводск по своим метеорологическим условиям приближается к климату средних Альп, вполне благоприятен для лечения, как в летний, так и в зимний периоды.

Весьма благотворно влияют на климат прекрасные лиственные леса, воздух насыщен кислородом и фитонцидами, оказывающими благотворное влияние на организм человека. Здесь произрастает около 1350 видов растений, 125 из которых – лекарственных.

Здесь Иван Емельянович работал с сентября 1922 по июль 1923 г. Затем Ессентукским Укомом партии назначен заведующим Уездным отделом коммунального хозяйства, где работал с июля по сентябрь 1923 г. Партия направляет Ивана председателем станичного Совета Ессентуки, там он работал по сентябрь 1924 г.

В ноябре 1923 года в семье Шатовых произошло прибавление: Екатерина Ивановна родила дочку Тамару.

Решением Ессентукской парторганизации Иван Емельянович назначен заведующим Ессентукским районным земельным отделом, работал с сентября 1924 по декабрь 1925 г.

После этого решением терокружка ВКП (б) направлен председателем райисполкома в Арзгир, работал с декабря 1925 по ноябрь 1928 г. Арзгирский район расположен в северо-восточной части Ставропольской губернии. Территория с северной стороны граничила с Калмыкией, граница проходила по Чограйскому водохранилищу. С северо-западной стороны граница проходила с Туркменским районом, юго-западная сторона граничила с Благодарненским

районом, южная часть района соприкасалась с Буденновским, а восточная с Левокумским районами.

Природные условия района характеризовались, в целом, спокойным рельефом, это – степная равнина, изрезанная балками и оврагами. Район отличался засушливым климатом и относился к зоне рискованного земледелия, т. к. расположен в одной из наиболее засушливых зон Ставропольской губернии.

В ноябре 1928 г. решением терокружка ВКП (б) Иван Шатов был направлен председателем горсовета в Железноводск.

В июле 1932 г. Ивана Дейнеко вызвали в Ростовский крайком ВКП (б).

– Иван Емельянович, на вас поступил сигнал – начал разговор ответственный работник крайкома партии. – Вам ставится в вину разбазаривание продовольственных запасов. Вот вам бумага, напишите подробно о себе без утайки: кто вы, откуда, чем занимались до революции, на каких должностях работали с начала трудовой деятельности. Заполните и вот эту анкету.

– Да вы же меня хорошо знаете – сказал Иван – вся моя жизнь как на ладони. Что же еще писать?

– Такой порядок. Пишите.

Оставшись один в кабинете, Иван Емельянович склонился над столом, а перед глазами прошла вся его жизнь. – Ну, что ж, видно, пора подводить итоги. Увижу ли Катюшу, детей?

«Личный листок по учету кадров», прочел Иван Емельянович, и обмакнул перо в чернильницу.

Фамилия *Шатов*, имя *Иван*, отчество *Емельянович*, вывел он.

1. Пол: *мужской*.

2. Год и м-ц рождения: *1881-VIII*.

3. Место рождения (по существующему административному делению): *Село Дмитриевское Орджоникидзевского края*.

4. Национальность: *Русский*.

5. Социальное происхождение: а) бывшее сословие (звание) родителей: *крестьяне*, б) основное занятие родителей до Октябрьской революции: *сельское хозяйство и по найму*, после Октябрьской революции: *умерли*.

6. Основная профессия (занятие) к моменту вступления в партию: *курсант Центральной школы Советской работы*.

7. Социальное положение: *крестьянин*

8. Партийность: *член ВКП (б)*

9. Какой организацией принят в члены ВКП (б): *Московской городской парторганизацией*.

10. Партстаж (месяц, год): *1919 г.; № партбилета: 2608825*.

11. Стаж пребывания в ВЛКСМ с -- по --

12. Состоял ли в других партиях (каких, где, с какого и по какое время): *Никогда не состоял в других партийных организациях*.

13. Состоял ли ранее в ВКП (б) (да, нет): *нет*; с какого и по какое время: *не состоял*; и причины исключения или выбытия –

14. Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (каких, когда): *колебаний не было и в оппозициях не состоял*.

15. Членом какого профсоюза состоит и с какого года: *служащих*.

16. Образование: *низшее*.

Полное название учебного заведения и его местонахождение: *Дмитриевская сельская школа*. Дата (м-ц, год) поступления: *1891*; окончания или ухода: *1893*. Окончил или нет: *нет*. Какую (узкую) специальность получил: *никакой*.

- Центральная школа Советской работы г. Москва. VI-1919, X-1919. Окончил или нет: Нет. Какую специальность получил: Никакой*
- Партийно-политическое образование: Нет.*
- 17. Ученая степень (звание): Не имею.*
- 18. Имеет ли научные труды: Нет.*
- 19. Был ли за границей: Не был.*
- 20. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая военную службу):*
1894—1896. Портной ученик. У частного лица. Село Дмитриевское.
1896—1899. По найму портной. У частного лица. Село Дмитриевское.
1899—1903. Сельское хозяйство и портновская. У себя на дому и крестьянство. Село Дмитриевское.
1903—1907. Ротный фельдшер. 14 гренадерский Грузинский 81 артиллерийский полк. Города Белая Калитва и Владикавказ.
1907—1914. Сельское хозяйство и портной. У себя на дому и крестьянство. Село Дмитриевское.
1914—1917. Ротный фельдшер. На войне царской. 79 пехотный полк. На Турецком и Юго-западном фронтах.
1917-VII – 1918-V. Председатель волостного исполкома. Волостной Исполком. Село Дмитриевское.
1918-V – 1918-XII. Председатель. Губисполком. Город Ставрополь.
1918-XII – 1919-IV. Член Коллегии. Губздравотдел. В пределах Ставрополя.
1919-IV – 1919-VI. Исполняющий дела казначея. Губисполком. В пределах Ставрополя и Астрахани.
1919-VI – 1919-X. Курсант. Центральная школа Советской работы. г. Москва.
1919-X – 1921-VI. Военком. Город Пенза.
1921-VI – 1921-XII. Военком. 770 военный госпиталь. Город Эссентуки.
1921-XII – 1922-II. Заместитель Председателя. Райисполком. Город Эссентуки.
1922-II – 1922-XI. Заместитель директора Курортного управления. Город Эссентуки.
1922-XI – 1923-VII. Председатель. Городской Совет. Город Железноводск.
1923-VII – 1923-XI. Заведующий коммунальным отделом. Город Эссентуки.
1923-XI – 1924-IX. Председатель. Станичный Совет. Станица Эссентуки.
1924-IX – 1925-XII. Заведующий. Районный земельный отдел. Город Эссентуки.
1925-XII – 1928-XI. Председатель. Райисполком. Город Арзгир.
1928-XI – 1932-VII. Председатель. Городской Совет. Город Железноводск.
- 22. Участие в центральных, республиканских, краевых, областных, окружных, городских выборных органах (местонахождение выборного органа, Название выборного органа, В качестве кого выбран, Какого созыва, Дата (м-ц, год) избрания/выбытия:*
Ставрополь, Губисполком, Председатель, Чрезвычайного, 1918-V/1918-XII
Эссентуки, Райисполком, Заместитель председателя, I, 1921-XII/1922-II
Железноводск, Горсовет, Председатель, III, 1922-XI/1923/VII
Эссентуки, Райисполком, Заведующий районным земельным отделом, – 1924-X/1925-XII
Арзгир, Райисполком, Председатель райисполкома, III, 1925-XII/1928-XI
Железноводск, Горсовет, Председатель горсовета, – 1928-XI/1932-VII
- 23. Знание иностранных языков народностей СССР: Нет.*
- 24. Участвовал ли в революционном движении и подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции (за что, когда, каким): подвергался за большевистскую пропаганду, за братание с австрийцами, за агитацию против войны и Временного правительства. На Юго-западном фронте близ станции Броды был арестован, просидел в Дубенской тюрьме 3,5 месяца.*

25. Служба в армиях:

а) в старой армии: *действительная служба с 1903 по 1907, последний высший чин: ротный фельдшер; на войне с 1914 по 1917.*

б) в Красной гвардии: *нет.*

в) в РККА: *с 1919 по 1922, последняя высшая должность: военком госпиталя.*

г) участвовал ли в боях во время гражданской войны (где, когда и в качестве кого): *Будучи председателем Губисполкома выезжал на фронты, участвовал в боях в селах Медвежьем, Березовка.*

26. Служил ли в войсках или учреждениях белых правительств: *Не служил.*

27. ...1. Снят с воинского учета: *за достижением возраста снят с учета.*

28. Военное звание: — —

29. Какие награды и поощрения имеет после Октябрьской революции: *Нет.*

30. Привлекался ли к судебной ответственности (кем, когда, за что и решение суда): *под судом и следствием не был.*

31. Подвергался ли партвзысканиям за время пребывания в ВКП (б), дата (м-ц, год), кем наложено партвзыскание, За что (сущность дела), Какое наложено партвзыскание, Когда и кем взыскание снято: *Нет.*

32. Семейное положение в момент заполнения листка:

Жена Екатерина Ивановна Шатова, 1907, крестьянка Новгородской губернии, село Русса, имеет мать 85 лет, три сестры колхозницы и сестра инвалид, имею двух дочерей Галину и Тамару. Имею сестру 80 лет, в колхозе не состоит.

Личная подпись: *Шатов.*

Автобиография, вывел Иван Емельянович, и задумался: зачем все это, если завтра арестуют? Но делать нечего. Обмакнул перо и начал:

Родился я в 1881 году в августе месяце в селении Дмитриевское Орджонидзевского края бывшем Ставропольском, отец мой был крестьянин бедняк, частично занимался сельским хозяйством, но почти всю свою жизнь проработал мельником на чужих купецких мельницах. Мать являлась домашней хозяйкой и работала на поденщине. Отец умер до Октябрьской революции, а мать почил в 1919 году. Было еще старше меня два брата, один из них умер до Октябрьской революции, другой в конце 1918 года. В живых осталась старшая от меня сестра Анастасия Емельяновна Бережкова, живет в с. Тохта в колхозе. Никто из перечисленных выше не лишился права голоса, в белых не служил, родственников за границей нет.

Учился я в Дмитриевской сельской школе 3 зимы, зимой ходил в школу, а осенью, летом и весной то пас скот, то погонял лошадей-волов у богатых крестьян. Школу окончил за I – II группы. Как только не стал ходить в школу, то отец отдает меня портновским учеником местному портному на 3 года. Прочился 1894 – 1896 годы. Самостоятельно работать не научился, вынужден был поступить по найму тоже к местному частному портному, где проработал с 1896 по 1899 г. и до 1902 г. работал в своем селе, в страдную пору сельхозработ занимался в семье сельским хозяйством., а вне ее портновским делом и у себя на дому и в крестьянских на их материале.

В ноябре месяце 1902 г. призывают меня на действительную военную службу в 14-ый Гренадерский Грузинский полк, урочище Белый Ключ, около года я прослужил в строю рядовым, осенью меня посылают в учебную команду этого же полка, мне это не дается, я добровольно иду в фельдшерские ученики в полковой лазарет, где пробыл около 2-х лет. В 1905 году получив звание фельдшера (ротного) меня перевели в город Грозный, 84-й Дагестанский полк. Не прослужил и месяца как меня перебрасывают в город Владикавказ, 81-й Ашиеронский полк, в пулеметную команду фельдшером, как раз в это время вспыхнула революция 1905 года, не принадлежа ни к какой партии все же участвовал в этом движении, распространял рево-

люционную литературу, участвовал и на митингах. За это меня и других товарищей разогнали по другим частям. Меня перевели там же во Владикавказе на 1-й Кавказский артиллерийский полк фельдшером команды.

В апреле месяце 1907 года я уволился в запас, вернулся снова в свое село Дмитриевское, где начал снова заниматься частично сельским хозяйством и портновским делом самостоятельно. Так я проработал до 1914 года. В 1914 году меня мобилизуют в действующую армию на Турецкий фронт, сначала город Корс, 79 пехотный Курпский полк фельдшером, с этим полком я ушел и на Турецкий фронт.

В мае месяце 1915 года полк перебрасывается на Юго-западный фронт, куда еду и я, сначала Львов, а затем Двинск, Броды, где застают нас буржуазная февральская революция 1917 года. Выявившаяся активная часть солдат большевистски настроена, куда и я входил, была избрана в полковой комитет, который довел полк до такого состояния, что он отказывался идти на передовые позиции, начали брататься с австрийцами и это все привело к тому, что 79-й пехотный Курпский полк был обезоружен силой оружия 7 кавалерийского полка 1-й армии, из полкового комитета, в том числе и меня, арестовали и посадили в Дублинскую тюрьму, где я просидел 3,5 месяца. После нескольких дознаний нас освободили, но на фронт не послали, а разогнали по запасным полкам в прифронтовую полосу, сначала город Ровно, затем местечко Берестечко, 39-й запасный полк, тут же я принимал участие во время проведения выборов в учредилку, кое что и там сделали в агитации за большевистский список.

Во второй половине декабря 1917 года я демобилизовался в свое село Дмитриевское и ни одного дня не работал в своем хозяйстве. С пришедшими с разных фронтов большевистски настроенными товарищами мы прогнали старосту и земство. В конце 1917 года избрали первый в селе Волостной исполком, на первом пленуме Совета меня избрали председателем исполкома, немало пришлось работать, так как Донские казаки и Кубанские образовали фронты, и против них приходилось противодействовать, силы мобилизовывать и посылать против белых. В мае месяце 1918 г. получился кризис власти, был созван Чрезвычайный Съезд Советов, на который меня избрали. На этом Съезде меня избрали членом Губисполкома, и на первом пленуме председателем Губисполкома.

Не имея достаточного опыта работать было тяжело, тут в июле месяце белогвардейское восстание в самом городе, правда оно было жестоко подавлено. Белогвардейские банды все больше и больше напирали. Город Ставрополь оставили, Губисполком начал работать в пределах Ставрополя. Доработал я в этой должности до ноября 1918 года, заболел тяжело и надолго, а в декабре 1918 года меня освободили от этой должности. По выздоровлении меня назначили членом Коллегии Губздравотдела, но работать не пришлось, так как с Северного Кавказа пришлось эвакуироваться. С частью членов Губисполкома и частями Красной Армии переехал в Астрахань. Там снова заболел, по выздоровлении я несколько дней работал фельдшером связи Каспийско-Кавказского фронта, по распоряжению Москвы я и другие члены Губисполкома переехали в Царицын, затем в Камышин, после назначения ликвидационной комиссии по ликвидации дел Ставропольского Губисполкома Москва меня отозвала и я был послан в Центральную школу Советской работы, где проучился около 4-х месяцев, там же окончательно оформил свое вступление в ряды ВКП (б).

События побудили школу распустить и меня направили в распоряжение Главного военно-санитарного управления и последнее командировало в распоряжение Санитарной части Первой Армии, получил назначение военкома Пензенского райэвакопункта. Прослужив с 1919 по 1921 год по ликвидации райэвакопункта Пензы меня направили с военным госпиталем в г. Ессентуки. С июня 1921 по декабрь 1921 года работал военкомом 770-го военного госпиталя. По его ликвидации с декабря 1921 по февраль 1922 года работал заместителем председателя райисполкома в Ессентуках. Решениями партийной организации переброшен на работу заместителем директора Ессентукского курорта, где проработал

с февраля 1922 по сентябрь 1922 года. Укомом партии переброшен в Железноводск председателем Горсовета. Работал с сентября 1922 по июль 1923 г. Ессентукским Укомом переброшен и назначен Укомхозом, где работал с июля 1923 по сентябрь 1923 г., затем председателем станичного Совета станицы Ессентуки по сентябрь 1924 г. Решением Ессентукской парторганизации назначен заведующим Ессентукским районным земельным отделом, работал с сентября 1924 по декабрь 1925 г.

Решением терокружка направлен председателем райисполкома в Арзгир, работал с декабря 1925 по ноябрь 1928 г. Решением терокружка переброшен в Железноводск. Здесь работаю с ноября 1928 по настоящее время.

В партию ВКП (б) я вступил в сентябре месяце 1919 года в городе Москва, принят московским райкомом партии. Поручителями были т. т. Харченко и Снетков. В других партиях не состоял и из партии ВКП (б) не выбывал, в оппозициях и группировках не состоял, ни в учреждениях ни в армии белых не служил, много раз избирался на Съезды Советов до краевых, а так же на партийные конференции от районных-городских до краевых конференций.

Сам я семейный, жена Шатова Екатерина Ивановна и две дочери Галина и Тамара. Социальное происхождение жены – крестьянка, село Русса Новгородской губернии, бедняки. Имеет мать старуху 80 лет, сестру – жена служащего, и брата колхозника – Иван Калачев.

К сему Шатов И. Е.

– Написали? – спросил вошедший товарищ. – Переночуете в общежитии, а завтра в 12 часов вы должны явиться в комнату номер 15.

– Скажите, я могу как-то сообщить жене? Она волнуется.

– Не торопитесь. И, забрав бумаги, вышел, не попрощавшись.

– Сегодня хотя бы не арестовали, – думал Иван, – а что будет завтра? Кто написал донос? О чем? Ничего не понимаю.

В назначенное время на заседании бюро крайкома ВКП (б) Ивану Емельяновичу Шатову за дачу разрешения Горпотребкооперации дать взаимобразно 500 кг. муки и дачу разрешения на реализацию остатков курортных фондов населению через розничную торговлю, объявили выговор и освободили от работы председателем Железноводского горсовета.

– За что? – спрашивал Иван Емельянович – Я же для людей старался...

– Скажи спасибо, что легко отделался. Учли твои заслуги, а то бы не сносить тебе головы – сказал секретарь крайкома. – Относительно дальнейшей работы... обратись в городскую парторганизацию, если они доверят какую-то работу, крайком возражать не станет.

– Я бы хотел переехать в Пятигорск.

– Не возражаем. Зайдите там в горком партии.

В Пятигорском горсовете работала заместителем председателя старая большевичка Белогрудова, с которой Иван был знаком еще по работе в Ставрополе. – Может быть, поможет – думал Иван. Белогрудова, действительно, помогла. Сходила в горком партии, поручилась за Ивана Емельяновича, и он начал работать в Пятигорской артели «Зернохлеб» крайисполкома. В станице Горячеводской, входившей в черту города, на улице Шоссейной семье Шатовых выделили небольшой земельный участок для строительства дома и приусадебного хозяйства. Дома тогда строили из самана – глиняных самодельных кирпичей, замешанных пополам с соломой, и высушенных на солнце. Вскоре приехала Екатерина Ивановна с девочками.

Глава IV

Урок седьмой: Государственная политика в деревне. Голод

В конце 1932 – первой половине 1933 гг. на огромной территории с населением не менее 50 миллионов человек разразился страшный голод³. Он охватил почти всю Украину, Северный Кавказ, Поволжье, южные районы Центральной черноземной области (ЦЧО) и Урала, Западную Сибирь и Казахстан. В отличие от голода 1921—1922 гг., который был результатом сильнейшей засухи в Поволжье и некоторых районах центрально-черноземной полосы, голод 1932/33 гг. явился следствием государственной политики в деревне в начале 1930-х годов.

М.А.Шолохов писал, что под видом борьбы с саботажем в колхозах – весь хлеб, в том числе и выданный колхозникам на трудодни, был изъят, в результате чего в колхозах начался голод. Однако вина за это возлагалась не на центральное, а на краевое руководство Северного Кавказа.

Сталин позднее на одном из совещаний признал, что у нас, например, миллионов 25—30 голодало, хлеба не хватало, а вот теперь стали жить хорошо. Но ни причин голода, ни его виновников он не назвал, а его речь, как и упоминание о голоде, в печати не публиковалась.

Вообще-то говоря, голод в тех или иных размерах являлся постоянным спутником коллективизации, хотя причины его носили не только объективный характер (частичный неурожай, засуха, болезни растений), но и субъективный (планирование заготовок, изъятие денежных средств из деревни, бесхозяйственность в колхозах). Весной 1930 г., по сообщению Хатаевича Сталину в ряде районов Среднего Поволжья наблюдался голод.

В 1931 г., по признанию самого Сталина, ряд урожайных районов Украины оказался в состоянии разорения и голода. Такое же положение было в некоторых районах Урала, Западной Сибири и даже Северного Кавказа.

В июне 1932 г. в Харькове состоялась III конференция КП (б) Украины, на которой с докладом об итогах весенне-посевной, хлебозаготовительной и уборочной кампаний и задачах организационно-хозяйственного укрепления колхозов выступил Косиор. Говоря о трудностях уборочной и хлебозаготовительной кампаний, докладчик в основном свел их к неудовлетворительному руководству партийной организации Украины.

– У нас в хлебозаготовительной кампании – говорил Косиор – было допущено много ошибок, перегибов и недостатков. Но что и кто тут виноват? Или план хлебозаготовок, или неправильное руководство, плохая работа нашей партийной организации? Попытки объяснить все серьезные провалы нашей работы планом хлебозаготовок нужно решительно отбросить, осудить, ибо это не что иное, как капитуляция перед трудностями и сползание на позиции враждебных элементов, на антипартийный путь.

И далее, развивая тезис об обострении классовой борьбы в деревне, о контрреволюционном кулацком влиянии в колхозах, он говорил: – Всяческие контрреволюционные элементы, кулачество, подкулачники, пролезшие в колхозы, используя ошибки прошлого года, проводят теперь борьбу против скирдования хлеба, распространяют всяческие слухи, агитируют за хищение хлеба.

О том, что в ряде районов Украины уже начался голод Косиор ничего не сказал. Накануне конференции, 26 апреля 1932 г., он писал Сталину: «У нас есть отдельные случаи и даже села, которые голодают, однако это лишь следствие местного головопьяства, перегибов, особенно в отношении колхозов. Всяческие разговоры о „голоде“ на Украине следует категорически отбросить». И это несмотря на то, что председатель ВЦИК Петровский писал Косиору, что

---

³ См.: Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928—1933 гг.)

в связи с тяжелым продовольственным положением в Днепропетровской, Одесской, Харьковской, Киевской и Винницкой областях, он считает необходимым сообщить об этом в Москву и просить ЦК ВКП (б) принять постановление о прекращении хлебозаготовок на Украине.

Принимавшие участие в конференции Молотов и Каганович решительно потребовали выполнения плана хлебозаготовок во что бы то ни стало. – Вы должны – говорил Каганович – подготовить и развернуть работу, чтобы полностью выполнить план хлебозаготовок, решительно перебороть все и всяческие демобилизационные, а нередко и капитулянтские, правоопортунистические настроения в хлебозаготовках.

Так же решительно был настроен и Молотов. Выступая на III партийной конференции в Харькове, он сказал, что надо дать решительный отпор антибольшевистским попыткам провалы в работе объяснить напряженным планом хлебозаготовок. И «отпор» был дан.

Только в одной Донецкой области с сентября 1932 г. по апрель 1933 г. было осуждено 9286 человек, в том числе: 3461 единоличник, 1636 колхозников, 1560 так называемых «нетрудовых элементов», 552 служащих, включая партийно-советских работников. К высшей мере наказания было приговорено около 300 человек, остальные – к различным срокам лишения свободы. А в это время десятки районов Донецкой области, многие тысячи крестьян голодали и умирали. По данным Главного политического управления (ГПУ), в 21 районе из 43 зарегистрировано более 10 тыс. голодающих семей (50—60 тыс. человек). Умерло всего в селах области в 1932 г. – свыше 40 тыс. человек, а за первую половину 1933 г. – около 54 тыс. Для сравнения: за этот же период 1934 г. умерло 10,5 тыс. человек. Значит, в первой половине 1933 г. от голода умерло не менее 43—44 тыс. человек.

Нажим из Москвы и Харькова усиливался, а голод охватывал все новые и новые районы (Киевская, Харьковская, Полтавская и др. области). Данные о голоде фиксировались органами ГПУ Украины, передавались в Москву в ОГПУ, в ЦК КП (б) У и ЦК ВКП (б). По данным о 42 районах Киевской области, весной 1933 г. голодало 205,8 тыс. человек, умерло 12,8 тыс. человек, зарегистрировано 137 случаев людоедства и трупоедства. Особенно пострадали от голода Золотоношский, Уманский, Чигиринский, Черкасский районы. По сообщению секретаря Уманского райкома партии Геращенко, в 29 селах района голодало 6411 человек. Кроме того, в г. Умань было также зафиксировано 775 голодающих.

В зоне деятельности 15 машинно-тракторных станций (МТС) Киевской области умерло 6 тыс. человек. Начальник политотдела МТС имени Петровского (Каменский район Черкасской области) сообщал, что в связи с голодом и высокой смертностью хлеб некому будет убирать. Начальник политотдела Виноградской МТС Лысянского района Киевской области жаловался, что в селе Босивци в мае 1933 г. умерло 126 человек, в том числе 70 человек в возрасте 20—45 лет. «Такая высокая смертность, – писал он, – создает большую угрозу уборке урожая и обработке сахарной свеклы. Уже сейчас зафиксированы случаи нехватки ездовых, так как некоторые опухли и болеют. Имеются случаи, когда колхозники приходят сами в поле, а домой их отвозят, поскольку они во время работы падали от истощения».

Из Павлоградского района сообщали секретарю Днепропетровского обкома партии Хатаевичу, что к уборке урожая колхозники окажутся не работоспособными, а в худшем случае – умрут. Аналогичное сообщение на имя Кагановича и Постышева поступило от Золотоношского РК партии. В записке райкома говорилось, что для проведения сельхозработ (уборки) требуется 11220 человек, но только за последние 25 дней, по неполным данным, умерло 2238 человек.

А начальник политсектора МТС Киевской области обращался к Сталину и Кагановичу, Косиору и Постышеву с просьбой оказать продовольственную помощь, иначе только за две недели «потеряем 100—120 тыс. человек рабочей силы».

Обращался к Сталину с подобной просьбой и Косиор. 15 марта 1933 г. он пишет Сталину: «Всего по регистрации ГПУ по Украине охвачено голодом 103 района. Вряд ли все эти

цифры о количестве районов правильно отражают состояние». И действительно, по другим данным ГПУ Украины, по состоянию на 12 марта 1933 г. было зарегистрировано 738 населенных пунктов 139 районов (из 400 по Украине), в которых голодало население.

И эти данные были неполные и неточные. Начальник Киевского областного отдела ГПУ, сообщая о тысячах голодающих, опухших, умерших, отмечал: «Приведенные цифры значительно уменьшены, поскольку райаппараты ГПУ учета количества голодающих и опухших не ведут, а настоящее количество умерших нередко неизвестно и сельсоветам».

Дело в том, что 16 февраля 1933 г., когда многие тысячи крестьян начали умирать от голода, на места поступила директива: «Категорически запретить какой бы то ни было организации вести регистрацию случаев опухания и смерти на почве голода, кроме органов ГПУ». Сельсоветам было дано распоряжение при регистрации смерти не указывать ее причину.

Более того, в 1934 г. поступило новое распоряжение: все книги ЗАГС о регистрации смертей за 1932—1933 гг. выслать в спецчасти, где, вероятно, они и были уничтожены.

В Винницкой области весной 1933 г. голодало примерно 121 тыс. человек, из них почти 107 тыс. опухли. В письме секретаря Брацлавского райкома партии в обком написано: «Сейчас надо открыто сказать, что голодание имеет место в большинстве сел нашего района, а в отдельных селах смертность от голодания набрала массовый характер, особенно в таких

селах: Скрицкое, Семенки, Зеньковцы, Самчинцы, Грабовцы, Волчок, Сильницы, Марксово, Вишковцы, Остапковцы и др. Есть случаи, когда колхозник выходит в поле на работу, там ложится и умирает». К концу апреля в районе насчитывалось 7258 человек, нуждавшихся в немедленной продовольственной помощи (1115 человек пухлых, многие из которых уже не поднимались). В то время как из района было изъято в счет хлебопоставок 65250 ц зерна.

О тяжелом продовольственном положении колхозников, голоде в селах района сообщал в обком секретарь Теофипольского РК КП (б) У Березенко и просил оказать помощь. Рассматривавший по поручению первого секретаря Винницкого обкома партии Чернявского секретарь обкома Ливензон докладывал: «... Чрезвычайно странно для меня то, что такой вопрос вообще выплыл. Я готов выслушать о Теофипольском районе что угодно, но только не заявление о голодании колхозников и просьбу о продовольственной помощи».

Ничем иным, как политической близорукостью т. Березенко, приведшей его в состоянии паники, нельзя объяснить его просьбы. Заявление о голодании колхозников нужно отвергнуть, потому что:

1. ... Голодают лодыри, тунеядцы, немало энергии положившие для разложения колхозов, вырабатывавшие по 30—40 трудодней в год. Причем среди них есть даже и такие, у которых маленькие семьи.

2. Со всей решительностью заявляю, что голодающих таких «колхозников» очень мало и мало таких потому лишь только, что сотни центнеров (пожалуй, больше чем сотни) разбазарено колхозами для выдачи таким лодырям, рвачам, ворам.

... 4. Только желанием замазать перед обкомом истинное положение вещей можно объяснить заявление т. Березенко о том, что голодание колхозников насчитывается в 20 колхозах».

В замалчивании голода повинны и некоторые партийные работники среднего звена. Но положение было настолько катастрофическим, что первый секретарь обкома Чернявский вынужден был обратиться к Косиору: «В последнее время увеличилось число смертей и не прекращаются факты людоедства и трупоедства. В некоторых наиболее пораженных голодом селах ежедневно до 10 случаев смерти. В этих селах большое количество хат заколоченных, а в большинстве хат крестьяне лежат пластом и ни к какому труду по своему физическому состоянию не пригодны. ... Прошу вопрос о продовольственном положении нашей области срочно решить в тех минимальных размерах, о которых я пишу».

Советское партийно-государственное руководство, несмотря на голод, продолжало политику выкачивания хлеба из деревни. Хотя Молотов, возвратившись с партийной конферен-

ции с Украины, на заседании Политбюро и заявлял: «Мы стоим действительно перед призраком голода и к тому же в богатых хлебных районах», тем не менее, Политбюро постановило «во что бы то ни стало выполнить утвержденный план хлебозаготовок».

Несмотря на применение драконовских методов планы хлебозаготовок 1932/33 г. не были выполнены, а смертность населения только в 1933 г., по официальным данным, составила 2,9 млн. человек. По более полным сведениям людские потери населения Украины в 1932—1933 гг. составили от 4,5 до 4,8 млн. человек.

Страшный голод охватил также другие районы страны – Казахстан, Поволжье, Северный Кавказ, Центральную черноземную область (ЦЧО), Урал, Западную Сибирь.

М.А.Шолохов писал Сталину: Вешенский район «идет к катастрофе. Скот в ужасном состоянии. Что будет весной – не могу представить даже при наличии своей писательской фантазии... Большое количество людей пухлых. Это в феврале, а что будет в апреле, мае».

А Сталин в это время, выступая на Первом съезде колхозников-ударников, говорил, что «главные трудности уже пройдены, а те трудности, которые стоят перед вами, не стоят даже того, чтобы серьезно разговаривать о них... ваши нынешние трудности, товарищи колхозники, кажутся детской игрушкой».

М.А.Шолохов пишет Сталину, что в Вешенском районе, как и в других районах Северного Кавказа, «сейчас умирают от голода колхозники и единоличники; взрослые и дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными кореньями». В таком положении, по словам Шолохова, находится 99% населения района. Произошло это потому, пишет Шолохов, что урожайность в 1932 г. была определена в полтора раза выше фактической и, исходя из того, установлен план хлебозаготовок в 53 тыс. тонн, при валовом сборе зерна в 56—57 тыс. тонн. Уполномоченный Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) Овчинников дал установку: «Хлеб взять любой ценой! Дров наломать, но хлеб взять!».

И «дрова ломали»... Так, в Плешаковском колхозе Вешенского района уполномоченные по хлебозаготовкам широко практиковали «допрос с пристрастием»: колхозников ночью допрашивали с применением пыток, затем надевали на шею веревку и вели к проруби в Дону топить. В другом колхозе (Грачевском) подвешивали колхозниц за шею к потолку, допрашивая, потом полузадушенных их вели к реке, избивая по дороге ногами. Колхозников раздевали до белья и босого сажали в амбар или сарай при 20-градусном морозе; практиковались массовые избиения колхозников и единоличников. В Ващаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подола юбок керосином, зажигали, а потом тушили, спрашивая: «Скажешь, где яма? Опять подожгу!» и т. д. и т. п.

В поисках хлеба разваливали печи в домах, раскрывали крыши, выбрасывали семьи колхозников с детьми на улицу. «Я видал такое, чего нельзя забыть до смерти, – писал Шолохов Сталину, – в хуторе Волоховском Лебяженского колхоза, ночью, на лютном ветру, на морозе, когда даже собаки прячутся от холода, семьи выкинутых из домов жгли на проулках костры и сидели у костра. Детей заворачивали в лохмотья и клали на оттаявшую от огня землю. Сплошной детский крик стоял над проулками. Да разве же можно так издеваться над людьми?»

Уполномоченный крайкома по хлебозаготовкам в Вешенском и Верхне-Донском районах директор Ростовского завода «Красный Аксай» Шарапов, «распекая» секретаря партячейки Малаховского колхоза, заявил: «Детишек ему жалко стало выкидывать на мороз! Расслюнявился! Кулацкая жалость его одолела! Пусть как щенки пищат и дохнут, но саботаж мы сломим!»

«Это не отдельные случаи загиба, – писал Шолохов, – это узаконенный в районном масштабе „метод“ проведения хлебозаготовок».

О размахе репрессий в Вешенском районе можно судить по приведенным в письме Шолохова следующим данным: из 13813 хозяйств района (52069 человек) во время хлебозаготовок

было арестовано 3128 человек, осуждено нарсудами и тройками ОГПУ 2300 человек, в том числе 52 человека к расстрелу. Исключено из колхоза 1947 хозяйств, оштрафовано (конфисковано продовольствие и скот) 3350 хозяйств, выселено из домов 1090 семей. В результате осуществленных репрессий из Вешенского района в 1932/33 гг. было изъято 2 млн. 300 тыс. пудов зерна, т.е. практически весь валовой сбор 1932 г., а население района было обречено на голодную смерть (из 50 тыс. 49 тыс. человек голодало).

«Если все описанное мною заслуживает внимания ЦК, – заканчивал письмо Шолохов, – пошлите в Вешенский район доподлинных коммунистов, у которых хватило бы смелости, невзирая на лица, разоблачить всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района, которые по-настоящему бы расследовали и открыли не только всех тех, кто применял к колхозникам омерзительные «методы» пыток, избиений и надругательств, но и тех, кто вдохновлял на это...»

Простите за многословность письма. Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу «Поднятой целины».

Через две недели, 6 мая 1933 г., Сталин отвечает Шолохову: «Дорогой тов. Шолохов!

Оба Ваши письма получены, как Вам известно. Помощь какую требовали, оказана уже. Для разбора дела прибудет к Вам, в Вешенский район, т. Шкирятов, которому, очень прошу Вас, оказать помощь.

Это так. Но это не все, т. Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление. Об этом я хочу написать Вам несколько слов. Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячки нашей партийно-советской работы, вскрывают то, что иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма.

Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите неплохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма – не беллетристика, а типичная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы Вашего района (и не только Вашего района) проводили «итальянку», саботаж и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), – этот факт не меняет и того, что уважаемые хлеборобы по сути вели «тихую войну» с Советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов. Конечно, это обстоятельство ни в коей мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должные наказания. Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это может показаться издали.

Ну, всего хорошего и жму Вашу руку. Ваш Сталин».

И это писалось в ответ на сообщение Шолохова о том, что в районе «пухлые и умирающие есть», люди «пожирали не только свежую падаль, но и пристреленных сапных лошадей, и собак, и кошек, и даже вываренную в салотопке, лишенную всякой питательности падаль».

Закон 7 августа вводил «в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией всего имущества». Действительный смысл этого закона был современникам вполне ясен: «за каждый срезанный колос человека расстреливать».

Глава V. Жизнь и борьба Петра Мирошина

Урок восьмой: В райземотделе. Репрессии против крестьян

Секретарем райкома Петр Мирошин проработал до августа 1928 года. С проведением районирования, он был переведен в организуемый Анучинский район Средне-Волжского края. Там его избрали членом райкома ВКП (б) и райисполкома с исполнением обязанностей заведующего районным земельным отделом. Через некоторое время район ликвидировали, и Пензенский окружной комитет ВКП (б) направил Петра на работу председателем правления кредитного сельхозтоварищества. В октябре 1929 года Пачелмская районная партконференция избирает его членом пленума и бюро райкома с последующим переводом на работу заведующим районным земельным отделом.

Хлебозаготовки в Пензенской области в 1928—1929 гг. проходили с большим напряжением⁴. Потребность в хлебе росла в связи с ростом численности населения городов и промышленных центров, развитием промышленности. В целях скорейшего и безусловного выполнения плана хлебозаготовок 1928 года ЦК ВКП (б) принял ряд жестких директив местным партийным организациям. Крестьянская политика советского партийно-государственного руководства привела к резкому осложнению политического положения не только в деревне, но и в стране вообще.

Начальник районного отдела милиции Григорий Ухватов регулярно получал из вышестоящих инстанций секретные документы, которые рассылались местным отделам. В информационной сводке полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю от 10 февраля 1928 г. он читал об отношении коммунистов и комсомольцев деревни к проводимым мероприятиям по хлебозаготовкам: «Со стороны рядовых партийцев наблюдается растерянность, а иногда отрицательное отношение к власти за жесткие меры по выкачке хлеба: «Хлеб весь отправлять нельзя, так как мы можем очутиться в плохом положении, когда весной хлеба не будет, или будет слишком дорог. Нам надо часть хлеба задержать и составить известный фонд запаса».

Члены партии деревенских ячеек, говорилось далее в сводке, вместе с крестьянством занимаются нытьем: «Налог нынче не по силам», «своим нажимом власть задушит крестьянство», «почему это государство не считается с положением крестьянства» и т. д. Один из сельских активистов, получив директиву о хлебозаготовках, заявил: «Это головотяпство, разве можно все это провести в жизнь? Зачем так здорово нажимают на всех и на все сразу? Наверное, что-то есть, партия от нас скрывает. Оппозиция была права, ибо такая политика ЦК привела к кризису».

Член Шипуновского райисполкома (Рубцовский округ) коммунист Голованов 12 января 1928 г. на закрытом районном партсобрании говорил: «Сейчас партия слишком круто ставит вопрос в области хлебозаготовок, и это может привести к плохим последствиям, так как крестьянство возмущается нажимом. Если мы сейчас разведемся по селам и начнем жать на крестьянина в отношении всяких платежей, как сельхозналог, страховки, ссуды, паевые и т.д., чем изменим изданные ранее законы и постановления. По-моему, это похоже на военный коммунизм и даже хуже, так как крестьянство не поддается такому крутому повороту, находясь в мирных условиях. Сейчас не 20-й год, поэтому партия и Соввласть подорвет свой авторитет перед населением и дело может дойти до открытого возмущения».

Если так были настроены многие сельские активисты-коммунисты, то нечего и говорить о крестьянах – думал Григорий – читая следующий документ. «В Бийском округе, говори-

---

⁴ См.: Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928—1933 гг.)

лось в нем, крестьяне-бедняки с. Учпристани Хазов, Пинегин и другие заявляли: «Крестьянам, видимо, придется ковать пики, как в 1919—20 гг., и стоять за себя. Полная обираловка...».

Управляющий Сибирской конторой Госбанка СССР А.М.Певзнер, побывавший в деревнях ряда районов Каменского округа, в письме Р.И.Эйхе 20 марта 1928 г. сообщал: «Середняк, наиболее неустойчивая (хотя и центральная) фигура ворчит довольно сильно и в *наиболее мощной* своей части разделяет настроение кулачества... Мне кажется, что нам нужно не формально, а по существу повернуть партийную организацию к середняку». И в заключение сделал приписку: «Усиленный нажим на районы вызывает у меня опасения, как бы не слишком перегнули».

Но не только на местах ряд партийных, советских и кооперативных работников возражал против чрезвычайных мер, но и в центре, в том числе и в Центральном Комитете партии. Так, член Политбюро ЦК ВКП (б) Н.И.Бухарин считал, что наступление на кулака должно ограничиться экономическими мерами, а не административно-политическими. Темпы индустриализации и коллективизации должны определяться объективными предпосылками, а не волюнтаристскими амбициями руководящих деятелей. В мае и июне 1928 г. Бухарин направил в ЦК две записки, в которых выразил несогласие с курсом на ускоренную индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства.

На Средней Волге было такое же тяжелое положение с хлебозаготовками как и в других районах. Давление сверху нарастало, а хлеба у крестьян не было не только лишнего (товарного), но и необходимого. Это понимали и некоторые представители местной власти, отказывавшиеся от заготовок зерна. В одной из спецсводок ОГПУ о хлебозаготовках в Средне-Волжской области (октябрь 1929 г.) утверждалось, что трудность хлебозаготовок осложняется тем, что «отдельные представители местной власти, будучи поражены крестьянским настроением, продолжают выступать против приема контрольных цифр, хлебозаготовок вообще». В качестве примера приводятся высказывания некоторых коммунистов – уполномоченных по хлебозаготовкам:

«Хлеба у крестьян нет и подобную контрольную цифру, данную по каждому селу, могут давать только бюрократы» (Самарский округ). «Я категорически отказываюсь от заготовки хлеба, так как у крестьян излишков хлеба нет, контрольную цифру выполнить не сможем – это головотяпство со стороны тех, кто давал такие цифры».

«Хлеба нет, в эту хлебозаготовку опять придется задеть бедняка, потому что иначе мы не выполним план... Нами недовольно все население деревни».

Об отношении крестьян нечего и говорить – они, не исключая и бедняков, были резко настроены против непосильных хлебозаготовок: «На кой черт нам эти заготовки, ведь это дневной грабеж... Это не власть народная, власть кучки людей – грабителей». «Проводимыми хлебозаготовками Соввласть оставит вовсе без хлеба» (Пензенский округ).

Неудивительно, поэтому, что на ОГПУ и другие карательные органы партийно-государственным руководством была возложена ответственность за выполнение хлебозаготовок.

В сообщении секретаря Терского окружкома ВКП (б) (Северный Кавказ) говорилось, что в связи с хлебозаготовками усилились отрицательные настроения середняков и бедняцко-середняцкой части крестьянства: «...Середняк, занимавший до сих пор выжидательную позицию, начинает открыто выступать против проводимых мероприятий».

По данным ОГПУ, за семь месяцев 1929 г. (январь – июль) произошло 565 массовых крестьянских выступлений, почти 60% которых приходилось на долю хлебозаготовок. Наибольшее число массовых выступлений было в Сибири (149), на Средней Волге (91), Украине (78), в ЦЧО (49), на Северном Кавказе (42), Нижней Волге (40).

Террористических актов за это же время зарегистрировано 1679, в том числе: в ЦЧО – 399, Сибири – 367, на Украине – 284, Урале – 184 и т. д. Из общего числа террористических

актов – 463 приходилось на убийство или покушение на убийство, 106 – ранения, 584 – избиения и т. п.

Репрессивная политика в деревне еще более ужесточилась, а налоговый пресс усилился. В одной только Средне-Волжской области в результате майско-июньской операции ОГПУ было арестовано 1879 человек, меньше половины которых составляют кулаки (37,3%); 623 арестованных являлись середняками и бедняками, 154 – представители духовенства.

Административно-репрессивные методы проведения хлебозаготовок и налоговых кампаний не могли не вызвать ответной реакции со стороны крестьянства. В 1929 г. и особенно со второй половины года заметно возросло число террористических и диверсионных актов против партийных, комсомольских, советских, колхозно-кооперативных работников и сельского актива вообще. В 1929 г. только в Средне-Волжском крае было зарегистрировано более 400 террористических актов, т.е. в два с лишним раза больше чем в 1928 г.

В связи с резким ростом террористических актов осенью 1929 г. ЦК ВКП (б) третьего октября принял директиву органам ОГПУ и Наркомюста РСФСР и УССР, в которой предлагал: «Принять решительные и быстрые меры репрессий, вплоть до расстрелов, против кулаков, организующих террористические нападения на совпартработников и другие контрреволюционные выступления... Проводя соответствующие меры, как правило, через судебные органы, в отдельных случаях, когда требуется особая быстрота, карать через ГПУ.

9 октября 1929 г. заместитель председателя ОГПУ Трилиссер докладывал в Политбюро ЦК ВКП (б) Молотову, что, по данным с мест (далеко не полным), на 4 октября подвергнуто репрессиям 7817 человек. «Чтобы обеспечить быстроту проведения мер репрессий... ОГПУ считает необходимым ввести в действие организацию Троек при Полномочных Представительствах (ПП) ОГПУ в главнейших хлебозаготовительных областях. Поэтому ОГПУ просит разрешить организацию Троек в ПП ОГПУ – Сибкрая, Северо-Кавказского края, Украины, Нижневолжского края, Средне-Волжской области, Казахстана и Средней Азии.

Для обеспечения контроля над вынесением приговоров Тройками, последние *согласуют таковые с областными ВКП (б)* и приводятся в исполнение после телеграфных сношений с ОГПУ. Срок действия указанных Троек ОГПУ просит определить в 3 месяца».

Санкция ЦК ВКП (б) последовала незамедлительно и уже к 19 октября, т.е. уже через неделю, число арестованных достигло 14980 человек. Органами ОГПУ было арестовано 10667 человек или 71,2% общего числа арестованных; предано рассмотрению особого совещания 3497 человек, привлечено к судебной ответственности по ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР 6211 человек и т. д.

Через месяц после принятия директив ЦК ВКП (б), ОГПУ и Наркомюста РСФСР (4 ноября 1929 г.) общее количество арестованных по хлебозаготовкам составило 28344, в том числе за «экономические преступления» 15536 человек и за «контрреволюционные преступления» – 12808 человек.

Обстановку в деревне того времени показал в одном из писем своему коллеге-писателю Михаил Александрович Шолохов. «Я втянут в водоворот хлебозаготовок (литературу по боку!), – писал он 18 июня 1929 г. – и вот верчусь, помогаю тем, кого несправедливо обижают, езжу по районам и округам, наблюдаю и шибко «скорблю душой». Когда читаешь в газетах короткие и розовые сообщения о том, что беднота и середнячество нажимают на кулака и тот хлеб везет – невольно приходит на ум не очень лестное сопоставление! Некогда, в годы гражданской войны, белые газеты столь же радостно вешали о «победах» на всех фронтах, о тесном союзе с «освобожденным казачеством»...

А вы бы поглядели, что творится у нас на Северном Кавказе и в соседнем Нижне-Волжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает, имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хоперском округе у самого истого середняка, зачастую даже маломощного. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин

катастрофически уменьшится. И как следствие умело проведенного нажима на кулака является факт (чудовищный факт!) появления на территории соседнего округа оформившихся политических банд... Что же такое, братцы? Дожили до ручки! В 29-м году – и банда...

Мне не хочется приводить примеров. Как проводили хлебозаготовки в Хоперском округе, как хозяйничали там районные власти. Важно то, что им (незаконно обложенным) не давали документов на выезд в край или Москву, запретили почте принимать телеграммы во ВЦИК... Один парень – казак хутора Скуляндного, ушедший в 1919 году добровольцем в Красную Армию, прослуживший в ней 6 лет, красный командир – два года до 1927 года работал председателем сельсовета... У него продали все вплоть до семенного хлеба и курей. Забрали тягло, одежду, самовар, оставили только стены дома. ...После этого и давайте говорить о союзе с середняком. Ведь все это проделывалось в отношении середняка.

Я работал в жесткие годы, 1921—1922 годах на продразверстке. Я вел крутую линию, да и время было крутое; шибко я комиссарил, был судим ревтрибуналом за превышение власти, а вот этаких «делов» даже тогда не слышал, чтобы делали. Верно говорит писатель Артем Веселый: «взять бы их на густые решета...». Я тоже подписываюсь: надо на густые решета взять всех, вплоть до Калинина; кто лицемерно, по-фарисейски вопит о союзе с середняком и одновременно душит середняка».

***

Против такой пагубной в отношении крестьянства политики сталинского большинства в ЦК ВКП (б) выступили члены Политбюро Бухарин, Рыков, Томский. Они не признавали сталинский тезис о неизбежности обострения классовой борьбы в условиях строительства социализма, выступали против свертывания НЭПа и замены экономических методов социалистических преобразований административно-командными, включавшими применения насилия по отношению к крестьянству. И, конечно, они решительно выступали против возведения чрезвычайных мер в постоянную политику, в длительный курс по отношению к деревне.

Состоявшийся в апреле 1929 г. пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) в резолюции «По внутрипартийным делам» признал взгляды Бухарина и его сторонников как «несовместимые с генеральной линией партии и совпадающие в основном с позицией правого уклона» и применил к ним организационные меры воздействия: Бухарина и Томского освободил от занимаемых ими постов в газете «Правда» и Коминтерне (Бухарина) и ВЦСПС (Томского).

22 апреля 1929 г. Мария Ильинична Ульянова, сестра Ленина, писала, что, не имея возможности из-за болезни присутствовать на пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) она просит огласить ее письмо: «Вывод из Политбюро трех крупнейших работников партии – Рыкова, Бухарина, Томского или дальнейшая «проработка» и дискредитация их, которая приведет к тому же несколько раньше или позднее, является угрозой этому коллективному руководству. В момент, когда перед партией стоят крупнейшие задачи, разрешение которых сопряжено с большими трудностями, вывод этих товарищей из Политбюро, «проработка» их, которая не дает им возможности работать и ведется вместе с тем при отсутствии принципиальных ошибок и антипартийной работы с их стороны, противоречат тому, что завещал нам Ленин, будет во вред пролетарской революции. С подобным отсечением или дискредитацией троих членов Политбюро в партии неизбежно сократятся возможности для проявления критической мысли: слишком легко всякая самокритика и критика партийных органов и должностных лиц превращается в «уклоны».

...За последнее время получают все более тревожные письма, свидетельствующие о больших колебаниях в деревне (в связи с чрезвычайными мерами, голодом в потребляющих губерниях, нарушением революционной законности) и известных колебаниях в городе (в связи с обостряющимся продовольственным положением). Я считаю заслугой тт. Рыкова, Томского и Бухарина, что они ставят перед партией эти большие вопросы, а не замалчивают их. Я считаю, что иная точка зрения, точка зрения замалчивающая или затушевывающая трудности и опас-

ности, а также чрезмерные восторги перед достижениями будут проявлением ограниченного самодовольства и комчванства. Поэтому, протестуя против самой постановки вопроса о выводе троих товарищей из Политбюро и против недопустимой и вредной для партии дискредитации их, я прошу довести до сведения пленума, что я голосую против вывода этих троих товарищей или кого-либо из них порознь из Политбюро, против их осуждения и дискредитации. С коммунистическим приветом М. Ульянова. 22.IV.29 г.».

***

13 ноября 1929 г. на другом пленуме ЦК ВКП (б) выступил Сталин. Его речь как бы подводила итог обсуждения «Заявления трех». Он охарактеризовал этот документ как платформу правых «для нового наступления на ЦК», хотя на словах они отступили от тех позиций, на которых стояли на апрельском пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б). Коснувшись некоторых прежних положений Бухарина и его сторонников о вращении кулака в социализм, о военно-феодалной эксплуатации крестьянства, о переживаемых трудностях, Сталин основное внимание сосредоточил на вопросе о чрезвычайных мерах. Он считал, что «правоуклонисты» не понимают «всей теперешней обстановки», и политики наступления на кулака, потому что «они отошли от позиций марксизма в вопросе о классах» и классовой борьбе. Поэтому, считал Сталин, они «изображают чрезвычайные меры, как политику, направленную против всего крестьянства». В связи с этим «правоуклонисты» выступают «принципиально против допустимости чрезвычайных мер в отношении кулака», полагая, что можно обойтись мерами экономического порядка.

Урок девятый: Раскулачивание крестьян. Позиция Петра Мирошина. Статья Сталина. В Крайкоме ВКП (б). На учебу в КомВУЗ

Такова была ситуация, в которой приходилось работать Петру Мирошину. В один из вечеров он допоздна засиделся на работе, читал накопившиеся за последнее время документы. Взял из стопки писем первое, прочел: «Я был выселен из г. Сердобска. В настоящее время нахожусь под стражей. Взят был из кулацкого поселка, где осталась моя семья, состоящая из 4-х человек: жена и трое детей, имеющих возраст от 3 до 9 лет, и на пропитание не имеющих никаких средств. Меня выселили из Сердобска, а документы мои все изорвали...»⁵

Взял другое: «Прошу райисполком вернуть мне мой дом для вселения моей семьи, так как сейчас моя семья проживает во дворе, хорошо, что пока еще тепло. Прошу не отказать в моей просьбе...». К письму приложена опись имущества, конфискованного у так называемого кулака: «деревянный дом, крытый железом – 300 руб., двор в 3 звена – 15 руб., сундук – 3 руб., мучной ларь – 4 руб., кадушка -1 руб., хомут пахотный – 2 руб., самовар – 5 руб., сарай.

Раскулачиванием руководили особые комиссии, созданные при сельсоветах и райисполкомах. Чтобы уйти от ответственности, должностные лица собирали крестьянские собрания, где принимались уже принятые в кабинетах решения о раскулачивании и выселении.

«Лишен избирательных прав, – читал Петр – как крупный арендатор и эксплуататор 2 человек постоянных, сезонных до 25 человек. Раскулачен. Изъято: дом, лошадь, корова, плуг, борона.

Выписка из протокола заседания Колышлейской районной особой комиссии: «Слушали: Заявление раскулаченного Серегина о восстановлении в избирательных правах. Постановили: Серегин раскулачен правильно. Крупный торговец скотом, мясом, арендатор земли, молотильная машина, сложный с/х инвентарь, машины. Расследованием по линии НКВД подтверждено. В восстановлении прав Серегину отказать».

Список подлежащих выселению согласно постановлению общего собрания села Белокаменка Телегинского района: 1) Ефим Иванович – 39 лет, глава семья; 2) Мария Михайловна – 38 лет, жена; 3) Серафима – 22 года, дочь; 4) Анастасия – 16 лет, дочь; 5) Яков – 20 лет, сын; 6) Клавдия – 12 лет, дочь; 7) Алексей – 6 лет, сын; 8) Анатолий – 9 лет, сын; 9) Александр – 3 года, сын.

Петр взял в руки сводку. Всего выслано по Пензенской губернии: семей – 811, человек – 3642, мужчин – 1057, женщин – 1244, детей – 1341.

Более других пострадали Чаадаевский, Башмаковский и Пензенский районы.

Все кулаки разделялись на четыре категории.

К первой относили участников контрреволюционных восстаний. Эти люди подлежали расстрелу.

Кулаками 2-й категории считались те, кто имел крепкое хозяйство и открыто выступал против коллективизации. Вот, например, что говорил по этому поводу житель села Богословка: «... теперь всему крестьянству наступил конец, а как мы будем жить дальше, это я и никто не знает. Советская власть у нас все отобрала: и скотину, и хлеб, а мы, как бараны, все согласились. Надо было бы прежде обдумать, а потом идти в колхоз. Что хорошего в колхозе?... Как было раньше при барщине, так и в колхозе. Советская власть нас до хорошего не доведет. Ее дело – только с крестьянина давай, последнюю шкуру дерут».

---

⁵ См.: Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928—1933 гг.)

Кулаки 2-й категории подвергались раскулачиванию и выселению в отдаленные регионы страны. Сначала арестовывали и выселяли глав семейств, а потом, сразу после окончания конфискации имущества, и членов их семей. В тех же случаях, когда в составе этих семейств не было трудоспособных, они не выселялись, а оставались на месте до распоряжения районной особой комиссией.

Кулаки 3-й категории также арестовывались, причем они часто содержались под стражей на месте до окончания конфискации имущества. Высылка их в момент раскулачивания в распоряжение районной особой комиссии бывала только в случае активного сопротивления. Эти люди выселялись в кулацкие поселки в пределах своего края или района.

Кулаки 4-й категории не арестовывались. Конфискация имущества производилась в их присутствии. Однако в случае сопротивления они заключались под стражу на месте или направлялись в распоряжение районной особой комиссии.

Оставшиеся на местах до распоряжения районных особых комиссий семьи арестованных кулаков и кулаки 4-й категории с семьями из занимаемых домов выселялись. Жилье для них предоставлялось сельсоветами. Как правило, это были помещения, мало пригодные для проживания.

После конфискации собственности на оставляемое у кулаков минимальное необходимое имущество составлялась отдельная опись, которая прилагалась к препроводительным документам на высланных лиц.

Все конфискованное имущество и ценности разделялись на 4 категории: 1) мертвый и живой сельхозинвентарь, жилые и надворные постройки, посевы, семена и др.; 2) деньги, золото, серебро, облигации, векселя, драгоценные камни и другие ценности; 3) одежда, обувь, предметы домашнего обихода, продовольствие; 4) разное имущество, не подходящее к применению в сельском хозяйстве.

Имущество первой категории передавалось колхозу, второй – райисполкому, третьей – в фонд бедности, четвертой – райисполкому.

С железнодорожных станций Пенза-1, Пенза-3, Белинская, Пачелма, Симанщино, Башмаково, Лунино шли эшелоны с людьми. Отправляли пензенских крестьян в Казахстан, Сибирь, Карелию, Архангельскую область, на Беломоро-Балтийский канал. С ними выселялись жены, старики и дети.

Многое повидал Петр, занимаясь землеустройством колхозов и совхозов. На бюро и пленумах выступал против силовых методов принуждения крестьян вступать в колхозы, душисть их непомерными налогами, изымать все до последнего зерно.

В начале марта 1930-го собрался пленум Пачелмского волостного комитета ВКП (б), слушали доклад первого секретаря Янца о задачах коммунистов по выполнению постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 12 сентября 1929 г. «О ходе работ по сельхозналогу».

Политбюро ЦК ВКП (б) – говорил докладчик – констатировало совершенно неудовлетворительные результаты учетной кампании по сельхозналогу, выразившиеся: в значительном недоучете объектов обложения, в недообложении кулацких хозяйств в индивидуальном порядке, в привлечении к индивидуальному обложению сельскохозяйственным налогом отдельных середняцких хозяйств. Всё это классифицируется как показатель одного из характерных проявлений правого уклона на практике.

Политбюро ЦК ВКП (б) в связи с этим обязало нас с вами, товарищи, все партийные и советские органы немедленно принять самые решительные меры к исправлению создавшегося положения. Для чего срочно проверив результаты учетной кампании по сельскохозяйственному налогу, сконцентрировав внимание партийной и советской общественности на борьбе со злостными укрывателями объектов обложения, полностью применять по отношению к злостным укрывателям штрафную политику.

Сельскохозяйственный налог является в наших руках одним из важнейших инструментов для изменения социально-экономической структуры крестьянства: мы облагаем верхушку по принципу подоходной прогрессии, не давая возрастать... Ослабляя верхушечную часть деревни, мы поддерживаем и поднимаем крестьянские низы.

После нескольких выступивших слово взял Петр.

– Работая в земельном и финансовом отделах, и непосредственно сталкиваясь с крестьянином, – говорил он – я пришел к выводу, что у нас на этом фронте неблагополучно. После XV съезда поход на кулака задел основательно и не только задел, но изменил наш курс на советского середняка в деревне. Нет сомнения, что основная наша задача – коллективизация деревни, но мы еще не можем отбросить главного товаропроизводителя, а это наблюдается и в широких размерах.

Классовая политика, проводимая без тактического подхода к середняцкой массе – не мудрая политика, приводит к реакции как политически, так и экономически. Ты говоришь в докладе, Яков Моисеевич, что это замечено и есть соответствующие решения, исправляющие перегибы весеннего курса. На деле происходит примерно вот что: в вопросе поднятия товарности сельского хозяйства, по-моему, получается шаг вперед, два назад, не систематизированные отношения с середняком – дергают его и не дают спокойно и уверенно развивать хозяйство: самообложение, проводящееся методами продразверстки, дает тот же результат – переход на потребрельсы, а скачки сельхозналога приведут к тому же результату.

Говорю это из практических наблюдений по нашему и соседним уездам – массовый отказ от земель, даже надельных, сокращение продуктивного скота в угрожающих размерах, а с будущей весны неизбежное сокращение посевных площадей... Скачки сельхозналога примерно таковы: прошлый год на хозяйство падало 38—40 рублей, ныне 160—180... Недовольство принимает скверные формы – есть случаи, когда заслуженные красноармейцы из крестьян срывают с себя ордена Красного Знамени. Об этом следует подумать.

Я много езжу по деревням и селам, и разговариваю с людьми. В одном селе мне говорит мужик: «Разве сейчас можно расширять хозяйство? Да никак нельзя. Я в прошлом году платил 17 рублей, а в этом – 70 рублей. Нет, нужно всё продать и сделаться пролетарием». А в другой деревне выразили коллективное мнение: «Сталин думает, что крестьяне увеличат посев ярового, он в этом ошибается, так как Советская власть занимается обдирательством крестьян и не дает возможности развивать сельское хозяйство».

И еще: «Совсем задушили налогами, сеять много нельзя. Надо посевную площадь сократить и сделаться бедняками».

Или вот это: «Если так правительство поведет дело, то все богатые бросят хозяйство, нет выгоды его вести, задушили налогом». «Последний год живем середняками, сейчас нужно уничтожить хозяйство и заделаться бедняками».

– Ты, Петр Васильевич, откуда все это взял? Сам придумал? – возмутился Янцен.

– Нет, Яков Моисеевич – записал при беседах. Разрешите закончить. Я предлагаю, товарищи, устанавливать размер самообложения не произвольно, а в зависимости от других платежей и прежде всего сельхозналога. Метод разверстки принимает дрянь – дело. Надо исправить: и не одними статьями в газетах, а реальными мероприятиями, а какими – об этом следует позаботиться правительству.

– Товарищи, мы только что прослушали выступление Петра Мирошина – горячился Григорий Ухватов, тоже участник пленума. – В своем выступлении он разоблачил себя. У него отец середняк, вот он его и выгораживает. Понятно, что в его лице мы имеем дело с правым уклоном в наших рядах. Не место ему в составе комитета, да и в партии тоже. Я ему не доверяю!

– Разберемся – как-то недобро проронил первый секретарь райкома Янцен – если имеете факты, товарищ Ухватов, зайдите ко мне после заседания.

Ночью в окно тихонько постучали. Катя спросонья подошла к окну.

– Кто там?

– Петр Васильевич дома? Зови.

Петр на одной ноге запрыгал к окну. – Кто? Чего надо?

– Петр Васильевич, это я, Измайлов. Сквозь мутное стекло Петр разглядел второго секретаря райкома, такого же, как и он фронтовика, их взгляды во многом совпадали. – Зайди – кивнул ему головой.

– Вчера после пленума в кабинете у Янца – простуженным голосом сипел Измайлов – было принято решение утром тебя арестовать за правый уклон. Спасаться тебе надо. Я дам подводу, садись в первый проходящий поезд, и уезжай. Там видно будет.

Впотьмах, не зажигая лампы, лихорадочно собрали узлы, кое-как одели сонных детей, и помчались на станцию.

– Куда мы теперь – с тревогой спрашивала Катя, держа на руках младшего сына, малолетнего Володара. Старшие спали «валетом» на деревянной полке вагона.

– В Рязани сойдем – ответил Петр – там живет мой однополчанин, Фролов Пашка, первое время перебьемся у него, а там посмотрим. – Поспи немного, намаялась.

Утром на остановке в Ряжске Петр заковылял к станционному киоску купить газету. На первой странице была напечатана статья Сталина «Головокружение от успехов». Петр читал, и не верил своим глазам: товарищ Сталин осуждал перегибы местных органов в колхозном строительстве, принудительные методы при создании колхозов, злоупотребления в проведении налогообложения, хлебозаготовок. Требовал разобраться и принять меры.

– Катюша, быстрее собирай детей, мы сходим. Ребята, – сказал старшим – хватайте свои вещи, и бегом из вагона.

– Что случилось, Петя?

– Случилось, Катя, случилось. Статья товарища Сталина в «Правде», вот, смотри... Мы возвращаемся. Нет, не в Пачелму, в Самару, в Средне-Волжский крайком партии поедem. Я там расскажу... Статья Сталина все меняет.

Внимательный и приветливый сотрудник крайкома ВКП (б), чем-то напоминавший дядю Ваню, большевика на Пачелмской железнодорожной станции, только в очках, выслушав Петра, попросил его изложить все сказанное на бумаге. Забрав листки, куда-то ушел, и вернулся часа через три.

– Петр Васильевич, я доложил ваше заявление секретарю крайкома товарищу Кудрявцеву. Он дал поручение проверить факты. Где ваша семья?

– На вокзале.

– Поезжайте домой, о принятом решении вас известят.

В мае 1930 года на пленуме райсовета, где присутствовал и тот товарищ из крайкома ВКП (б), Петра избрали председателем райисполкома. А в 1931 году крайком ВКП (б) направил Петра учиться в Ленинградский Коммунистический ВУЗ имени Сталина.

Урок десятый: Бандитизм. Председатель Каменского райисполкома. Сталинская Конституция. Репрессии

Советская деревня конца 1920-х – начала 1930-х годов, нищая, истерзанная революцией и Гражданской войной, оказалась перед лицом новых испытаний. В Пензенском округе, как и в других регионах страны, коллективизация проводилась ускоренными темпами и сопровождалась массовым разорением крестьянства. Разрушение единоличных крестьянских хозяйств, сопровождаемое принудительными хлебозаготовками, стало причиной голода, охватившего пензенские сёла в 1932—1933 гг. Тяжелое положение вызывало недовольство в крестьянской среде, зачастую, выливавшееся в открытое неповиновение властям. В сельской местности стали появляться устойчивые бандформирования, промышленявшие грабежами и погромами.

Одной из самых известных в Пензенском округе криминальных группировок той поры была банда Василия Огнева. Отличительной особенностью этой шайки была необычайная дерзость, с которой они совершали свои злодеяния. Нападали не только по ночам, но и в дневное время. Не боясь вооруженного отпора, они смело вступали в бой с сотрудниками ОГПУ, красноармейцами, представителями власти и их охраной.

Главарь банды Василий Огнев был человеком, по-своему, незаурядным. От природы смелый, решительный и хитрый, он отличался неплохими организаторскими способностями. Согласно традициям народного фольклора, подобные фигуры часто окружались ореолом таинственности и мрачного благородства. Ходили слухи, что он служил в Красной армии, имел награды, а когда узнал, что его отца раскулачили, порвал с красноармейским прошлым и организовал у себя на родине банду.

Василия Огнева вряд ли можно назвать обычным уголовником. Как писали в служебных сводках Пензенского ОГПУ, его банда действовала «под лозунгами террора над коммунистами и руководящими работниками партсоветского актива». По данным ОГПУ за время своей террористической деятельности Огнев и его подручные совершили несколько десятков нападений, во время которых убили не менее двадцати человек. Убивали, в основном, коммунистов, комсомольцев, милиционеров, представителей власти. Двоих председателей колхозов и троих партийных активистов ранили, поджогами уничтожили более сотни колхозных хозяйств и три лесных кордона. Совершили множество ограблений. Забирали всё: одежду, продовольствие, деньги, алкоголь, и, само собой, оружие. Бандиты орудовали на территории Нижнеломовского, Чембарского, Пачелмского и Башмаковского районов с 1931 по 1933 гг., не покидая пределы данного региона. Большинство участников преступного сообщества были родом как раз из этих мест, поэтому именно здесь они чувствовали себя настоящими хозяевами.

Перегибы коллективизации привели к тому, что в деревнях у террористов среди местного населения появилось немало тайных сторонников, которые всегда были готовы предупредить своих «освободителей» об облаве и предоставить им укрытие. Видимо, именно это обстоятельство способствовало тому, что бандиты безнаказанно совершали преступления на протяжении двух лет. Пик активности террористов пришёлся на лето 1933 г. К этому времени район их деятельности сузился, ограничившись густонаселенной территорией размером около 30 километров в поперечнике. За этот период они убили несколько человек, ограбили лесную дачу, в селе Ворона сожгли 17 дворов, одновременно в трёх местах подожгли село Старая Студенка Пачелмского района, где сгорело 35 дворов, также уничтожили кордон Студеный.

Разгул терроризма не на шутку встревожил руководство округа. За Василием Огневым организовали настоящую охоту. Наконец, главаря удалось выследить, и 29 июня 1933 г. его

убили в перестрелке. Вместе с ним уничтожили и несколько его приспешников, другим же удалось скрыться.

Окончательно с террористами покончили к сентябрю 1933 г. Страх населения перед Огневым был настолько велик, что власти не торопились предавать его брэнное тело земле. Труп сфотографировали, произвели его официальное опознание, занесли все приметы в протокол, а потом возили на телеге по окрестным деревням и показывали всем желающим. Глядя на серое обескровленное лицо легендарного бандита, одни вздыхали с облегчением, а другие со страхом думали, уж не припомнит ли кто-нибудь им, как они давали ему хлеб и кров? Советская власть не забудет и не простит...

В КомВУЗе Петр проучился до июля 1934 года и по состоянию здоровья с последнего семестра 3-го курса был откомандирован в распоряжение Средне-Волжского крайкома ВКП (б), который направил его на работу заместителем секретаря Бугурусланского райкома ВКП (б). Учеба в какой-то мере спасла Петра, он не участвовал в реализации драконовских мер.

Отца Петр даже не сразу узнал: он как-то сгорбился, будто стал меньше ростом. Смотрел куда-то в сторону потухшим взором.

– Вот, Петро, ваша политика, полюбуйся. И протянул Петру два затертых листка бумаги с плохо пропечатанными буквами: «Постановление Башмаковского райкома ВКП (б) от 24 апреля 1933 года». Петр стал читать. «Исключение из колхоза и применение 61 статьи к колхознику Мирошину В. Н. и отбор имущества у его сына считать как искажение политики партии в отношении к трудовому середняцкому колхозному хозяйству, как левый загиб, допущенный работниками сельсовета, председателем Кадашевым, заместителем Жильцовым, секретарем ячейки Сычевым, ничего не имеющим с линией партии. Отметить допущенную политическую близорукость в целом партячейки с. Пачелма».

– Это все дружок твой, Гришка Ухватов – проговорил отец. Никак не угомонится. Крепко ты его задел из-за Катерины. Как напьется, ходит у нас под окнами и орет, что все равно тебя посадит.

– Он в КомВУЗ написал кляузу на меня – ответил Петр. – Чего он там только не наплел. Разбирались, посылали запрос в Крайком ВКП (б). Все это могло для меня плохо кончиться. Слава Богу, Крайком прислал справку, что за мной никаких преступлений нет, а Гришку пообещали наказать.

– А что касается постановления, которое ты мне показал, – говорил Петр отцу – то статья 61 Уголовного кодекса была направлена на принуждение крестьян к выполнению обязательств и повинностей в пользу государства.

Петр знал, что используя достаточно широкую формулировку статьи, предусматривавшую административное наказание или уголовное преследование граждан «за отказ от выполнения повинностей, заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение», суды могли при желании осудить любых крестьян, которых местные руководящие работники захотели бы обвинить в срыве государственных заданий. Возрастающее давление на крестьянство со стороны власти проявилось, в частности, в серьезном ужесточении штрафных санкций по этой статье. В 1929г. в Уголовный кодекс была внесена новая редакция статьи 61. Если в предыдущей редакции предусматривалось наказание только в виде штрафа, принудительных работ на шесть месяцев, лишения свободы до года, то теперь штраф мог достигать пятикратного размера невыполненного обязательства или повинности, принудительные работы назначались на срок до года, кроме того, вводилось лишение свободы до двух лет.

– Да, – слабым голосом сказал Василий Николаевич, – довели крестьян до бедственного положения.

С преобразованием политотделов МТС в обыкновенные партийные органы и с образованием Чкаловской (по-старому Оренбургской) области, Петр был направлен оргкомитетом ЦК ВКП (б) по Чкаловской области на работу вторым секретарем Андреевского райкома ВКП (б),

где проработал с февраля месяца 1935 по октябрь 1937 года. До июля 1938 был пенсионером второй группы, не работал. Затем Тамбовским обкомом ВКП (б) был командирован на финансовую работу и по приказу облфинотдела направлен на работу заведующим Каменским райФО, а в октябре 1938 года по рекомендации обкома ВКП (б) Петра избрали председателем Каменского райисполкома. В указанной должности проработал с октября 1938 года по май 1941 года.

Старший сын Петра Васильевича Александр окончил летное училище и получил кубики лейтенанта в петлицы авиационного техника. Это событие отметили всей семьей. Младшие братья завидовали Шурке, с уважением разглядывали его темно-синюю ладно сидящую форму.

– Шура, а что, война будет? – допытывался шестнадцатилетний Володар – что вам говорили в училище?

– Говорили то, что ты и сам знаешь. Гитлер захватил всю Европу, и капиталисты подталкивают его напасть на СССР. Да только у них ничего не получится, у нас же с Германией договор о ненападении. А если сунется, в два счета получит по зубам. Мы теперь не та лапотная страна, у нас теперь промышленность есть, в том числе по производству танков, самолетов и другой военной техники.

– Конечно, не лапотная, – не унимался Володар – разорили крестьян. Разве это была правильная политика?

– Ты бы поменьше болтал – заметил Александр – кругом уши. Доложат куда следует.

– Ребята – вмешался отец – политика партии была правильная. Она была неизбежная, у нас не было другого выхода. Да, крестьянство сильно пострадало. Но как в тех условиях можно было создать промышленность? Чем кормить рабочих на тех же оборонных заводах, если крестьяне не хотели отдавать хлеб для пролетариата, хотели производить только для себя?

Как вы знаете, в 31 году меня направили на учебу в КомВУЗ. Там мы изучали документы партии и правительства, речи товарищи Сталина по программным вопросам. Как сейчас помню его слова, когда он выступал на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. А это было 4 февраля 1931 года, в самый разгар заготовительной кампании на селе. – Иногда спрашивают, – говорил делегатам конференции товарищ Сталин – нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. И сам отвечал: – Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать. Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. История старой России – говорил он – состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно.

– Хотите ли, – спрашивал делегатов товарищ Сталин, – чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно потеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет. Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

– Отец, непонятно, почему товарищ Сталин не расправился с врагами народа раньше? – произнес Володя. – Ведь они мешали ему создавать промышленность, строить социализм.

– Все не так просто, ребята, – отвечал Петр Васильевич. – В самой партии не было единства. Кто-то искренне заблуждался, а кто-то сознательно тормозил развитие страны. Дело в том, что политика – это концентрированное выражение экономики. Для продвижения экономических преобразований товарищ Сталин должен был многое поменять в политическом

устройстве государства. А это можно было сделать только изменив Конституцию страны, привести ее в соответствие с уровнем развития нашего общества.

Установленный Конституцией 1918 г. и действующий до середины тридцатых годов порядок многостепенных выборов местных исполкомов, ЦИКов союзных и автономных республик и ЦИК СССР был вызван необходимостью подавления сопротивляющихся советской власти буржуазно-помещичьих классов, вооруженной борьбой с ними рабочих и беднейших слоев крестьянства при малочисленности в те годы по сравнению с крестьянством ведущего революционного класса – пролетариата, распыленностью и отсталостью крестьянских масс и преобладанием в хозяйстве нашей страны капиталистического уклада.⁶ К середине тридцатых годов социалистический уклад являлся безраздельно господствующим. Коллективизированное более чем на 75% крестьянство превратилось в многомиллионную организованную массу.

5 февраля 1935 г. на Пленуме ЦК с докладом о поправках и изменениях в Конституции выступил Молотов, который сначала дал оценку классовых сил в стране, которые вынуждали изменить Конституцию, а затем перешел к собственно изменениям, названным предельно четко – «демократизацией советской избирательной системы». И, наконец, заявил о следующем: «Единственное ограничение Советская Конституция устанавливает для эксплуататорских элементов и для наиболее враждебных трудящимся прислужников старого строя (бывшие полицейские, жандармы, попы и т. п.)». Затем он напомнил, что ещё в 1931 г. ЦИК СССР установил порядок возвращения избирательных прав лишенным их, благодаря чему число «лишенцев» сократилось до немногим более 2 миллионов человек, или 2,5% от общей численности взрослого населения страны, и добавил: «В Советском Союзе открыта дорога к полноценной жизни для всех честных тружеников и круг «лишенцев» всё более сокращается. Мы идём к полной отмене всех ограничений в выборах в Советы, введенных в свое время «в качестве временных мер».

Только затем Молотов обосновал изменение избирательной системы, заметив, что тайные выборы прежде всего «ударят со всей силой по бюрократическим элементам и будут для них полезной встряской». Завершил же доклад словами, прямо повторившими высказанное Сталиным год назад, на XVII съезде ВКП (б), о парламентаризме: «Мы получаем таким образом дальнейшее развитие советской системы в виде соединения непосредственно выбранных местных Советов с непосредственными же выборами своего рода советских парламентов в республиках и общесоюзного советского парламента».

VII съезд Советов СССР единогласно, как и Пленум, без каких-либо замечаний или поправок принял постановление, сформулированное Сталиным 25 января: о внесении в Конституцию СССР изменений и о необходимости «ближайшие очередные выборы органов советской власти в Союзе ССР провести на основе новой избирательной системы». Делегаты съезда не случайно, видимо, не захотели даже обсуждать постановление об изменении Конституции. Сообщения, опубликованные всеми газетами страны 18 января «О приговоре Военной коллегии Верховного суда по делу Зиновьева Г. Е., Евдокимова Е. Г., Гертик А. М. и других», а также «В Народном комиссариате внутренних дел СССР», информировавшем об осуждении 78 видных сторонников Зиновьева, убедительно продемонстрировали, что ожидает несогласных с новым политическим курсом.

На основе предложений, внесенных в Политбюро новым прокурором СССР Вышинским были пересмотрены дела по очистке Ленинграда от социально чуждых элементов после убийства Кирова. Тогда выслали из города более 11 тыс. человек. Было принято решение, что аресты могут производиться только с согласия соответствующего прокурора. Политбюро

---

⁶ См.: Юрий Жуков. Настольная книга сталиниста. http://www.e-reading.club/chapter.php/1003475/11/Zhukov_Yuriy_-_Nastolnaya_kniga_stalinista.html

утвердило еще одно важное решение – «О снятии судимости с колхозников», призванное создать юридическую базу, позволяющую ликвидировать «лишенцев», вернуть избирательные права тем, кто был их лишен по суду. В результате к 1 марта 1936 г. почти с восьмисот тысяч человек сняли как судимость, так и сопровождавшее ее временное поражение в правах, лишавшее их возможности пять лет участвовать в выборах.

В феврале удалось создать «черновой набросок» Конституции. Он включал в себя все те основополагающие разделы и статьи, на которых настаивал Сталин и которые вскоре практически без изменений вошли в утвержденную новую Конституцию СССР: система выборов; предоставление избирательных прав всем гражданам страны; разделение власти на две самостоятельных ветви – законодательную, Верховный Совет, и образуемый им Совнарком, власть исполнительную; выборность народных судей; ликвидация ЗСФСР и вхождение Азербайджана, Армении, Грузии непосредственно в Союз; переименование советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в советы депутатов трудящихся.

5 марта 1936 г. «Правда» опубликовала запись беседы Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард ньюспейперс» Роем Говардом, в ходе которой американский журналист задал вопрос о том, насколько новая Конституция, новая избирательная система могут «изменить положение в СССР, поскольку на выборах по-прежнему будет выступать только одна партия». Отвечая, Сталин сказал: «Вас смущает, что на этих выборах будет выступать только одна партия. Вы не видите, какая может быть в этих условиях избирательная борьба. Очевидно, избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные организации. А таких у нас сотни... Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. Но она будет, и я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу... Миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры. Да, избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, главным образом вопросов практических, имеющих первостепенное значение для народа. Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти». Так Сталин раскрыл суть конституционной реформы. Как оказалось, ради мирной, бескровной – в ходе предвыборной борьбы, в ходе альтернативных, состязательных выборов – смены власти.

1 июня 1936 г., открылся очередной Пленум ЦК ВКП (б). Открылся докладом Сталина «Конституция Союза Советских Социалистических Республик». 11 июня Президиум ЦИК СССР в соответствии с требованием Пленума принял постановление, одобрявшее проект Конституции и назначившее созыв Всесоюзного съезда Советов на 25 ноября. На следующий день все газеты страны опубликовали проект нового основного закона, а 14 июня в них появилась рубрика «Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР», под которой начали помещать письма граждан. Рабочих, крестьян, инженеров, врачей, учителей... Кого угодно, но только не членов широкого партийного руководства. Исключением стали статьи в «Правде» всего лишь двух первых секретарей крайкомов.

Складывалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, все члены ЦК дружно, единогласно проголосовали за проект Конституции, но с другой никто из них не выступил открыто в ее поддержку, пропагандируя достоинства демократии и парламентаризма по-советски, разъясняя их населению страны, неискушенному в знании, понимании обретенных прав. Разумеется, окружение Сталина должно было оценить положение, в котором оказалось. Оценить и выработать ответные меры – в соответствии с навязанными им правилами игры.

Всю первую половину 1936 г. Сталин и его окружение проводили своеобразную внутреннюю политику, сохраняя, но в латентной форме и в минимальных масштабах, жесткое отношение к бывшим активным сторонникам Троцкого и Зиновьева. В январе с обвинения в контр-

революционной и террористической деятельности более ста человек из Горького, Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, началась волна репрессий.

Большой эффект произвело решение Политбюро, принятое по предложению Ворошилова и опубликованное как постановление ЦИК СССР – «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА». Своеобразная массовая реабилитация не ограничилась лишь крестьянством и казачеством. Были отменены все «установленные при допущении к испытаниям и при приеме в высшие учебные заведения и техникумы ограничения, связанные с социальным происхождением». Известных инженеров, осужденных на десять лет по делу «Промпартии», не просто вдруг помиловали, но и «восстановили их во всех политических и гражданских правах». Опубликовано как постановление Президиума ЦИК СССР, оно стало весомой пропагандистской акцией, призванной повлиять на настроения технической интеллигенции.

Всеми этими решениями и постановлениями Сталин стремился к главной своей цели: принципиально изменить массовую базу избирателей. Загодя, еще до принятия новой Конституции и основанного на ней избирательного закона, он хотел предельно расширить круг лиц, кому вернули гражданские права, отбывавшиеся начиная с 1918 г. Продолжая одновременно репрессии по отношению к «врагам» партии и государства.

Опираясь на подготовленный Ягодой и Вышинским список подлежащих аресту 82 троцкистов, подозреваемых в терроризме, Политбюро в июне дало поручение НКВД подготовить процесс над троцкистами и зиновьевцами. Ими оказались зиновьевцы – сам Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, уже второй год отбывавшие срок заключения, и троцкисты – Мрачковский, Смирнов, еще в 1933 г. осужденные на пять лет, Тер-Ваганян, в мае 1935 г. высланный в Казахстан. Вторую группу подсудимых составляли арестованные за месяц или два до процесса бывшие оппозиционеры – Дрейцер, Рейнгольд, Пикель, Гольцман.

Такой подбор подсудимых, представших на августовском процессе, призван был продемонстрировать советскому народу ту «жалкую роль», к которой «скатились» те, кто всего десять лет назад возглавлял партию и страну. Продемонстрировать, кроме того, партократии, отвергшей предложение Сталина на Пленуме, чего следует ожидать и им в случае дальнейшей конфронтации.

И всё же августовский процесс выглядел слишком символической акцией. Страшной, но всего лишь безадресной угрозой всем, а потому никому. Ведь и Зиновьев, и Каменев, и Евдокимов, и Бакаев, несмотря на свою известность, даже популярность в определенных партийных кругах, давно выпали из политической жизни. Главной же целью задуманной акции оставалось прямое воздействие на членов ЦК, делегатов предстоящего Всесоюзного съезда Советов. Потому-то Сталин решил нанести еще один удар, более действенный. По тем, кто в прошлом играл значительную роль в оппозиции, преимущественно троцкистской, а ныне занимал ответственные посты.

Тихо, без огласки арестовали – по показаниям Зиновьева! – первого заместителя наркома тяжелой промышленности Пятакова, заместителя наркома лесной промышленности Сокольникова, замначальника Судортранса Серебрякова, заведующего Бюро международной информации ЦК Радека, заместителей командующих войсками военных округов: Ленинградского – Примакова, Харьковского – Туровского, военного атташе в Великобритании Путну, заместителя наркома путей сообщения Лившица, начальника Главхимпрома НКТП Ратайчака, первого секретаря ЦК компартии Армении Ханджяна, а также других.

Все они оказались своеобразными заложниками. Их, как то было четыре-пять лет назад, могли после допросов вскоре освободить, понизив в должности, выведя из ЦК и ЦИК СССР. Но могли и сделать подсудимыми ближайшего открытого процесса – всего лишь в зависимости от обстоятельств, от дальнейшего развития событий.

Как уже не раз происходило за последние полтора года, процесс и связанные с ним очередные аресты, оказались вполне достаточным основанием для далеко идущих обобщений и выводов. Но прежде всего для чистки руководства НКВД.

Молотов, выступивший на съезде советов сказал: «Кандидатов в советы, наряду с организациями большевистской партии будут выставлять также многочисленные у нас беспартийные организации». Сразу же пояснил смысл сказанного, фактически повторив интервью Сталина Рою Говарду: «Эта система... не может не ударить по бюрократившимся, по оторвавшимся от масс. С другой стороны, эта система облегчает выдвижение новых сил... которые должны прийти на смену отсталым или очинившимся элементам. При новом порядке выборов не исключается возможность выбора кого-либо из враждебных элементов, если там или тут будет плоха наша агитация. Но и эта опасность в конце концов должна послужить на пользу дела, поскольку она будет подхлестывать нуждающиеся в этом организации и заснувших работников».

Так Молотов разъяснил причины возвращения почти миллиону осужденных или раскулаченных крестьян избирательных прав и одновременно обрушился на троцкистов, рассматривая только их, большевиков-ортодоксов, как реальных политических противников.

Сталин провел сложные кадровые перестановки. Исходя, несомненно, из выявившегося отношения к конституционной реформе, из одного региона в другой были переброшены ряд первых секретарей. Сочтя, видимо, такие меры недостаточными, Политбюро санкционировало проведение второго «московского» открытого процесса – суда над семнадцатью видными в прошлом сторонниками Троцкого, арестованными минувшей осенью. Открывшийся месяц спустя очередной Пленум ЦК (23 февраля – 5 марта 1937 г.), привел к предreshенному, неизбежному аресту Бухарина и Рыкова.

О «врагах» на Пленуме говорил в своем докладе и Сталин. Назвал тех, кто должен был быть готов лишиться своих постов, партийных руководителей – 3—4 тысячи высших, 30—40 тысяч средних и 100—150 тысяч низового звена. Указал и срок – шесть месяцев, когда придется «вливать в эти ряды свежие силы, ждущие своего выдвижения». То есть перед выборами в Верховный Совет СССР.

Судя по всему, на этот раз ход Пленума вполне удовлетворил Сталина, который в заключительном слове 5 марта свел суть требующих быстрого решения задач к проблеме кадров – в основном первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий. Прежде всего он объявил о том, что необходимо разграничить функции органов партии и исполнительной власти. Партийные организации, сказал он, будут освобождены от хозяйственной работы, хотя произойдет это далеко не сразу. «Для этого необходимо время. Надо укомплектовать органы сельского хозяйства, дать туда лучших людей. Промышленность, она крепче построена, и ее органы не дадут вам подменить их. И это очень хорошо». И пояснил: «Надо усвоить метод большевистского руководства советскими, хозяйственными органами, не подменять их и не обезличивать, а помогать им, укреплять их и руководить через них, а не помимо их».

Так Сталин попытался подстраховать и себя, и намеченные политические реформы, гарантировать осуществление столь насущной ротации кадров широкого руководства не только в ходе выборов в Верховный Совет СССР, но и выборов в партийных организациях, которые, несомненно, должны были привести к смене регионального руководства – на уровне обкомов и крайкомов. Того же опасалась и партократия, осознавшая реальную для себя угрозу после первых же результатов районных партконференций. Многие секретари райкомов не попали в бюро вновь избранных райкомов, а секретари обкомов и крайкомов получили предельно минимальное число голосов «за» в ходе выборов делегатов на областные и краевые партконференции. И потому попытались проводить выборы по-старому.

Сталин продолжил начатое в конце 1936 г. перемещение вызывавших опасение первых секретарей. Перетряски, перестановки и чистки не ограничились только партийными работни-

ками. Им подверглись многие работники наркоматов. Массовые репрессии обрушились также на высший и старший начсостав РККА, на тех, кто прошел Гражданскую войну, а значит, прямо был связан с председателем РВСР Троцким. Подчинялся ему, выполнял его приказы и распоряжения. С середины мая счёт арестованных из числа высшего командного состава пошел уже на сотни.

Проект «Положения о выборах» отнюдь не вносился Президиумом ЦИК СССР, а был давно разработан в Политбюро. Так, статья 80-я отмечала: «Избиратель... оставляет в каждом избирательном бюллетене фамилию того кандидата, за которого он голосует, вычеркивая остальные». То же нашло выражение и в главе VIII – «Определение результатов выборов». «В протоколе голосования участковой избирательной комиссии, – устанавливала статья 93-я, – должно быть указано: ...е) результаты подсчета голосов по каждому кандидату». Аналогичное требование предъявлялось и к протоколу окружной избирательной комиссии (статья 102-я). Лишь две статьи, 104-я и 107-я, прямо констатировали особенность предстоящих выборов: «Кандидат в депутаты Верховного Совета СССР, получивший абсолютное большинство голосов, т. е. больше половины всех голосов, поданных по округу и признанных действительными, считается избранным». «Если ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов, соответствующая окружная избирательная комиссия объявляет перебаллотировку двух кандидатов, получивших наибольшее число голосов».

Но даже такая, предельно осторожная редакция проекта, вынесенная на обсуждение Пленума, вполне могла привести к неожиданной дискуссии с непредсказуемыми последствиями. Осознавая, что ему предстоит пройти по тонкому льду, узкое руководство вновь пошло на крайние меры – провело первую чистку ЦК, в котором при избрании на XVII съезде насчитывался 71 человек. За три года, с февраля 1934-го по февраль 1937 г. из них выбыло четверо: убитый Киров, умершие Куйбышев и Орджоникидзе и лишь один выведенный – Енукидзе. 31 марта из ЦК вывели второго члена – Ягоду, а за последующие неполные три месяца – 21 человека. Среди них оказались первые секретари крайкомов и обкомов, четыре члена правительства СССР, пять республиканских. За тот же срок число кандидатов в члены ЦК сократилось на шестнадцать человек. Кроме того, в качестве устрашения была применена и более мягкая мера наказания – пока просто снятие с ответственных постов.

– Отец, а что означают слова «узкое руководство», «широкое руководство»? – допытывался Володар.

– «Широкое руководство» – это все члены ЦК, а также первые секретари наиболее крупных партийных организаций на местах. А «узкое руководство» – это узкий круг ближайших соратников товарища Сталина, в который не входили даже некоторые члены Политбюро – ответил Петр Васильевич – и продолжил.

Сочтя такую акцию устрашения вполне достаточной, руководство открыло очередной Пленум. Однако начался он не с предусмотренного повесткой дня доклада о проекте нового избирательного закона, а с сообщения Ежова о только что проведенной чистке в широком руководстве. Спокойно участники Пленума восприняли и главное положение проекта закона, уже содержавшееся в розданном членам ЦК проекте: «Избранным считается только кандидат, получивший абсолютное большинство голосов; если ни один из кандидатов на выборах не получил абсолютного большинства голосов, то обязательна не позднее, чем в двухмесячный срок, перебаллотировка двух кандидатов, получивших наибольшее количество голосов».

Трудно усомниться в том, что члены ЦК, все участники Пленума отлично поняли смысл первых двух дней работы – и сообщения Ежова, и последующих, ими же единогласно одобренных резолюций. Только потому открыто и не выступили против альтернативности предстоящих выборов. Поступили иначе, использовав тот самый метод устрашения, который до того был направлен только против них. Ещё до завершения Пленума кандидат в члены Политбюро, первый секретарь Западносибирского крайкома Эйхе решил вновь истребовать от узкого

руководства то право, которое он уже трижды получал осенью 1934 г. во время хлебозаготовок. Право единолично, бесконтрольно, без суда и следствия выносить смертные приговоры. В записке, адресованной Политбюро, он в самых мрачных красках описал ситуацию, сложившуюся в крае после раскрытия «контрреволюционной повстанческой организации», созданной «уголовниками и высланными в Западную Сибирь кулаками». Он заявил, что вскрыта лишь верхушка «организации», слишком многие ее члены все еще остаются на свободе и потому проведение выборов на основе нового избирательного закона заведомо означает избрание только «антисоветчиков». Шантажируя таким образом узкое руководство, Эйхе вынудил Политбюро утвердить 29 июня, в день закрытия Пленума, нужное решение: образовать «тройку» в составе начальника УНКВД по Западносибирскому краю, краевого прокурора и его лично. Дать им возможность установить число лиц, подлежащих расстрелу, и сколько людей необходимо незамедлительно выслать из края.

Инициатива Эйхе мгновенно стала известна широкому руководству, которое сумело добиться и для себя тех же прав на создание «троек», установление «лимитов» на расстрелы и высылки. 2 июля Политбюро утвердило решение, фактически повторявшее записку Эйхе. Таким образом, направленность репрессий, прежде устремленных на членов партии, когда-либо причастных к оппозициям, резко менялась. Превращала в объект будущих акций уже не два-три десятка, а сотни тысяч людей.

Тогда стало совершенно очевидным, что практически невозможно добиться выполнения решения, перемещая одни и те же «антисоветские элементы» из одного региона в другой. Именно это обстоятельство и предопределило фактическую замену высылки заключением в исправительно-трудовые лагеря, создаваемые в отдаленных местах севера и северо-востока, складыванию печально знаменитой системы ГУЛАГа. Более того, растянувшееся более чем на месяц определение количества подлежащих расстрелу или высылке, слишком быстро возроставшее их число вынудило НКВД приказом по наркомату установить срок проведения специальной операции в масштабах всей страны. Начать её 5 – 15 августа и завершить 5 – 15 декабря. Иными словами, приурочить ее окончание ко дню первых выборов в Верховный Совет СССР, сделать такую акцию устрашения той самой «предвыборной кампанией», которая и призвана была обеспечить бюрократии заведомую победу на выборах. А заодно помочь свести счеты со своими местными конкурентами.

В тяжелой атмосфере все возрастающего числа доносов, порожденных лишь отчасти шпиономанией, готовностью «троек» осудить любое, желательное наибольшее число людей, о состязательности на выборах больше не приходилось и думать. Потому-то на октябрьском Пленуме ЦК, обсуждавшем вопросы предвыборной кампании, об альтернативности больше никто не вспоминал.

– И я вам вот что скажу, ребята, – закончил разговор Петр Васильевич – благодаря мудрости товарища Сталина в стране за десять лет, к нынешнему 1941 году создана современная промышленность, создана оборонная мощь, что позволит быть нашей стране во всеоружии перед лицом любого агрессора.

Утром Сашу проводили на поезд, он убывал в Западный военный округ для прохождения службы.

Глава VI. Война и мир

Урок одиннадцатый: Мирошины во время войны. Эвакуация семьи Шатовых. Окончание войны и потери СССР. Петр Мирошин в Пятигорске. Мирошины и Шатовы породнились

– Внимание! Говорит Москва! Сегодня, 22 июня в 4 часа утра без объявления войны гитлеровская Германия напала на Советский Союз – разносили репродукторы необыкновенной силы голос Левитана. Уже через неделю по радио зазвучала песня-призыв:

«Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает как волна,
Идет война народная,
Священная война!..»

Началась всеобщая мобилизация. В первые же дни войны Петр Васильевич Мирошин и Екатерина Михайловна проводили на фронт второго своего сына – Володю. Через месяц получили от него письмо, что попал он в Н-ское артиллерийской училище, а еще через два – в письме прислал и фотографию в военной форме с петлицами лейтенанта.

«Все для фронта, все для победы!» – таков был партийный и нравственный долг председателя Свищевского райисполкома Петра Васильевича Мирошина, сутками пропадавшего на работе. Почти все мужское население деревень и сел ушло на войну, для нужд фронта были реквизированы лошади – основная рабочая сила деревни. Тем не менее, хлеб фронту нужно было поставлять исправно. Вся основная работа легла на плечи женщин, стариков и детей.

Потери на фронтах были большие, в села стали возвращаться раненые на долечивание, да все больше инвалидов. Возможно поэтому, в 1943 году в соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) и правительства, постановлением обкома и облисполкома Петр Васильевич был направлен работать директором Мокшанского областного трудового интерната для инвалидов Отечественной войны Пензенской области.

Да тут и младшего сына Володара призвали в армию. Редкой радостью было для Екатерины Михайловны получить короткую весточку от сыновей. Саша писал, что жив, здоров, теперь в звании капитана, награжден Орденом Красной звезды. Володя сообщал, что его назначили командиром батареи реактивных минометов – «катюш», что имеет боевые награды: Орден Красной звезды, медаль «За отвагу». От младшего долго не было известий. Потом пришло сообщение из госпиталя за подписью главврача. Сообщалось, что Мирошин Володар Петрович, в составе экипажа бомбардировщика дальней авиации возвращаясь с задания, был сбит, горел, после падения самолета оставшись единственным из экипажа в живых, отстреливался до подхода наших. Что стрелок-радист младший сержант Мирошин В. П. уже идет на поправку, за героизм и мужество награжден двумя орденами Солдатская Слава, и самое главное, что скоро его отпустят домой, и демобилизуют по инвалидности, из-за обгоревшей кисти правой руки.

Летом 1942-го немцы подошли к Пятигорску, и семья Шатовых подлежала эвакуации. Иван Емельянович уже был пенсионером, сильно болел. По предписанию советских органов Шатовы эвакуировались в Грузинскую ССР, в город Кутаиси. Трудный переезд пагубно сказался на здоровье Ивана Шатова, не выдержало сердце, и он умер. Екатерина Ивановна

с дочерьми Галей и Тamarой в конце-концов оказались в Пермском крае. Девушки какое-то время работали на заводе, а потом добровольцами ушли на фронт. Они считали, что это их нравственный долг.

Ключевая роль в организации отпора врагу принадлежала И.В.Сталину⁷. Этот отпор начался не летом 1941 года, когда на Советский Союз обрушились орды всей «объединённой» гитлеровцами Европы, и не в 1939 году, когда был заключён Пакт Молотова – Риббентропа. Надо было торопиться, «иначе нас сомнут»! В 1925 году Сталин берёт курс на превращение СССР в страну индустриальную, способную самостоятельно производить всё необходимое: машины, оборудование. На протяжении двух пятилеток советскому народу удалось создать мощную социалистическую экономику, которая стала важнейшим подспорьем в победе. Он научился производить свои, советские, самолёты, танки, связь, реактивные артиллерийские установки, радикально усовершенствовал систему управления армией. Также немаловажную роль сыграла коллективизация сельского хозяйства, благодаря которой во время войны осуществлялось стабильное снабжение сырьём и продовольствием и армии, и гражданского населения. В 1939—1941 годах расходы на повышение боеготовности армии составляли порядка 43% всего бюджета страны.

На подготовку к решающему сражению с Германией была направлена и строгая централизация системы государственного управления, что позволило в ходе войны совершить невиданную по масштабам концентрацию усилий государства, армии. Пример – беспрецедентная переброска тысяч заводов и фабрик на Восток страны в 1941 году, запуск их «с колёс» на новом месте, фактически «в чистом поле». Подготовке страны к суровым испытаниям служило и советское искусство, в первую очередь – кино. Главной темой десятков фильмов были советский патриотизм, служение Советской Родине, её беззаветная защита.

Подписав в 1939 году пакт с Германией о ненападении, Сталин обеспечил стране около двух лет «отсрочки», позволившей тщательнее подготовиться и дать достойный отпор агрессии. Подписав Договор о нейтралитете в 1941 году с Японией, Сталин спас Советский Союз от возможной войны на двух фронтах. Мудрой предвоенной дипломатией, поведением накануне и в первые часы войны Сталин убедил весь мир в том, что агрессия совершена именно фашистской Германией. Насквозь лживому заявлению Гитлера 22 июня 1941 года не поверил никто. Были заложены основы будущей антигитлеровской коалиции. Сталин был всегда безоговорочно верен стратегии коммунистического развития, коммунистическим принципам, но одновременно чётко, адекватно, учитывал все детали, особенности конкретной исторической ситуации.

С первых часов Великой Отечественной войны Сталин твёрдо держал в руках управление страной, фронтом и тылом. Он взял на себя тяжелейший груз личной ответственности за ход и исход войны, судьбу страны, народа и армии. Он отдал все свои силы, всю свою волю и весь свой талант великому делу спасения Отечества, защиты его чести, свободы и независимости, организации победы над фашизмом. Его деятельность во время войны изо дня в день была огромной по масштабам и охватывала широчайший круг сложнейших проблем – военного, экономического, политического, социального, идеологического, дипломатического, внешнеполитического и многих других важнейших направлений.

В таком напряжённом ритме работа шла день за днём, долгие месяцы и годы войны. И необходимо было сохранять спокойствие, железную выдержку, избегать суетливости в работе, воодушевлять своей целеустремлённостью и энергией других. По свидетельству очевидцев, работавших со Сталиным, это удавалось ему с первых же часов войны. «Все эти дни и ночи Сталин, – свидетельствует Молотов, – как всегда, работал, некогда ему было теряться или дар речи терять. Растеряться – нельзя сказать, переживал – да, но не показывал наружу».

---

⁷ См.: <http://www.ezocat.ru/index.php/history-bc/2972-rol-i-stalina-vov>

Чем был Сталин для советского народа в годы войны? Пожалуй, лучше всего говорят об этом обстоятельства октября 1941 года в Москве. После начала войны враг, кажется неудержимо, почти безостановочно преодолел сотни километров, взламывая один за другим рубежи обороны. Уже гитлеровские офицеры могли в бинокли видеть контуры Москвы. В Москве – элементы паники, полно вражеских слухов. Сталин обращается к москвичам по радиотрансляционной сети: «Москвичи, я с вами, я в Москве, я никуда не уеду». Обстановка моментально нормализуется, у людей появляется уверенность – Сталин с нами, Сталин не подведёт.

Объем работы Сталина был таким, что, казалось, превосходит человеческие возможности. Г.К.Жуков подчёркивал в Сталине «свободную манеру разговора, способность чётко формулировать мысль, природный аналитический ум, большую эрудицию и редкую память». И отмечал: «Взгляд у него был острый и пронизывающий. Говорил он тихо, отчётливо отделял одну фразу от другой, почти не жестикую... Говорил с заметным грузинским акцентом, но русский язык знал отлично и любил употреблять образные сравнения, литературные примеры, метафоры... Юмор понимал и умел ценить остроумие и шутку... Писал, как правило, сам от руки. Читал много и был широко осведомлённым человеком в самых разнообразных областях знаний. Поразительная работоспособность, умение быстро схватывать суть дела позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество самого различного материала, которое было под силу только незаурядному человеку...».

Роль Сталина в Великой Отечественной войне трудно переоценить. Ведь в его руках были сосредоточены решающие рычаги власти в стране. Он был Секретарём ЦК ВКП (б), Председателем Совета Народных Комиссаров СССР и Народным комиссаром обороны. С началом войны Сталин становится Председателем Государственного Комитета Обороны (ГКО). Государственный Комитет Обороны являлся чрезвычайным высшим государственным органом в СССР. В годы войны в нем была сосредоточена вся полнота власти. ГКО руководил деятельностью всех государственных ведомств, направляя их усилия на всемерное использование материальных, духовных и военных возможностей государства.

Как работала Ставка Верховного Главнокомандования? С.М.Штеменко пишет: «Решения Ставки, оформленные документами, подписывались двумя лицами – Верховным Главнокомандующим и начальником Генерального штаба, а иногда заместителем Верховного Главнокомандующего. Были документы за подписью только начальника Генерального штаба. В этом случае обычно делалась оговорка „по поручению Ставки“. Один Верховный Главнокомандующий оперативные документы, как правило, не подписывал, кроме тех, в которых он резко критиковал кого-либо из лиц высшего военного руководства (Генштабу, мол, неудобно подписывать такую бумагу и обострять отношения; пусть на меня обижаются). Подписывались им единолично только различного рода приказы, главным образом административного характера».

Из воспоминаний очевидцев: «Когда Сталин обращался к сидящему, то вставать не следовало. Верховный ещё очень не любил, когда говоривший не смотрел ему в глаза. Сам он говорил глуховато, а по телефону – тихо. В этом случае приходилось напрягать все внимание... Когда Сталину было присвоено звание Маршала Советского Союза, его по-прежнему следовало именовать „товарищ Сталин“. Он не любил, чтобы перед ним вытягивались в струнку, не терпел строевых подходов и отходов... Сталин не терпел, когда от него утаивали истинное положение дел».

Многочисленные документы и свидетельства людей, работавших со Сталиным, показывают, что он с величайшей энергией и настойчивостью стремился к тому, чтобы получить максимум исчерпывающих данных о состоянии сил противника, его военно-экономическом потенциале, замыслах, о театре военных действий и т. п. Именно опираясь на такой объем сведений, он подходил к планированию войны, её кампаний и стратегических операций.

О Сталине как полководце Маршал Василевский подчёркивает: «По моему глубокому убеждению, Сталин являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами и был способен оказывать значительное влияние на руководящих политических и военных деятелей союзных стран...». Сталину удалось выстроить систему отношений с союзниками таким образом, что его партнёры по переговорам негласно признавали его старшинство.

«Могу твёрдо сказать, – писал Георгий Жуков, – что Сталин владел основными принципами организации фронтовых операций, операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела, хорошо разбирался в больших стратегических вопросах. Эти его способности как Верховного Главнокомандующего особенно раскрылись начиная со Сталинградской битвы... В руководстве вооружённой борьбой в целом Сталину помогали его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомлённость. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную крупную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим».

Главный маршал авиации Голованов, непосредственно общавшийся с Верховным Главнокомандующим, так характеризовал стиль Сталина: «Изучив человека, убедившись в его знаниях и способностях, он доверял ему, я бы сказал, безгранично. Но не дай Бог, как говорится, чтобы этот человек проявил себя где-то с плохой стороны. Сталин таких вещей не прощал никому. Он не раз говорил мне о тех трудностях, которые ему пришлось преодолевать после смерти Ленина, вести борьбу с различными уклонистами, даже с теми людьми, которым он бесконечно доверял, считал своими товарищами, как Бухарина, например, и оказался ими обманутым. Видимо, это развило в нем определённое недоверие к людям. Мне случалось убеждать его в безупречности того или иного человека, которого я рекомендовал на руководящую работу... Сталин всегда обращал внимание на существо дела и мало реагировал на форму изложения. Отношение его к людям соответствовало их труду и отношению к порученному делу. Работать с ним было не просто. Обладая сам широкими познаниями, он не терпел общих докладов и общих формулировок. Ответы должны были быть конкретными, предельно короткими и ясными. Если человек говорил долго, попусту, Сталин сразу указывал на незнание вопроса, мог сказать товарищу о его неспособности, но я не помню, чтобы он кого-нибудь оскорбил или унизил. Он констатировал факт. Способность говорить прямо в глаза и хорошее, и плохое, то, что он думает о человеке, была отличительной чертой Сталина. Длительное время работали с ним те, кто безупречно знал своё дело, умел его организовать и руководить. Способных и умных людей он уважал, порой, не обращая внимания на серьёзные недостатки в личных качествах человека.

При всей своей властности, суровости, я бы сказал жёсткости, он живо откликался на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений. Во всяком случае, насколько я помню, как правило, он не упреждал присутствующих своим выводом, оценкой, решением. Зная вес своего слова, Сталин старался до поры не обнаруживать отношения к обсуждаемой проблеме, чаще всего или сидел будто бы отрешённо, или прохаживался почти бесшумно по кабинету, так что казалось, что он весьма далёк от предмета разговора, думает о чем-то своём. И вдруг раздавалась короткая реплика, порой поворачивающая разговор в новое и, как потом зачастую оказывалось, единственно верное русло».

За время Великой Отечественной войны действующая армия провела 51 стратегическую, более 250 фронтовых и около 1000 армейских операций, из них почти две трети наступательных. Да, не все из них были удачными, не все увенчались победой. И на то были причины. Но главное – в другом. Советский Союз выстоял под страшным ударом германских фашистов и многонациональной своры их пособников, советский общественный строй на деле прошёл жёсткую проверку на прочность, показал – вот мечта – социализм – воплощённая в жизнь.

Великая Отечественная война ярко раскрыла талант Сталина и как великого полководца, и как блестящего дипломата и как политика, отдавшего всю свою жизнь без остатка служению Социалистической Родине и её трудовому народу.

Отдавая должное подвигу Красной Армии, её руководителям, Д. Эйзенхауэр писал: «Великие подвиги Красной Армии во время войны в Европе вызвали восхищение всего мира. Как солдат, наблюдавший кампанию Красной Армии, я проникся глубочайшим восхищением мастерством её руководителей».

Война принесла советским людям много горя и страданий. Не было ни одной семьи, чьи родственники не воевали бы, у многих были раненые и убитые. Общие людские потери СССР в Великой Отечественной войне, составили 26,6 млн. человек.⁸ Сюда входят все погибшие в результате военных и иных действий противника, умершие вследствие повышенного уровня смертности в период войны на оккупированной территории и в тылу, а также лица, эмигрировавшие из СССР в годы войны и не вернувшиеся после её окончания.

Безвозвратные потери в ходе боевых действий на советско-германском фронте с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. составили 8 668 400 военнослужащих. Из них: убито, умерло от ран и болезней, не боевые потери – 6 885 100 чел., в том числе убиты – 5 226 800 человек, погибли от нанесенных ранений – 1 102 800 человек, погибли от различных причин и несчастных случаев, расстреляны – 555 500 человек.

Попало в плен и пропало без вести 4 559 000 советских военнослужащих и 500 тысяч военнообязанных, призванных по мобилизации, но не зачисленных в списки войск.

Потери гражданского населения СССР в Великой Отечественной войне составили 13.684.692 человек. Из них: было преднамеренно истреблено на оккупированной территории – 7.420.379 человек, умерло и погибло от жестоких условий оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи и т. п.) – 4.100.000 человек, погибло на принудительных работах в Германии – 2.164.313 человек (ещё 451.100 человек по разным причинам не возвратились и стали эмигрантами).

В августе 1945 года приказом Министра социального обеспечения РСФСР Петр Васильевич Мирошин был назначен директором Пятигорского санатория для инвалидов Отечественной войны. Приходилось решать много хозяйственных вопросов, и здесь пригодился его опыт партийной и советской работы. Часто он бывал в кабинете председателя Пятигорского горисполкома, старой большевички Белоградской. У них было много общего в биографиях, она с первых дней установления Советской власти на Северном Кавказе была на партийной и советской работе в городах и станицах Ставрополья.

В редкие выходные или праздничные дни Петр Васильевич приглашал ее к себе домой, познакомил со своей женой Катериной, и они стали подругами. Белоградская была вдова, мужа, тоже совпартработника, расстреляли деникинцы. В другой раз ходили в гости к ней. Там часто виделись с подругой Белоградской, Екатериной Шатовой, вдовой первого председателя Ставропольского губисполкома Ивана Емельяновича Шатова. Беседы за столом в палисаднике касались не только повседневных хозяйственных вопросов, говорили и о политике. Заходила речь и о детях.

Петр Васильевич рассказывал, что старший их сын, Александр, командованием направлен на учебу в Москву, в Военно-Воздушную академию имени Жуковского. Младший, Володар, собирается поступать в Куйбышевский энергетический институт. А вот Володя был направлен воевать на Дальний Восток, в Манчжурию. Теперь, когда Япония полностью разгромлена и капитулировала, ждут его после демобилизации сюда, в Пятигорск.

– Вот и хорошо – говорила Белоградская – будет жених для Тамарочки, правда, Екатерина Ивановна? – Она ведь у тебя тоже фронтовичка.

---

⁸ См.: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/KRIWOSHEEW/poteri.txt>

– Вот как? Интересно, – заметил Петр Васильевич, – где же она воевала?

– В войсках связи – вступила в разговор Екатерина Ивановна. – Когда немец подошел к Пятигорску, нам предписали эвакуироваться. Иван Емельянович уже в это время не работал, был на пенсии и очень болел. По пути в Грузию его сердце не выдержало, он скончался, и мы его даже похоронить в этой неразберихе не смогли. А я с девочками...

– У вас кроме Тамары еще есть дочери? – спросила Екатерина Михайловна.

– Две: Галя, она старше Тамары на год, и приемная дочь Полина. Ну, так вот, жили мы в эвакуации до 43-го года, а потом мои девочки ушли добровольцами на фронт. Когда немцев прогнали с Кубани, я вернулась в наш старенький полуразвалившийся саманный домик. После демобилизации приехала ко мне и Тамарочка, поступила в Пятигорский фармацевтический институт, скоро окончит учебу и станет провизором. Галя вышла замуж за офицера еще на фронте, теперь ездит с ним по городам и весям. Полина живет в Пятигорске, имеет внебрачного ребенка, но проживает отдельно, снимает комнату.

Под новый 1946-й год в Пятигорск к родителям явился двадцатидвухлетний старший лейтенант, в котором Екатерина Михайловна с трудом узнала своего сына Володю, так он исхудал, осунулся, как-то даже почернел.

– Здравствуй, мама!

– Сынок... И в слезы. – Раздевайся, дай я на тебя погляжу. Сейчас накормлю. Скоро уже отец придет с работы.

Пришел Петр Васильевич. Обнялись по-мужски крепко. Сели за стол. Разговорам не было конца. Легли поздно.

Проснувшись и наскоро позавтракав, Володя отправился посмотреть город. Это была зимняя сказка: старинные особняки, парки, деревья и кусты все в мягком пушистом снеге. На стоявшей рядом горе Машук клоками ваты лежали облака. И тишина такая, что уши закладывает.

Вечером Петр Васильевич сказал, что говорил с Белоградской насчет работы для Володи. Работы нет, тем более что это курортный город. Нужен медицинский персонал, его-то и не хватает.

– Ты, Володя, ушел на фронт после десятилетки, специальности у тебя никакой, поэтому поступай в Пятигорскую двухгодичную зубоветеринарную школу, будет хоть какая-то специальность. Пока будешь учиться, прокормимся как-нибудь, а там получишь диплом зубного врача, найдем работу.

В одно из воскресений все собрались у Белоградской, там и познакомили Володю и Тамару, которая оказалась высокой стройной красивой девушкой. Они были одногодки. Володя влюбился сразу, а Тамара была знакома на фронте и с другими ребятами, у нее было с кем сравнивать.

– Тома – говорила ей вечером Екатерина Ивановна – что тебя не устраивает, семья хорошая, Петр Васильевич директор санатория, у него квартира, не то, что наша развалюха. Да и Володя, вроде, парень неплохой: не каждый стал старшим лейтенантом, награды опять же просто так не дают, не дефективный, не урод, не инвалид. Вон сколько теперь инвалидов, и ничего, женщины выходят за них замуж, мужиков-то нынче немного осталось.

– Мама, я же не говорю, что Володя плохой, очень даже хороший, наверное. Но я не могу забыть моего Бориса, мою фронтową любовь. Вот это был парень! Фронтová разведка, отважный до дерзости, красавец! И погиб как герой.

– Я все понимаю, доченька, но утраты не вернешь, а жить надо. Подумай.

И Тамара согласилась. Сыграли скромную свадьбу. Были только свои. Выпили. Пели песни. Молодым, как водится, желали счастья. 20 апреля 1947-го родился мальчик. Несмотря на то, что это нарушало традиции с наречением именем по именам отцов и дедов, Тамара настояла, чтобы его назвали Борисом.

Володя чувствовал себя счастливым отцом. После занятий в зубоврачебной школе, он каждый день спешил домой к своим любимым Томику и сынишке. Выкраивая копейки от обеда, покупал ему на уличных базарчиках испеченную из теста маленькую птичку-журавлика, и не мог скрыть радости, когда сынок сосал этот кусочек запеченного теста.

В ноябре того же года, в связи с отсутствием специального медицинского образования Петра Васильевича освободили от обязанностей директора санатория, и он со своей Екатериной Михайловной уехал в родные места. Его назначили управляющим Башмаковской маслобазой, а затем – директором раймаслопрома Пензенского треста Маслопром.

Володя с Тamarой и маленьким Борей после отъезда Петра Васильевича и Екатерины Михайловны переехали в саманный домик Екатерины Ивановны. Мама Тамары была единственная, кто зарабатывал на жизнь, работая санитаркой в санаториях. Она отпускала пациентам ванны и другие процедуры. Денег ни на что не хватало, и едва дождавшись, когда Боре исполнился год, молодые отвезли его к деду Петру Васильевичу и бабушке Екатерине Михайловне в Башмаково, а сами вернулись в Пятигорск доучиваться.

В Башмаково Петр Васильевич получил казенный домик с палисадником, русской печкой и погребом во дворе. Екатерина Михайловна была рада: давно мечтала зажить по-деревенски, выпекала хлеб в русской печи, готовила наваристые щи и каши в горшках, занималась огородом, заквашивала в дубовых кадлушках капусту с антоновскими яблоками, солила сало, грибы. Она была мастерица на все руки.

Но случилась беда: Боря заболел дифтерией, и был при смерти, когда по телеграмме приехали Володя с Тamarой. Неделю мальчик умирал, задыхаясь от недостатка воздуха и высокой температуры. Родители были потрясены увиденной картиной: мальчик лежал в комнате с наглухо занавешенными окнами, в спертом воздухе, с расчесами по всему телу от укусов клопов. Петр Васильевич каялся, что недоглядел, и клялся, что сделает все, чтобы поставить на ноги единственного внука, хотя и не мог простить снохе его имя.

Наконец, учеба закончилась, Тамара получила диплом провизора, Володя – зубного врача, и они приехали в Башмаково. С работой было трудно, зарплаты маленькие. Мыкаться бы им всю жизнь в деревне, но тут правительство объявило дополнительный призыв офицеров запаса в Вооруженные Силы в связи со сложной международной обстановкой.

США вели подготовку к новой войне. На войне наживались крупные промышленные корпорации и банки США.⁹ Если сравнить пять предвоенных лет (с 1935 по 1939 г. включительно) с пятью годами второй мировой войны (с 1940 по 1944 г. включительно), то окажется что прибыли всех американских корпораций за пять предвоенных лет, за вычетом налогов, составили 15,3 млрд. долл., а за пять лет второй мировой войны прибыли этих корпораций (после уплаты налогов) составляли 45,3 млрд. долл. По данным департамента торговли, чистая прибыль этих корпораций за шесть лет войны (с 1940 по 1945 г.) составила 52 млрд. долл. Сенатор от штата Иллинойс Брунс говорил в Сенате 12 марта: «если бы Соединенные Штаты послушались советов, которые давала Республиканская партия еще до войны, и дали бы немцам уничтожить Россию, теперешняя программа Трумэна не была бы необходима».

В то же время американский империализм проводил последовательную политику милитаризации страны. Расходы США на армию и флот превышали 11 млрд. долларов в год. На содержание вооруженных сил Соединенными Штатами в 1947—1948 годах ассигновано 35% бюджета, или в 11 раз больше, чем в 1937—1938 годах. Если в начале Второй мировой войны армия США стояла на 17-м месте среди армий капиталистических стран, то в это время она занимает среди них первое место. Конкретным выражением экспансионистских устремлений в США в настоящих условиях являлись «доктрина Трумэна» и «план Маршалла». По существу оба эти документа представляли собой выражение единой политики, хотя они

---

⁹ См.: Правда. <http://olden.rsl.ru/ru/networkresources>

различались по форме преподнесения в обоих документах одной и той же американской претензии на порабощение Европы.

Основными чертами «доктрины Трумэна» в отношении к Европе являлось создание американских баз в восточной части Средиземноморского бассейна с целью утверждения в этой зоне американского господства. Демонстративная поддержка реакционных режимов в Греции и Турции в качестве бастионов американского империализма против новой демократии на Балканах (оказание военной и технической помощи Греции и Турции, предоставление займов). Непрерывный нажим на государства новой демократии, выразившийся в фальшивых обвинениях в тоталитаризме и в стремлении к экспансии, в атаках на основы нового демократического режима, в постоянном вмешательстве во внутренние дела этих государств, в поддержке всех антигосударственных, антидемократических элементов внутри стран, в демонстративном прекращении экономических связей с этими странами, направленном на создание экономических трудностей, на задержку развития экономики этих стран, на срыв их индустриализации и т. д.

Неблагоприятный прием, который встретила «доктрина Трумэна», вызвал необходимость появления «плана Маршалла» – более завуалированной попытки проведения той же самой экспансионистской политики. Существо туманных, нарочито завуалированных формулировок «плана Маршалла» состояло в том, чтобы сколотить блок государств, связанных обязательствами в отношении США, и предоставить американские кредиты как плату за отказ европейских государств от экономической, а затем и от политической самостоятельности. При этом основой «плана Маршалла» являлось восстановление контролируемых американскими монополиями промышленных районов Западной Германии.

Послевоенная жизнь была трудной не только в СССР. Из опубликованного Организацией Объединенных Наций доклада о международном экономическом положении за 1951/52 год было видно, что даже по официальным данным средняя стоимость жизни в капиталистических странах только за один 1952 год возросла на 5,2 процента. Снижение покупательной способности населения, происшедшее, прежде всего, в результате повышения цен на товары массового потребления, повлекло за собой еще большее сокращение потребления трудящегося населения.

Во Франции цены на товары гражданского потребления возросли в 1951/52 году по сравнению с 1950/51 годом на 22 процента, в Швеции – на 16, в Норвегии – на 14, в Канаде, Западной Германии, Дании – на 9 процентов. В Соединенных Штатах Америки, по данным профсоюза электриков США, цены на предметы первой необходимости с начала 1950 г. по июль 1952 г. выросли на 25 процентов. В Англии только за один 1952 год цена на хлеб поднялась на 25 процентов, на муку – на 26, на масло – на 20, на сахар – на 17, на мясо – на 20 процентов. При этом дальнейший рост дороговизны происходил в условиях сокращения производства прежде всего продуктов питания и промышленных товаров массового потребления. Так, например, по данным упомянутого доклада, выпуск текстильных изделий в 1951/52 году по сравнению с 1950/51 годом упал в Бельгии на 29 процентов, в Дании – на 22, в Канаде – на 21, в Соединенных Штатах – на 19, в Голландии – на 16, в Англии – на 15 процентов.

При этом в СССР ежегодно снижались розничные цены на основные группы товаров первой необходимости и продукты питания в среднем на 10—20 процентов. За пять послевоенных лет 1945 – 1950 в Советском Союзе была в основном восстановлена разрушенная войной промышленность.

Урок двенадцатый: На Дальнем Востоке. Смерть Сталина. Агрессия США в Корее. Загадка маленького мальчика

Посоветовавшись с женой и родителями, Володя поехал в военкомат и подал рапорт. По правде говоря, рассчитывали таким образом избавиться от беспросветной нужды, и надеялись, что возможно служба будет проходить в каком-нибудь городе, где и Тамара сможет найти себе работу.

Решение было принято быстро. Володю зачислили в Военно-Морской Флот в звании капитана военно-медицинской службы и отправили служить на Дальний Восток, в местечко, которое местные называли «Гнилая десна». Володя служил в гарнизоне, Тамара была домохозяйкой. Жили в бараке, где проживали семьи и других офицеров и молодые офицеры-холостяки. Природа была суровая, ощущалось дыхание Тихого океана.

Однажды один из соседей, молодой офицер, позвал Боря к себе и спросил: – Ты конфеты любишь? Получив утвердительный ответ, он сказал: – ну, тогда иди, налей в банку воды, пойдем в лес за конфетами. Мальчик не мог понять, откуда там могут быть конфеты. Офицер сказал, что конфеты растут на деревьях. И вот, когда они немного отошли от барака, Боря был потрясен – на ветках и сучках виднелись разноцветные конфеты-подушечки. Офицер поднимал его на руки, чтобы он мог дотянуться, и Боря снимал конфеты и бросал их в банку с водой, чтобы они не слиплись.

И еще был случай, когда соседский мальчишка, катаясь на качелях со всего маху ударил Боря люлькой, в которой сам сидел, и попал ему в левую бровь. Кровища залила лицо, и когда Боря с рёвом прибежал к маме, она подумала, что у него выбит глаз. Однако все обошлось.

Скоро Володю перевели служить в другой гарнизон в районе Владивостока. Место называлось станция Лянчиха. Климат там был субтропический. Боря никогда не видел такого обилия цветов, папаратников и бабочек. Особенно красивыми были бабочки-махаоны. Они были такие большие, что когда их хотелось взять в руки, то они не успевали взлететь, такие они были тяжелые и неповоротливые.

Семья жила в коттедже на две семьи, с соседями, у которых был отдельный вход с другой стороны. Возле дома сажали небольшой огород. Боря увидел там длинные огурцы, их называли китайскими. От огуречного куста привязывали веревки к веткам деревьев, и огурцы, цепляясь своими усиками как вьюнки, начинали через какое-то время свешиваться с деревьев.

На станции был небольшой базарчик. Там продавали всякие овощи и чилимов – так местные жители называли маленьких морских рачков, похожих на креветок, только размером они были сантиметра полтора-два. Их варили в соленой воде, и они становились розовыми, продавали за копейки в бумажных кулёчках, свернутых из газеты. Чистить их было невозможно, поэтому ели положив в рот сразу несколько штук, жевали, а шелуху выплёвывали.

Несколько раз Володя с семьей и соседями ездили купаться в бухту «Золотой рог». Там Боря увидел, как чилимов ловят возле берега обыкновенной марлей. Тут же на берегу стояли бочки с водой, в которых этих чилимов варили. В отдельных местах на берегу и на дне возле берега были залежи целебной черной грязи, и ею мазались все, кому не лень.

После службы в районе станции Лянчиха в Приморском крае, Володю перевели служить в Хабаровский край, в район города Комсомольск-на-Амуре. Жили в коттедже, в пригороде. Город был виден вдалеке. Рядом было кладбище, куда Боря с соседскими мальчишками и девочками бегал играть. Там было тихо и уютно.

Однажды ночью Боря проснулся, потому что горел свет, и плакала мама. Родители ему сказали, что умер Сталин, они услышали об этом по радио. Как бы не была трудна жизнь,

но люди всей страны восприняли известие о смерти Сталина как величайшую трагедию. Как теперь жить? Кто защитит теперь от новых агрессоров? Кто сможет создать для людей светлую радостную жизнь?

Когда после смерти Сталина распределяли посты, то правительство возглавил Маленков, а его первыми заместителями стали Берия, Молотов, Булганин, Каганович.¹⁰ Председателем Президиума Верховного Совета СССР стал Ворошилов. Никита Сергеевич Хрущев был одним из секретарей ЦК – заведующим орготделом, и одновременно возглавлявшим Московскую партийную организацию. Было принято решение сосредоточиться ему на работе в ЦК, в связи с чем его освободили от обязанностей первого секретаря МГК. Позднее состоялся Пленум ЦК, где Хрущева избрали первым секретарем ЦК КПСС. В том раскладе сил такое распределение ролей никак не предвещало того, что произошло спустя три года на XX Съезде КПСС, где Хрущев выступил с докладом о культе личности Сталина.

Доклад готовился втайне, и вызвал шок у делегатов Съезда. Доклад не был опубликован в печати. Хрущев обоснованно боялся, что народ ему просто не поверит. Поэтому доклад был направлен против наиболее авторитетных соратников Сталина в органах партии и государства, с которыми Хрущев не шел ни в какое сравнение. Это был способ расправиться с ними. Доклад содержал чудовищные обвинения Сталина и Берии, которых уже не было в живых. Пройдут годы, и на Западе в печати появится книга Гровера Ферра «Антисталинская подлость», в которой доказано, что почти все в докладе Хрущева – ложь.

Спустя несколько месяцев после Съезда в печати было опубликовано постановление ЦК КПСС о культе личности Сталина, которым было положено начало очернению достижений и личности Сталина. Вернулись из лагерей тысячи безвинно осужденных, но были реабилитированы и многие обоснованно осужденные за фактически совершенные преступления перед народом и государством.

В Комсомольске-на-Амуре 13 апреля 1953 года Тамара родила Боре братика, назвали Юрой.

Вскоре Володю перевели служить в гарнизон, который располагался на полуострове Меньшиков и входил в состав города Советская Гавань на Дальнем Востоке. Советская Гавань – это место, где была база наших кораблей, которые назывались эсминец, то есть – эскадренный миноносец, а также ТК – так называли торпедные катера, и подводных лодок. Вход в бухту был закрыт подводным забором-решёткой, чтобы не могли пробраться вражеские подлодки и водолазы. В хорошую погоду стоя на берегу Тихого океана можно было увидеть на горизонте слабые очертания снежных вершин гор на острове Сахалин, который находился от материка через Татарский пролив.

Но было это место знаменито еще и портом Ванино, располагавшимся невдалеке. Сюда привозили заключенных, как уголовников, так и политических. Даже песня была: «Я помню тот Ванинский порт и вид пароходов угрюмый, как шли мы по трапу на борт, в холодные мрачные трюмы...»

Иногда случались побеги уголовников, и тогда по тревоге поднимали гарнизон. Был жуткий случай, когда днем молодая женщина вышла во двор повесить сушиться постиранное белье, а сбежавшие зеки затащили ее в кусты, завязали над головой подол платья, изнасиловали и убили.

Весь полуостров был поросший деревьями и непроходимым кустарником. Где-то на побережье были расположены зенитные батареи, которые, в случае чего, должны были отражать налеты вражеской авиации. Барак, в который поселили Володю с семьей, и еще два или три стояли на небольшой поляне. Буквально со всех сторон их обступал непроходимый лес, десять шагов, и ты в лесу, и можешь заблудиться. А та сторона, которая выходила к Татарскому про-

---

¹⁰ См.: Правда. <http://olden.rsl.ru/ru/networkresources>

ливу была голой, и заканчивалась обрывом к океану высотой метров 7 или 10. Там был устроен досчатый желоб, куда домохозяйки выбрасывали мусор и помои.

На полуострове Боря впервые увидел, как брали березовый сок. В стволе березы диаметром в два обхвата сверлили дырку, в неё вставляли пучок соломинок, связанных ниткой. Вечером устанавливали, утром была полная трехлитровая банка сока.

Гарнизон жил своей боевой напряженной жизнью, не заметной для простых граждан. Но семьи офицеров знали истинное положение дел. Соединенные Штаты Америки, которые в конце Второй мировой войны сбросили смертоносные атомные бомбы на японские города Хиросима и Нагасаки, теперь пошли на применение не менее варварских методов. В Корее, где не было случаев заболевания бубонной чумой, американские агрессоры начали использовать эту смертоносную болезнь как орудие войны, сбрасывая носителей бактерий – крыс и блох в попытке достигнуть своих агрессивных целей путем массового уничтожения населения с помощью эпидемии бубонной чумы.¹¹

Вспышка истинной холеры в Пхеньяне была вызвана искусственно и занесена зараженными вибрионами холеры мухами, разбросанными с американских самолетов, и явилась результатом применения американскими агрессорами бактериологического оружия.

Методы, использовавшиеся американскими агрессорами в их бактериологической войне, были многочисленны и разнообразны. Помимо бактерий чумы и холеры, они также использовали насекомых, мелкую рыбу, вату и многие другие предметы для распространения различных видов бактерий, пытаясь вызвать желудочно-кишечные заболевания.

4 американских реактивных самолета типа «Сейбр» кружили над Поньпунин, в районе Коань уезда Чхончжу провинции Северный Пхенан. С самолета был сброшен черный предмет. На высоте примерно 300 метров от земли этот предмет рассыпался в виде множества древесных листьев, которые медленно опускались, падая на рисовые поля и около домов. Кроме древесных листьев, были также сброшены стебли бобовых растений и бобовые стручки. В результате исследований было установлено, что бобовые стручки были заражены бактериями *sergospora soja*.

Добровольные показания американских военнопленных, захваченных на корейском фронте, также подтверждали тот факт, что правительство США вело в Корее бактериологическую войну.

В результате исследования на насекомых, животных и на некоторых зараженных предметах, сброшенных с американских самолетов, были обнаружены следующие бактерии: возбудители чумы, возбудители брюшного тифа, возбудители дизентерии, возбудители холеры, возбудители сибирской язвы, а также некоторые вирусы.

Слушая об этом в специальных сводках штаба флота, а также читая эти сообщения в газетах, Володе и Тамаре было от чего волноваться. От Кореи до Совгавани было рукой подать.

Однажды с маленьким Юрой произошел случай, который так и остался загадкой. Дело было так. Тамара стирала в комнате белье и выходила во двор вешать его сушиться. Юра едва только начинал ходить, больше ползал. Выходя на улицу, Тома всякий раз видела, что её ребенок играет возле крыльца. В очередной раз она вышла, а ребенка возле крыльца нет. Стала звать его, не отзывается. Никого посторонних вокруг не было. Тамара бегала вокруг барака, нет нигде. В конце – концов, подняли по тревоге матросов, стали прочесывать лесной массив – нигде нет ребенка.

Оставалось последнее – упал в пропасть. Но в это трудно было поверить, так как от крыльца барака до обрыва было довольно далеко, метров 50—70, ребенок не мог туда самостоятельно добраться. Заглянуть с обрыва вниз было невозможно, ничего нельзя было разглядеть, мешали выступавшие камни, кусты. Оставалось только спуститься вниз, к воде. Но сде-

---

¹¹ См.: Правда. <http://olden.rsl.ru/ru/networkresources>

лать это можно было только по старой полусгнившей деревянной лестнице, которая была кое-как прикреплена к скалистому обрыву, и находилась метрах в трехстах в стороне от поселка. Её назначения никто не знал, говорили, что сделали её еще во время войны для каких-то военных целей, а потом забросили за ненадобностью. Но всем было понятно, что последний вариант, если ребенок упал в пропасть, означает только одно – что он мертв.

Группа смельчаков полезла по этой лестнице, и Тамара вместе с ними. Спустившись, стали пробираться вдоль берега примерно до того места, где был мусорный жёлоб, куда сбрасывали помои. Идти было непросто, так как весь берег был усеян обломками скал, огромными морскими валунами, завален гниющей морской травой и всяким мусором, который океан выбрасывает на берег. И вот на огромном гладком валуне все увидели ребенка. Тамара потеряла сознание. Ребенок был жив, на нем не было даже царапины. Когда выбрались на поверхность, уже поджидала машина, и Юру срочно повезли в Советскую Гавань, в госпиталь. После тщательного осмотра врачи констатировали, что ребенок полностью здоров, что у него нет ни ушибов, ни переломов, ни даже царапин.

Так эта история и осталась неразгаданной загадкой. Как мог ребенок, практически не начавший еще самостоятельно ходить, добраться до пропасти, свалиться туда, оказаться на высоком камне и остаться невредимым. Высказывались разные предположения, что возможно его туда отнесла какая-то неведомая большая птица, или зверь.

Урок тринадцатый: На краю Земли. Поездка в Москву. Боря идет в школу. В Бузулуке. XX Съезд партии. Демобилизация Владимира Петровича. Переезд в Орск

После этого события жизнь пошла своим чередом. Радио, эта черная тарелка на стене, было для маленького Бори единственной возможностью ощущать себя жителем большой страны, слушая передачи. Бывало, лежал Боря в кровати, маленький-маленький, где-то на краю земли, а по радио слышались позывные сигналы: «ши-ро-ка-стра-на-мо-я-род-на-я...» и он понимал: это Москва, столица, как же она далеко. А еще по радио передавали прекрасные песни о Москве, о Родине.

Такое же ощущение, только ещё более сильное, маленький Боря испытал, когда семья на поезде поехала в Москву в отпуск. Поезд был на паровозной тяге. Рельсы были не везде двухпутные, и часто поезду приходилось стоять на полустанках, или прямо в степи или в лесу на разъездах и ждать когда пройдет встречный поезд чтобы следовать дальше. Такие вынужденные остановки иногда длились довольно долго. И тогда пассажиры выходили из вагонов, чтобы поразмяться, ведь до Москвы ехали тогда больше недели. На одной такой остановке пассажиры высыпали из вагонов: кто собирает полевые цветы (а это была лесостепь), кто полез на кедры за шишками. Но вот проходит встречный состав, паровоз дает длинный гудок, и вся публика бежит к своим вагонам.

На всем пути следования за несколько дней в дороге Боря видел просторы своей необъятной Родины. Мимо проносились большие и малые города, деревни, менялась растительность, солнечные дни сменялись дождливыми и обратно. На станциях к вагонам выходили местные жители и предлагали купить у них ягоду: морошку, бруснику, голубику, клюкву, а также квашеную капусту с горячей вареной картошечкой, жареную или вяленую рыбу.

Какой бы скромной не была станция, на ней обязательно был бюст Сталина, или слова «Сталину слава» или вроде того, и всегда это было аккуратно покрашено или побелено известкой, и сияло чистотой и ухоженностью. Поэтому на протяжении всего пути можно было видеть всякое, в том числе убогие деревни, но обязательно везде были символы, которые внушали мысли о великой стране.

Особенно сильные переживания Боря испытывал, когда поезд начинал подходить к Москве. Примерно за час до Москвы в поезде по внутреннему радио начинали звучать патриотические песни:

«Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся Советская земля...
Кипучая, могучая,
Никем непобедимая,
Страна моя, Москва моя,
Ты самая любимая...».

Или:

«Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюсь с тобой.
А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона,

Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна...»

Это поднимало настроение, волнение нарастало: скоро, совсем скоро ты увидишь Москву. За окном уже мелькали пригородные платформы, дачные поселки, и вот поезд на медленной скорости въезжает в Москву. С детства у Бориса чувства к Москве – как к чему-то святому. И в эти годы, и позже, когда он приезжал в Москву, он обязательно приходил на Красную площадь. Стоя на площади, он смотрел на смену караула у Мавзолея Ленина, на величественные стены с зубцами, на седые ели вдоль кремлевских стен, на красное полотнище государственного флага над Кремлем.

Зима на полуострове Меньшиков была суровой. Барак заметало снегом по самую крышу. Вода была привозная, в железной бочке. А для стирки Тамара растапливала на печи в ведре снег. Печь топили дровами. Когда Тамара простужалась и чувствовала недомогание, она выходила во двор, и начинала колоть дрова. Так и лечилась.

Володя очень любил морскую форму, и она ему была к лицу. В офицерском ателье Боре сшили настоящую флотскую офицерскую шинель, и он в ней ходил. Иногда отец брал сына с собой в гарнизон, они шли по территории оба в шинелях, и когда встречные офицеры отдавали друг другу честь, то и Боря тоже прикладывал ручонку к шапке.

Как-то Боря был в кабинете у отца. Там он впервые увидел, как отец работает на бормашине, лечит зубы военнослужащим-пациентам. Бормашина тогда представляла собой примитивную технику с ножным педальным приводом, при помощи которого раскручивали большое колесо. С него при помощи тросика вращение передавалось на маленький шкив, а затем на рукав бормашины и непосредственно на бор. Скорость вращения бора была маленькой и непостоянной. Сверлить такой бормашинной зубы было непросто, а пациентам было больно.

Потом Боря заболел скарлатиной, и его положили в госпиталь в Советской Гавани. Это было далеко от дома, и родители не могли приезжать к нему часто. Это был первый случай, когда Боря оказался без родителей. Радио в палатах не выключали, пока оно не заканчивало передачи. В 12 часов ночи звучал Гимн.

После выздоровления Боря и соседские мальчишки проламывали лед на небольших озерах и болотцах и спускались под лед. Воды там не было, она вся вымерзала. Внутри подо льдом, который был как крыша, были кусты и трава, которые все были покрыты ледяными кристаллами, и если сквозь лед светило солнце, то кристаллы переливались всеми цветами радуги.

Как-то раз Боря с ребятами забрел на какой-то заброшенный военный продовольственный склад. На поверхности ничего не было видно, все было в снегу, и вдруг они куда-то провалились, и оказались в подземном помещении. Когда глаза привыкли к темноте, ребята увидели какие-то ящики, в которых оказалась соленая красная рыба, наверное, горбуша. Они взяли, сколько могли унести, и пошли домой. Дома их отругали, но ребята сказали, что на складе никого нет, и вообще такое впечатление, что он давно брошен и не охраняется. Похоже, что так оно и было.

Вообще продовольственное снабжение военнослужащих и членов их семей в основном состояло из консервированных и сушёных продуктов. Например, офицерам на паёк выдавали сушёный картофель нарезанный ломтиками. Для приготовления его нужно было вначале размочить в воде. Регулярно выдавали красную икру, но она тоже была то ли подсушенная, то ли подвяленная, одним словом, Тамара клала её на сковородку в растопленное масло и при нагревании икринки надувались, после чего их можно было есть.

На полуострове Меньшиков Боря пошел в первый класс школы. От барака до школы было приличное расстояние, которое нужно было преодолевать пешком. А по пути были разные препятствия. Всякий раз Боря проходил мимо стаи пасущихся гусей. Они вытягивали в его сторону свои шеи и злобно шипели, а некоторые норовили ущипнуть. Приходилось спасаться бегством. А один раз за ним погнался молодой бычок, который хотел его заботать, и, наверное,

сделал бы это, если бы Боря не успел спрятаться в каком-то сарае и захлопнуть за собой дверь, так что бычок ударил в эту дверь своими рожками. Страху Боря натерпелся...

Перед тем как Боря пошел в школу, родители ездили в отпуск в Москву, и купили ему новую школьную форму, которую, видимо, хотели ввести для мальчиков по всей стране. Это были серые суконные брюки и гимнастерка, с ремнем на поясе. Такого же цвета фуражка, похожая на армейскую, с лакированным козырьком и эмблемой-кокардой, такая же эмблема была и на бляхе ремня. На эмблеме была буква «Ш» в обрамлении каких-то листьев.

Когда Боря пришел в таком наряде в школу, то на него смотрели как на человека из другой страны. В школах на Дальнем Востоке ничего такого не было. Боре было неудобно ходить одному из всей школы в такой одежде, и, в конце – концов, он стал ходить в школу как все дети, тем более что ширинка на брюках у этой формы была на пуговицах, которые было очень трудно расстегивать и застегивать из-за узких петелек. Один раз он из-за этого даже описался, не сумел расстегнуть пуговицы. В последующие годы учебы уже и не на Дальнем Востоке, такой школьной формы нигде больше не было. Возможно, что это был какой-то эксперимент, который апробировали только в Москве и других крупных городах, и он не прижился.

Вскоре Володю направили служить на остров Новая Земля, что находится в Северном Ледовитом океане за Полярным Кругом. Семьям ехать туда было нельзя, и Тамара с детьми отправилась к родителям мужа, к Петру Васильевичу и Екатерине Михайловне, в город Бузулук Чкаловской (Оренбургской) области. В 40 км от города находится Тоцкий полигон, где 14 сентября 1954 года были проведены учения с использованием атомного оружия.

Бузулук часто оказывался в центре исторических событий. В нём побывали пугачёвцы, во времена гражданской войны – армия атамана Дутова, передовые отряды армии Колчака, принимала присягу на верность Родине Чапаевская дивизия. В годы Великой Отечественной войны в Бузулуке выпускали продукцию для фронта пять промышленных предприятий, эвакуированных из западных районов страны, были сформированы три дивизии Красной Армии, Первый отдельный Чехословацкий батальон Людвика Свободы, Польская армия генерала Владислава Андерса. 35 тысяч бузулукчан ушли на фронт сражаться с фашистскими захватчиками. Более 11 тысяч из них погибли.

Жили Петр Васильевич и Екатерина Михайловна в старом двухэтажном доме, в сырой двухкомнатной квартире в полуподвале. Петр Васильевич уже был на пенсии и не работал, Екатерина Михайловна всегда занималась домашним хозяйством. В Бузулуке Боря учился в 3 и 4 классах. Это был маленький заштатный городок, со старыми постройками. Почему там оказались родители Володи? Они приехали в Чкаловскую область, потому что там жил и работал брат Петра Васильевича, который и помог ему устроиться на первых порах. Петр Васильевич выхлопотал себе пенсию персонального пенсионера республиканского значения. Хлопотал, чтобы ему выделили инвалидную мотоколяску, но так и не дождался. Ему изготовили протез для ноги, который мог сгибаться в колене, когда нужно было сесть, и с которым он мучился. У него уже было плохое здоровье, болело сердце, была одышка. Он умер в 1957 году в возрасте 57 лет.

Борина школа располагалась в каком-то старинном здании. Вроде бы раньше там была гимназия. Однажды на перемене все высыпали во двор школы. Кто-то показал, как он умеет висеть на турнике вниз головой. Боря тоже повис, и тут какой-то старшеклассник сдернул его с турника, и Боря полетел вниз головой. Хорошо, что сломал руку, а не шею. Плохо, что правую.

Петр Васильевич вошел в квартиру, и тяжело стуча протезом, не раздеваясь, прошел в комнату и сел на стул.

– Что случилось, Петя? – спросила Екатерина Михайловна. – На тебе лица нет.

– Был в Маслопроме на партсобрании. Зачитывали нам доклад Хрущева о культе личности Сталина. Оказывается он выступил с ним на двадцатом Съезде, но в газетах опубликован не был. Слушали молча, обсуждения не предполагалось. То, о чем говорил Хрущев, поражает.

Но в то же время нельзя так о вожде. Ведь под его руководством построили промышленность, победили в войне.

Петр Васильевич еще долго рассказывал жене о своих переживаниях после того, что услышал в докладе. Екатерина, как могла, успокаивала его: может еще все обойдется. От волнения у Петра Васильевича началась одышка, ему стало плохо, и пришлось вызвать врача.

Тем временем Советский Союз, последовательно проводя политику мира и безопасности народов, приступил к сокращению своих вооруженных сил, вооружений и расходов на военные нужды.¹² Не дожидаясь общего соглашения о разоружении, СССР, сверх проведенного в 1955 году сокращения своих вооруженных сил на 640 тыс. человек, обязался провести до 1 мая 1957 года новое, еще более крупное сокращение вооруженных сил на 1.200 тыс. человек. Соответственно будут сокращены вооружение и военная техника, а также расходы Советского Союза на оборону – читал Петр Васильевич в «Правде».

– Послушай, Катя, – говорил он, шелестя страницами газеты. – Обсудив запрос депутатов Верховного Совета СССР о мерах по прекращению испытаний атомного и водородного оружия и заслушав заявление Министра иностранных дел СССР Шепилова, Верховный Совет СССР постановил одобрить политику и практические меры Советского правительства по вопросу о разоружении и безотлагательном прекращении испытаний атомного и водородного оружия и запрещении его применения.

– Бог даст, может быть и Володя демобилизуется и приедет к нам – отозвалась Екатерина Михайловна.

Так и случилось. Володя после подачи нескольких рапортов, был уволен из Вооруженных Сил, и наконец-то обнял родителей, Тамару, детей.

– Как там было, расскажи – спрашивал Петр Васильевич. – Как служба?

– Не спрашивай, отец, не имею права рассказывать, подписку давал. Одно могу сказать: это атомный полигон. Жили в бараках, до туалета на улице ходили, держась за веревку, иначе унесет ветром. Полгода день, полгода ночь. Многие спивались, некоторые стрелялись, не выдерживали. Лучше расскажи, как дела у Шурки, у Володара.

– Сашу после окончания академии оставили там на преподавательской работе, защитил кандидатскую. С Ольгой живут хорошо, сын Шурик растет, здоров, на тот год пойдет в школу. Комната у них в коммунальной квартире, но стоят в очереди на кооператив. Ольга преподает в техникуме.

Володар перевелся в московский институт международных отношений. Первый год жилья у него не было, так он тайком после занятий оставался в аудитории, сдвигал столы, и там ночевал. Теперь вот женился. Галина, тоже студентка. Живут в коммуналке. Даже не понимаю, откуда в нем столько упорства: кисть правой руки после ранения почти неподвижна, а он выучился играть на аккордеоне, со своей Галей ходят на каток, занимаются фигурным катанием. Изучает немецкий и английский. Уверен, что у парня большое будущее.

– А я, отец, здесь жить не останусь, работы нет. Устроился на полставки в санэпидстанцию. Надо детей поднимать, а на такие зарплаты как у меня и Тамары в аптеке, не проживешь. Мы уже отправили письма в облздравотделы нескольких областей, так, мол, и так, два медицинских работника хотят переехать в города в вашей области, но с одним условием – гарантия предоставления квартиры. Вот теперь ждем ответов.

– А зачем ехать неизвестно куда, сынок – спросила Екатерина Михайловна. – Ты уже и так намотался за эти годы. Почитай весь Дальний Восток проехал, и везде неустроенность, неурядицы. Живи с нами.

---

¹² См.: Правда. <http://olden.rsl.ru/ru/networkresources>

– Нет, мама, – вступила в разговор Тамара – хочу жить в большом городе, чтобы была культура, театры, библиотеки. Дети должны жить и учиться в нормальных условиях. Хватит, нажились в бараках.

Скоро пришел ответ из облздравотдела Чкаловской области. В нем сообщалось, что промышленный центр области город Орск бурно развивается, строятся новые заводы и фабрики, что обеспечивает приток большого количества рабочих кадров со всей страны. В этих условиях городу крайне необходимы медицинские работники, в том числе зубные врачи и провизоры. Поэтому супругов Мирошиных приглашают работать в Орск и гарантируют в течение года предоставить отдельную благоустроенную квартиру. А пока предоставляется общежитие.

Володя и Тамара, проживая у родителей в Чкаловской области, понятия не имели ни о городе Орске, ни об области.

– Вот, почитайте – сказал Петр Васильевич – и протянул Володе «Правду». Здесь про нашу область хорошо сказано.

Володя взял газету, стал читать вслух: – Труженики Чкаловской области, крупнейшего сельскохозяйственного района страны, выполняя решения XX съезда партии, уже в первом году шестой пятилетки значительно увеличили производство зерна и продуктов животноводства. За счет освоения полутора миллионов гектаров целинных и залежных земель область намного расширила посевы зерновых культур. Минувшей весной колхозы, МТС и совхозы дружно и организованно провели сев. Настойчивая борьба колхозников, рабочих МТС и совхозов за лучшую обработку почвы, за своевременное проведение полевых работ позволила колхозам и совхозам области вырастить неплохой урожай. Особенно хорошие хлеба уродились на целинных землях...

– Нет, отец, это про деревню, а мы едем в город. Деревня нас не касается.

– Неправ ты, Володя, ой как неправ! – ответил Петр Васильевич. – Деревня – кормилица, не будет порядка на селе, и города развиваться не смогут. Одно дело – сталинская индустриализация. Тогда выхода не было: заводы строили за счет деревни. Сельский житель тогда сильно пострадал: репрессии против кулаков, середняков, да и бедняков. Массовый голод, целыми деревнями вымирали. Но промышленность успели подготовить к войне. Если бы не железная сталинская воля, не было бы сейчас ни России, ни нас с вами, ничего бы не было. Но теперь не война. Село надо поддерживать, ему надо помогать. И вы, молодое поколение, должны это понимать.

Володя еще долго читал статью в «Правде», а отец прерывал его своими комментариями и воспоминаниями о годах своей работы в Пензенской и других областях на партийной и советской работе.

Через два дня Володя с Тамарой оставили детей на попечение Петра Васильевича и Екатерины Михайловны, и уехали в Орск.

У Бори в Бузулуке появился друг, Славка Бурсиков. Вместе они катались на санях, которые тянули гусеничные трактора. На этих санях, сделанных из бревен, перевозили различные материалы из города в села и обратно. Ездили они медленно, и ребята заскакивали на них, и ехали довольно далеко за город, а потом возвращались пешком. Еще они цеплялись за сани с лошадьё, если не видел кучер, и могли проехать какое-то расстояние по городу. А иногда кучер мог и огреть кнутом.

Рядом с городом протекала речка Самарка. Купаться в ней было опасно из-за бурного течения, водоворотов, омутов и крутых берегов. Славка жил с родителями на берегу реки в здании городской водоканализации, где работал его отец. Он разрешал ребятам заходить в машинный зал, где можно было видеть, как работают насосы, как крутятся разные колеса.

А еще в городе был дом-музей, где в годы гражданской войны находился штаб комдива Василия Ивановича Чапаева.

Урок четырнадцатый: «Почтовый ящик №11». Своя квартира. Пионерский лагерь. Пятый- «д» класс. Стиляги. А у нас во дворе. Куба – любовь моя

В коллективе персонала медсанчасти завода «Почтовый ящик №11» (впоследствии – Орский механический завод) Володю назначили политинформатором. Нужно было регулярно выступать перед сослуживцами с лекциями и обзорами печати по международным вопросам. Вот и в этот раз Владимир Петрович говорил, что по сообщениям американской печати, в официальных кругах США в это время рассматривался вопрос о создании и размещении на территориях других государств американских воинских частей специального назначения, вооруженных атомным оружием.¹³ Возможными районами для размещения таких частей называли Западную Европу, Турцию, Иран, Японию и остров Окинава. В печати отмечалось, что о создании подобного рода воинских частей говорилось и в послании президента Эйзенхауэра конгрессу о бюджете США, в котором подчеркивалось, что американское правительство придавало этому вопросу большое значение.

– Таким образом, – говорил Володя – речь идет о намерениях правительства США использовать территории иностранных государств, на которых имелись американские военные базы, для подготовки к атомной войне. Причем американское правительство уже считало возможным не скрывать этих своих намерений. Правительство США пыталось ввести в заблуждение общественные круги США и других стран, изображая этот свой шаг как мероприятие «против возможной агрессии».

Кто-то задал вопрос: что означает этот новый агрессивный шаг правительства США? – Несомненно, – отвечал Владимир Петрович – что этот шаг американского правительства усиливал угрозу возникновения атомной войны. Нельзя не видеть также, что этот шаг имеет целью отвести от США главный ответный удар в случае развязывания реакционными кругами США атомной войны и поставить, таким образом, под угрозу ответного атомного удара в первую очередь народы Англии, Франции, Западной Германии, Италии, Турции, Ирана, Японии и других стран, на территории которых имелось в виду разместить специальные американские атомные отряды.

– Ой, Владимир Петрович, откуда вы все это знаете? – спросила медсестра Клава.

– Я служил на полигоне за Полярным Кругом. Оттуда и знаю. В связи с указанными сообщениями американской печати – продолжал Володя – в руководящих кругах Советского Союза выражается уверенность, что народы тех стран, которые Соединенные Штаты втягивают в свои планы по подготовке атомной войны, отдадут себе отчет в том, что осуществление этих агрессивных планов США чревато самыми серьезными последствиями, и решительно выступят против этих агрессивных планов.

Само собой разумеется, что ответственность за последствия, к которым может привести осуществление этих планов, будут нести не только правительство США, но и те правительства, которые дадут согласие на использование территории своих государств в качестве плацдарма для подготовки к атомной войне – закончил Володя.

Как и обещали в облздравотделе, через год Владимир Петрович, как его теперь уважительно называли сослуживцы, получил ордер на двухкомнатную квартиру в новой доме. Детей привезли летом, и Борю сразу отправили в пионерский лагерь завода «Почтовый ящик №11», на все три летних потока, т.е. на три месяца.

---

¹³ См.: Правда. <http://olden.rsl.ru/ru/networkresources>

Дом, в котором Мирошины получили квартиру, находился на улице Медногорской. Впоследствии этот район застроился, а в то время одиноко стояли два дома, вокруг пустырь, с одной стороны вдалеке частные дома казахов, с другой стороны – стройка, котлованы под жилые дома, с третьей стороны пустырь и металлоконструкции строящихся корпусов швейной фабрики, с четвертой стороны – будущий проспект им. Ленина со строительством домов и прокладкой основания под трамвайные пути. Весной и осенью кругом была непролазная грязь.

Но Володя и Тамара были счастливы, что теперь у них была своя крыша над головой, отдельная благоустроенная квартира. Особенно счастлив был Володя – натерпелся. Благоустройство квартиры соответствовало своему времени: еду готовили на керогазе и на электроплитке, продукты в холодное время года хранили за форточкой в сетке (холодильников не было), чем охотно пользовались воры, срезая сетки опасной бритвой, привязанной к длинной палке. Воду нагревали в титане, который подогревался углем или дровами. Младшего, Юру, устроили в детский сад.

Пионерский лагерь был для Бори абсолютно новым и неизвестным мероприятием. До этого времени он воспитывался исключительно в семье. В деревне Башмаково Борю пытались отдать в детский сад, но он оттуда убежал – не любил спать днем, в конце – концов, его забрали домой. А тут вдруг три месяца без родителей, среди незнакомых ребят. Место расположения лагеря было по-своему экзотическое. Оно называлось «Ущелье». Действительно, это была ложбина между нагромождениями скал отрогов уральских гор. Деревья и кустарники низкорослые, кряжистые, по склонам холмов убогая растительность, которая выгорала к середине лета, и оставался только седой ковыль. Если взять кусок фанеры, то по склонам холмов можно было скатиться по ковылю как зимой на санках.

На территории лагеря было несколько спальных корпусов, площадка для проведения так называемых «линеек», т.е. построения отрядов и проведения различных ритуальных пионерских мероприятий, спортивный городок. Невдалеке была местная достопримечательность – «чёртов палец», так называлась скалистая глыба стоящая вертикально, высотой метров 5—6.

Кормили в лагере хорошо. После обеда полагался «тихий час», нужно было спать. Но ребята баловались, кидались подушками, мазали спящих детей зубной пастой и совершали подобные шалости. Между прочим, у Бори там украли ботинки, и он вынужден был ходить босиком.

В лагере устраивались разные интересные игры. Например, когда весь коллектив лагеря делился на два отряда, и каждый отряд должен раньше другого пробраться к заранее сложенному кострищу. По пути успешно пройти различные преграды, «обезоружить» часовых, и зажечь костер. У каждого участника была всего одна спичка и кусочек от спичечного коробка. Игра проводилась вечером, когда уже темнело. Вот в такой темноте, да ещё босиком, Боря и проткнул себе ступню. Когда за ним приехали родители, они увидели перед собой своего ребенка без ботинок и с перевязанной ногой.

Родители смогли записать Борю в пятый класс школы №1, самый последний из всех пятых, куда ещё продолжался набор, остальные все уже были укомплектованы. Как оказалось, это был класс 5-й «д», в который собрали всех второгодников, хулиганов, прогульщиков и двоечников. В этом коллективе Боря учился с пятого по восьмой классы, и испытал на себе, что значит дурное влияние среды. Он стал делать то же, что и все: убегать с уроков, дерзить учителям, плохо учиться.

Рядом с домом был большой пустырь, где ребята играли в футбол. Боря был вратарем. Дальше была стройка: строили швейную фабрику. Рядом с котлованом стройки мальчишки рыли землянки, в которых тайком курили. В пятом или шестом классе и Боря впервые попробовал курить. Самыми ходовыми были папиросы «Север», сигареты «Памир» и «Ментоловые». Первый опыт курения был печальным – Борю рвало, кружилась голова. Хорошо хоть, что родители ничего не заметили. Не заметили потому, что к тому времени, когда они верну-

лись с работы, Боря более – менее пришел в себя. Медикам в те годы платили мало, и чтобы заработать, Володя и Тамара вынуждены были работать на полторы ставки, домой приходили поздно. Поэтому в обязанности Бори входило приводить брата Юру из детского сада, кормить и устраивать с ним разные игры и занятия.

Родительский контроль за досугом Бори и за учебой в силу их занятости был ослаблен, во многом сын был предоставлен самому себе. После школы ребята собирались во дворе дома, занимались всякими незатейливыми делами. Была распространена игра в «лямку». «Лямку» делали из кусочка меха, прикрепленного к маленькому кусочку свинца, получалось что-то вроде современного «волана» для игры в бадминтон. Задача заключалась в том, чтобы все время подбрасывать «лямку» в воздух, ударяя ее внутренней стороной стопы ноги. Один из ребят «отбивал» таким образом «лямку», а вся компания считала, сколько раз он её отобьет, не уронив на землю. Побеждал тот, кто «отбивал» больше других.

Бориными одноклассниками были ребята из соседних домов: Сашка «американец» (никто не знал, почему его так прозвали), Шуя, Валерка, Мишка, Колька.

Дом был построен из шлакоблоков, которые делали из отходов производства комбината «Южуралникель», т.е. из металлической пыли от руды, которую вместе с водой сливали по огромным трубам в большой котлован за чертой города. Какой-то рационализатор предложил делать из этого материала шлакоблоки и строить из них дома. Как потом, много лет спустя, выяснилось, в этом шлаке содержалась чуть ли не вся таблица Менделеева. Как это отражалось на здоровье людей, одному Богу известно.

В классе у Бори был приятель – Сашка Костенецкий. Он вовлек Бориса в школьную баскетбольную секцию. Команда участвовала в соревнованиях, и даже ездила в Оренбург на какое-то первенство. Это были годы, когда стали появляться молодые люди, которые пытались одеваться не как все – одежда у них была на западный манер, они подражали всему иностранному. В основном это были ребята, как можно было понять, из обеспеченных семей, и не рабочих специальностей. Их называли «стилягами». Многие молодые парни и девушки хотели им подражать. К вечеру такая молодежь обычно собиралась на проспекте Ленина в определенных местах, «тусовалась», демонстрировала свои наряды, знакомилась. Одно время Боря тоже туда ходил.

Тогда у ребят в моде были прически под названием «канадка» и «ёжик». У Бори был «ёжик». Для этого приходилось мазать волосы специальной мазью, кажется, она называлась «бриалин», и зачесывать так, чтобы они стояли на голове торчком. Брат Володи Володар к этому времени, после окончания института был работником Внешторга, бывал за границей, и как-то привез Боре в подарок модные брюки, ковбойскую шляпу и шнурок на шею. Шнурок надевался поверх рубашки и затягивался под воротником специальной пряжкой из металла или пластмассы с каким-нибудь узором. Считалось, что это было ужасно модно.

Официальная пропаганда «стиляг» клеймила позором, в прессе печатались о них фельетоны, их высмеивали в кинороликах и киножурналах. В доме напротив, поселилась одна семья по фамилии Кава. Глава семейства был директором магазина. Из окна можно было наблюдать, как у них в квартире собиралась «золотая» молодежь. У их отца было два сына-студента, к ним в гости приходили такие же «золотые» юноши и девушки. Танцевали. Из открытых окон слышались магнитофонные записи зарубежных мелодий. Магнитофоны были тогда большой редкостью. Они были огромных размеров, магнитная лента была на больших «боби-нах» (катушках). Кроме того, большое распространение стали получать так называемые пластинки «на костях». Это были самодельные подпольного производства гибкие пластинки, записанные кустарным способом на использованных рентгеновских снимках (отсюда название). Как правило, это были иностранные мелодии с контрабандных пластинок, а также наши отечественные произведения в исполнении запрещенных певцов, или блатные песни.

А потом отца Каву арестовали за пересортицу, хищение, растрату в магазине, расположенном в доме, где жил Борис, и «золотая» жизнь его сыновей стала не так заметна.

Владимир Петрович и Тамара взяли детей и поехали в отпуск. Хотелось повидать матерей, а Володе еще и братьев. Приехали к маме Володи Екатерине Михайловне, которая после смерти мужа Петра Васильевича, проживала в Москве у младшего сына Володара, специально приехавшего в отпуск из Австрии. Они жили в двухкомнатной квартире в обычном доме. А его вторая жена Ольга уехала к своей матери в Ленинград.

Володар, конечно, выглядел как настоящий иностранный дипломат. Это чувствовалось во всем: и в манерах, и в умении разговаривать, и в одежде, и в зарубежных пластинках с хорошей музыкой, и в ароматном табаке золотистого цвета в красивой коробке, и наборе курительных трубок... Он привез какие-то мелкие сувениры для Володиной семьи. Борису достались брюки, ковбойская шляпа и шнурок на шею. Всем понравились коробочки с набором самых разнообразных конфет, одна не похожа на другие, и все в разных красивых обертках.

На другой день поехали к старшему брату Володи Шурке, как он его называл. Александр Петрович в эти выходные был дома, и обещал покатать всех на новенькой «Волге» с оленем на капоте и сверкавшей никелированными деталями. Водитель из Шурки был никудышный, сказывалось отсутствие навыка, поэтому несколько раз на московских улицах чуть было не попали в аварию. Гаишники вежливо укоряли товарища полковника за нарушение правил дорожного движения и просили быть повнимательнее. Сидевшая рядом его жена Ольга то и дело восклицала: – Саша! Справа машина! Саша! Осторожно! И все в том же духе. Кое-как выбрались за город и остановились на природе перекусить. Детям было любопытно смотреть в никелированные детали машины, видеть там свое искаженное изображение, тыкать в него пальцами и смеяться. – Не трогайте, испачкаете – то и дело делал им замечания дядя Саша, и принимался тряпочкой протирать и без того сверкающие детали.

Женщины отошли в сторону, и говорили о чем-то, о своем.

– Знаешь, Володька, – сказал Александр – после партвзыскания нервы стали не к черту.

– А что случилось? Ты не писал.

– О таком не пишут. Когда в стране стали создавать ракетные воинские части, меня вызвали к руководству и в приказном порядке предложили возглавить ракетную дивизию в Сибири, давали звание генерала. Ольга, ни в какую, вплоть до развода: в Сибирь не поеду. Ну, я и отказался.

– Вот это да!

– Наказали по партийной линии, перевели с понижением на должность простого преподавателя академии.

Брат Володи Александр Петрович Мирошин скончался от инфаркта в возрасте 45 лет. Его жена Ольга стала наследнице трехкомнатной кооперативной квартиры, построенной на средства мужа, автомашины, гаража, коллекции дорогих фотоаппаратов и охотничьих ружей. Умерла через двадцать лет в психушке. Их сына Сашу – Александра Александровича – опекал Володар, к тому времени уволенный из Министерства внешней торговли за участие в спекуляции иностранными шмотками, и работавший преподавателем в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы в Москве, и куда он помог поступить младшему Шурику.

Работая в торгпредстве СССР в Австрии, Володар закупал и высылал посылками в Москву своей матери женские платки и косынки, которые она сдавала в комиссионные магазины. Оперативные службы быстро вышли на след бабули, возбудили дело. На уголовную статью оно, видимо, не потянуло, но Володара уволили с дипломатической службы. Вот так, глупость молодого перспективного работника стоила ему карьеры.

Из Москвы семья Владимира Петровича отправилась в Пятигорск к маме Тамары – Екатерине Ивановне Шатовой, довольно своенравной особе, давно невзлюбившей Володю, и искавшей, по поводу и без повода, с ним ссоры. Пятигорск остался сугубо курортным горо-

дом, где в центральной его части на бульварах преобладали «праздношатающиеся» отдыхающие, а остальные его части состояли почти в основном из частного сектора, где люди копошились на своих приусадебных участках. Было скучно, и семья уехала раньше времени.

В последующие годы Екатерина Ивановна продала дом, и ютилась в летней кухне во дворе. Никто не мог понять, зачем она это сделала. Когда появились проблемы со здоровьем, продала и кухню, и переехала в Новосибирск, к своей старшей дочери Гале, но не ужилась и там. Кончилось тем, что последние годы, а прожила она 91 год, она жила в Орске у Тамары с Володей. И опять конфликты, так что Борис на некоторое время даже забирал ее в свою квартиру.

Вернулись из отпуска, жизнь вошла в свою колею. На очередной политинформации Владимир Петрович говорил о том, что правительство Федеративной Республики Германии предложило боннскому парламенту отменить принятое Союзническим контрольным советом решение о роспуске гитлеровской национал-социалистской партии и всех ее организаций.¹⁴ Нижняя палата – бундесрат – уже одобрила правительственный законопроект. Теперь этот законопроект был представлен на утверждение бундестага, где правительство располагало большинством голосов.

Отмена запрещения нацистской партии – далеко не формальный юридический акт – говорил Владимир Петрович – как это пыталась изобразить боннская пропаганда. Он мог бы быть таковым, если бы в Западной Германии не существовало опасности возрождения фашизма с его реваншистской, человеконенавистнической идеологией. Но такая опасность существовала. Более того, – закончил Владимир Петрович – по мере милитаризации страны и наступления на демократические права народа эта опасность обострялась с каждым годом.

Люди слушали с интересом, задавали вопросы. Его обстоятельные ответы нравились сослуживцам.

В те годы, в конце 50-х, начале 60-х, в Орск на стройки народного хозяйства прибывало по так называемому «оргнабору» большое количество ранее судимых, а также тех, кому срок заключения был заменен на работу на стройках, в том числе на стройках химической промышленности, тогда это называлось – «послали на химию». Все эти годы в город прибывали из лагерей и тюрем больные туберкулезом, как правило, в открытой форме. Дело в том, что для больных туберкулезом орский климат был очень благоприятен тем, что воздух всегда очень сухой, а солнечных дней в Орске по статистике больше чем в Крыму. Поэтому больных зеков отправляли сюда на долечивание. Многие выздоравливали, да так в Орске и оставались жить, заводили семьи. По другой статистике, в Орске проживало 15 процентов ранее судимых. Эти люди несли в народ свою лагерную культуру, что не могло не сказываться на общей культуре, повадках и традициях всего населения. Например, часто можно было видеть молодых людей, которые сидели на корточках в кружок, курили и сплёвывали себе под ноги. Они сидели на корточках даже тогда, когда рядом была пустая скамейка. В этом был для них особый шарм. Дело в том, что на корточках сидят зеки во время этапа на отдыхе. Конвоиры стоят, а зеки сидят. Если кто-то из них встанет, сразу видно, значит, побег, а это расстрел на месте. Поэтому молодежь, таким образом, демонстрировала другим свою причастность к определенному «сословию», что можно охарактеризовать словом «крутой пацан».

В доме, где поселились Мирошины, жил один парень, который влиял на ребят двора. Именно он научил пацанов играть в «лямку», как можно было понять, это было одним из развлечений на «зоне». Он имел плетку, сплетенную из тонких проводов в разноцветных пластиковых изоляционных материалах. Плести такую плетку было своеобразным искусством, которым также обучались на «зоне». В моде были также самодельные кастеты из свинца или толстого пластика. Все эти атрибуты «крутизны» имели и охотно демонстрировали ребятам

---

¹⁴ См.: Правда. <http://olden.rsl.ru/ru/networkresources>

«крутые пацаны». А они, желторотые юнцы, все это впитывали. Для многих из них, в том числе и для Бориса, это могло закончиться плохо.

Когда Боря со школьной баскетбольной командой ездил на соревнования в Оренбург, он купил себе там пачку сигар, что считалось особым шиком, и стало модным после кубинской революции. Делегация кубинской молодежи приехала и в Орск. В Бориной школе была устроена встреча с ними. Зал долго рукоплескал представителям героического народа Острова Свободы, как тогда называли Кубу.

А потом, в 1962 году, разразился так называемый Карибский кризис, чуть было не приведший к новой мировой войне. В ответ на агрессию США против Кубы, и организации против нее экономической блокады, по указанию Хрущева на острове разместили советские ракеты. После взаимных угроз США и СССР смогли пойти на компромисс и преодолеть кризис. Симпатии всего Советского народа были на стороне кубинцев. По радио звучали кубинские песни, по телевидению и в газетах были репортажи о происках американцев.

Глава VII. Борис

Урок пятнадцатый: Техникум. Травма позвоночника. Закат Хрущева. Трагедия Владимира Петровича

Борис окончил восьмой класс. После учебного года три восьмых класса в сопровождении учителей на автобусах отправились в поход по родному краю. Ребят отвезли от города километров на пятьдесят, выгрузили, и они, почти сотня школьников, устроились на ночлег в каких-то не то сараях, не то пустых коровниках. Когда стемнело, то оказалось, что электрического света нет. Стали укладываться спать.

А когда еще только собирались в поход, группа шустрых ребят сговорилась обязательно взять с собой кастеты, сигары и вино. Вина у Бори не было, но кастет и сигары он взял. Несколько недель он выпиливал и обтачивал из толстого пластика кастет. Заготовку, чтобы не нашли родители, он прятал в тайнике, который специально выдолбил в стене под ковром.

Дальше случилось следующее. Некоторые ребята выпили вина и стали поедать общественные продукты: сливочное масло, хлеб, копченую колбасу. Наевшись до отвала, они стали кидаться огрызками хлеба и колбасы, а также грязной обувью, стоявшей у порога. Вакханалия продолжалась какое-то время, пока не вмешались учителя, которые ночевали в другом сарае.

Утром был разбор ЧП. Всех школьников построили на улице вместе с их вещами, и стали высыпать содержимое сумок и рюкзаков на землю. Вот тут-то и посыпались кастеты, сигары-сигареты и т. д. У Бори обнаружили кастет и сигары. Кроме того, по мнению учителей, он имел вызывающий внешний вид: на нем были ковбойские брюки и шляпа, а на шее шнурок с пряжкой, всё иностранное. Ни дать, ни взять – стилига.

Все Борины объяснения о том, что он не принимал участия в ночном инциденте, ни к чему не привели, и его зачислили в группу злостных хулиганов, зачинщиков и участников ночного безобразия, тем более что к нему были претензии учителей по его плохому поведению и в процессе учебного года. Человек, примерно, десять, в том числе и Борю, отчислили из отряда, и в сопровождении учителя физкультуры на грузовике отправили в город. Там их высадили возле школы и отправили за родителями, а рюкзаки оставили в кабинете директора школы. В школу с Борисом пошел отец. Там Владимиру Петровичу в присутствии Бори директор сказал, что его сын позорит школу, поэтому, не дожидаясь, когда Бориса отчислят из школы, забирайте документы и уходите из школы.

Дома Борю ждал разгром. Мама плакала, отец ругался, и даже врезал ему оплеуху. Смысл всех разборок сводился к тому, что теперь Борю ни в одну школу не возьмут, и дорога у него теперь одна – в профессионально-техническое училище. Борис сам не понял, какой черт его толкнул в бок, но он на очередной вопрос родителей о том, что же он теперь собирается делать, сказал, что будет поступать в техникум. Почему Боря это сказал, он и потом не мог понять. Но, как не странно, это произвело на родителей магическое действие. Они тут же успокоились, и сказали: – Хорошо! Поступай!

На следующий день отец повел Бориса в парикмахерскую, где ему состригли его ёжик, оставив маленький чубчик. Боря глядел на себя в зеркало, и по щекам у него текли слезы. Далее, у него забрали всю его стилижную одежду, и выдали что-то вроде рабочей одежды, в которой, по его понятиям, дальше двора пойти было нельзя, ребята засмеют. Все лето Борис сидел под замком в квартире, занимался подготовкой к экзаменам, во двор его выпускали родители, когда приходили с работы.

В Советском Союзе началось освоение космоса. Космическая ракета облетела Луну. Был построен атомный ледокол «Ленин». Быстрыми темпами развивалась промышленность. Весь мир восхищался достижениями советских людей. В серии статей, опубликованных выходящей в Миннеаполисе газетой «Трибюн», Виктор Кон на основании бесед со многими американ-

скими учеными пытался объяснить поразительные темпы развития советской науки и отставание США.¹⁵ Автор указывал, что правительство США увеличивало в будущем финансовом году на 6,5 процента ассигнования на научные исследования, тогда как, согласно «подсчетам, произведенным авторитетными кругами в Вашингтоне», Советский Союз увеличивал свои ассигнования на научные исследования на 11 – 16 процентов в год.

Кон заявил, что два года назад американцев предупреждали о том, что Советский Союз расходовал на образование 8 процентов своего национального дохода, тогда как Соединенные Штаты расходовали на это всего 4 процента своего национального дохода; а теперь Соединенные Штаты расходовали на образование 5 процентов национального дохода, тогда как в Советском Союзе эта статья расходов составляла 10—15 процентов национального дохода.

«Мы увеличивали наши научно-технические кадры на 3—4 процента в год, – заявлял Кон. – Россия же увеличивала свои научные кадры на 6—7 процентов в год». По признанию автора, в течение истекшего года становилось все более очевидным, что Советский Союз двигался вперед во многих областях науки, «а не только в исследовании космического пространства». Автор приводил выдержки из различных докладов американских ученых и других специалистов относительно достижений Советского Союза в области электроники, физики твердых тел, практического применения квантовой теории, астрофизики и т. д.

– Да – говорил Владимир Петрович жене – читая эти строки в газете – что же выйдет из нашего сына?

– Позор, позор – соглашалась Тамара Ивановна.

Осенью Борис сдал вступительные экзамены и был зачислен в группу 48ММ «металлургическое машиностроение» Орского машиностроительного техникума. Учеба в техникуме явилась поворотным пунктом в жизни Бориса. Там были совсем не такие отношения, как в школе. К учащимся преподаватели относились как к студентам. Помимо общеобразовательных предметов за среднюю школу, им давали довольно глубокие знания по производственным дисциплинам, таким как, например, металлургическое производство, прокатное производство и другие, которые преподавали так называемые производственники-почасовики, т.е. ведущие и главные специалисты с заводов, в ранге заместителя главного инженера, начальника технологического или конструкторского отдела и т. п. На очень профессиональном уровне преподавали сопромат (сопротивление материалов), начертательную геометрию, черчение и т. д. Учиться Борису было трудно, но очень интересно.

Очень большое значение для Бориса имел коллектив учебной группы. После школы, где ему приходилось общаться с второгодниками, двоечниками и прогульщиками, в техникуме он оказался в коллективе умных, всесторонне развитых ребят. В его группе была очень развита взаимопомощь. На первых порах Борису было очень трудно, сказывались пробелы по школьным предметам. Неоценимую помощь ему оказали его новые друзья. Как-то так получилось само собой, что четыре парня и три девушки стали единомышленниками, им было интересно вместе и в учебе и в творчестве. Они активно участвовали в художественной самодеятельности, выпускали рукописный журнал «Современник», слушали замечательные песни советских композиторов и сами их пели, занимались в спортивных секциях и технических кружках. Одним словом, Борис попал в совсем другой мир, который перевернул его жизнь.

Сначала образовалась компания ребят в составе: Гена Беляев, Семен Дубинский, Шамиль Халиуллин и Борис. Они вместе готовились к занятиям, гуляли, ходили друг к другу в гости. Как-то они остались после занятий в техникуме и разбирались в каких-то премудростях знаний, и там же остались три девочки: Жанна Чижова, Лида Наумова и Дифа Козак. Постепенно ребята и девчата всё чаще и чаще стали заниматься все вместе, помогали друг другу в учебе, пели песни, мечтали, готовили номера художественной самодеятельности.

---

¹⁵ См.: Правда. <http://olden.rsl.ru/ru/networkresources>

Шамиль еще до поступления в техникум серьезно занимался радиотехникой и радиоспортом, участвовал в международных соревнованиях. Увлекался фотографией, хотя фотоаппарат-то у него тогда был «Смена», самый простенький. Шамиль сагитировал мальчишек, записаться в радиокружок. Какое-то время Борис даже ходил на занятия, где их обучали работе на «ключе», передавая и принимая тексты при помощи морзянки (азбуки Морзе). Но очень скоро он понял, что это занятие не для него, и ушел из кружка. Борису хотелось чего-то другого, и он записался в планерный кружок городского аэроклуба. И даже ходил туда несколько недель. Курсантам в течение зимы преподавали устройство планера, теорию взлета, полета и посадки. А Борис думал, что это не будет так долго, что немного теории, и – летать! Ушел и оттуда.

В конце первого курса была спартакиада учебных заведений. Борис участия не принимал, и сидел вместе со своими товарищами на трибуне в качестве зрителя. Вдруг к нему подбегает организатор спартакиады от машиностроительного техникума, говорит, что не пришел какой-то парень, который должен был метать копье и, чтобы команде не записали «баранку», т.е. не поставили ноль, уговаривал Бориса выступить вместо того парня. Времени на раздумья уже не было, т.к. по радио уже объявили соревнование метателей копья. Борису пришлось срочно переодеться и выйти на поле. Раньше он никогда копье даже в руках не держал. Но Борис не мог позволить себе выступить плохо еще и потому, что не хотел опозориться перед девчонками на трибунах. Он вспомнил киножурнал «Новости дня», который начинался всегда кадрами новостроек, уборочной страды и, в том числе, кадрами спортсмена-метателя копья. Поэтому он как в киножурнале без разминки разбежался и, что было сил, метнул.

В результате у Бориса в позвоночнике что-то хрустнуло, его пронзила острая боль, и он упал. Но это было только начало. Самое страшное началось потом. Это называется травматический радикулит. Борис не мог двигаться, нагибаться, поворачиваться. И его уложили в больницу. Чего только врачи с ним не делали: и новокаиновую блокаду, по десятку страшно больных уколов вдоль позвоночника с обеих сторон, и облучение кварцевой лампой, и гальванотерапия, – ничего не помогало. Борис оставался в больнице.

А за окном бушевала весна, ребята гуляли, а он лежал на больничной койке. Настроение было препакостное настолько, что друзья принесли Борису книгу про советского летчика Алексея Маресьева, самолет которого был сбит, ноги летчика были прострелены и идти он не мог, поэтому он несколько суток полз по снегу в сильный мороз, обморозил ноги, которые ему ампутировали, когда он добрался до наших. Он преодолел себя, и стал летать на протезах вместо ног, продемонстрировав силу духа. Друзья решили таким образом поддержать Бориса.

Кроме того, весь мир с восхищением говорил о героическом подвиге советских юношей Асхата Зиганшина, Филиппа Поплавского, Анатолия Крючковского и Ивана Федотова.¹⁶ Попавшие в беду, отторгнутые разбушевавшейся стихией от берегов родной земли, потерявшие всякую связь с миром, они 49 дней на небольшом суденышке носились по безбрежным просторам океана, в упорной борьбе преодолевая слепые силы природы. Из этой беспримерной борьбы юные советские герои вышли победителями, и ничто не смогло поколебать их духа, сломить их воли.

Примечательны были высказывания рядовых американцев. Морьяк Джордж Келли говорил: «Я поражен, я не нахожу слов, чтобы выразить свое восхищение их геройством». «Русские, – заявлял рабочий по ремонту дорог Питер Фокс, – какие-то необыкновенные люди, на мой взгляд. Я знаю их еще по прошлой войне, когда мы вместе сражались в Европе. Помните их Сталинград? Помните, как они ломали спину Гитлеру? Это же чудеса! И сегодня эти чудеса, как видите, они продолжают. Я уверен, что эти мальчишки так же вели бы себя и в бою. Русские, они, наверное, все такие!».

---

¹⁶ См.: Правда. <http://olden.rsl.ru/ru/networkresources>

А я бы смог вот так же, как они? – думал Борис. Его выписали из больницы так и не долевив. Спина продолжала болеть. Летние каникулы продолжались. Родители отправили его в Пятигорск к бабушке Екатерине Ивановне, матери Тамары, полагая, что климат и перемена обстановки благотворно подействуют на сына. Они не ошиблись. Бабушка встретила внука приветливо. Устроила ему замечательную экскурсию на Домбайскую поляну, с ее экзотическими горами и лугами, целебными источниками и горным воздухом. По вечерам Борис выходил в город, любовался видами горы Машук, и даже поднимался на ее вершину по многочисленным тропинкам, и видел, как на склонах горы, ниже того места где останавливался Борис, лежали облака.

Несколько раз он ездил купаться на искусственное озеро на окраине города, и познакомился там с юной стройной и очень красивой девушкой Таней. У нее были аккуратно подстриженные коричневые волосы, карие глаза, опущенные темными длинными ресницами. Каждый вечер они гуляли в городском сквере «Цветник», и всякий раз, находясь рядом с Таней, Борис испытывал незнакомое прежде чувство какой-то необыкновенной радости и счастья. Когда их глаза встречались, Борис понимал, видел, что и Таня испытывает такие же чувства. Но наступил последний вечер, завтра Борис уезжал. Оба понимали неминуемость расставания. Они тихо и печально сидели в городском парке на скамейке, уже стемнело, горели фонари, жужжали какие-то насекомые, все было как в сказке, кружилась голова. Как-то произвольно их губы слились в сладком поцелуе. Такого нежного и восторженного состояния Борис не испытывает больше никогда. Потому что это было впервые.

Борис вернулся в Орск. Ребята из группы 48 ММ в техникуме не только хорошо осваивали специальность, но и принимали активное участие в общественно-политической жизни. Все они были комсомольцами, имели активную жизненную позицию. И, в этом смысле, с интересом участвовали в художественной самодеятельности. При этом преподаватели им не мешали заниматься творчеством. Здесь большая заслуга директора техникума Рихтера. Ребята сами выбирали репертуар тех песен, которые будут петь на смотре, сами выбирали маленькие пьесы, интермедии, в которых играли, сами оформляли сцену, рисовали гуашью на белых сшитых простынях задник сцены, на котором в романтическом стиле изображались плотины ГЭС, таежные сосны и, конечно же, космические корабли. Оставались в техникуме иногда допоздна. Мало того, что им эти занятия доставляли огромное удовольствие, так они еще и занимали призовые места в конкурсах, как в отдельных жанрах, так и в целом.

Самыми популярными были песни «Главное ребята сердцем не стареть», «ЛЭП-500», «Бирюсинка», «И на Марсе будут яблони цвести»... Ребята были романтиками и мечтателями. Самодеятельность не только не мешала, но и помогала ребятам учиться. Они продолжали вместе проводить все свободное время. Однако мальчишки решили, чтобы дружба у кого-нибудь из них не переросла в более сильное и светлое чувство к кому-то из девочек, поклясться в том, что в их «великолепной семерке» никакой любви быть не должно. И поклялись! Что тут скажешь – пацаны. А девочки выросли и превращались в девушек.

Перед началом учебы на втором курсе Бориса вместе с однокурсниками отправили на картошку в один из совхозов области. Там Вовка Куперштейн обращал на себя внимание своим спортивным видом, несмотря на свой небольшой рост. Когда приступили к учебе, Вовка, которого все звали «Купер», на переменах между занятиями, как бы ненароком, демонстрировал боксерскую стойку, осуществлял удары по невидимому противнику, что у боксеров называется «бой с тенью». Все знали, что Купер занимается в секции бокса, как Борис потом узнал, у знаменитого на весь город тренера Алексея Степановича Осипкина.

Борис смотрел на Купера и завидовал ему, понимая, что из-за своей травмы позвоночника он вынужден оставаться таким длинным и слабым. Но один раз Борис осмелился и спросил Купера, могут ли его принять в секцию бокса, и не мог ли бы Купер поговорить о нем

с тренером. Вовка обещал поговорить, и сказал, чтобы Борис пришел в спортзал в тот день и час, когда тренер будет проводить очередное занятие, и там он Бориса представит ему.

В назначенное время Борис пришел в спортзал, сел на скамейку и стал ждать, когда тренер обратит на него внимание. В спортзале разминались человек пятьдесят боксеров. Это были ребята разных весовых категорий, но все очень спортивные, настоящие гладиаторы. – Неужели и я смогу стать таким, – думал Борис. Затем боксеры разделились по двое и стали боксировать в парах. В спортзале ощущался пряный запах пота и кожи боксерских перчаток. Тренировка продолжалась около двух часов, и когда она закончилась, то все ушли из спортзала, в том числе Купер и тренер. Никто к Борису так и не подошел, а он так волновался, что сегодня решится его судьба. Как потом выяснилось, Купер просто забыл рассказать о Борисе тренеру.

На следующую тренировку Борис пришел опять, и уже тогда разговор с Алексеем Степановичем состоялся. Борис думал, что тренер будет задавать ему какие-то вопросы, заранее готовился, а тренер будничным тоном сказал, чтобы Борис пришел на следующую тренировку в спортивной форме. Борис был счастлив. Но рано радовался. Как уже много позже понял Борис, таких желающих к Осипкину обращалось очень много. Одни хотели научиться драться, и наводить «порядок» в своем микрорайоне или дворе. Другие думали, что без особого труда они, таким образом, завоюют себе авторитет в глазах местных ребят и девчат. Алексей Степанович никому не отказывал, но он был тонким психологом и настоящим педагогом. Такие ребята не проходили у него испытания на прочность, а любителей подраться он быстро ставил на место или отчислял из секции бокса. Дисциплина у него была железная.

Проверку на прочность он устроил и Борису. Не говоря лишних слов, он поставил его в строй вместе с настоящими боксерами. Борису пришлось провести с ними не только очень специфическую боксерскую разминку, но и надеть перчатки и встать в пару с опытным боксером. Бориса элементарно избили, так как он не мог ничего этому противопоставить. Нельзя передать словами, как Борис устал, как ему было больно и страшно, как он дома плакал от физического и морального бессилия.

Характерна здесь была реакция родителей. Мама отнеслась к затее Бориса очень серьезно и в последующем она всегда готовила его к соревнованиям, стирала и гладила спортивную форму, даже сшила ему атласные боксерские трусы, потому что это был дефицит, купить их было просто негде и, кроме того, боксерские трусы особенные: с высокой в несколько рядов резинкой, так что они почти закрывают солнечное сплетение. В этом есть свой смысл, так как удар, нанесенный соперником ниже уровня этой резинки, рефери на ринге расценивал как удар ниже пояса, а это каралось штрафными санкциями. Мать очень хотела, чтобы из ее сына получился настоящий мужчина: сильный и смелый. А отец, узнав, что Борис пошел в секцию бокса, сказал: – Физиономию набьют, и все твои занятия на этом закончатся!

Два дня до следующей тренировки Борис находился в состоянии сильного нервного напряжения, не зная, что ему делать, идти на тренировку или не идти. Все его мышцы с неприязнью ужасно болели, болело и лицо, побитое на тренировке. Было страшно, так как он понимал, что очередного такого истязания он не вынесет. Но больше всего убивало другое: отчаяние от мысли, что его удел – болезнь, слабость, неспособность постоять за себя в случае необходимости, и т. д. и т. п.

Борису стоило огромного душевного напряжения заставить себя пойти на следующую тренировку. Для укрепления силы духа он даже читал биографии выдающихся исторических личностей. На второй тренировке повторилось все то же самое. Опять он дома страдал, переживал. Одним словом, так продолжалось три раза. Расчет, видимо, был такой: если сломается и уйдет, – туда ему и дорога, если выдержит, – значит, у парня есть характер, есть воля, и тогда с ним имеет смысл серьезно работать. После третьего «побоища» Бориса стали учить боксу. По поручению тренера опытные боксеры показывали ему правильную боксерскую стойку, тех-

нику различных ударов и защиты, передвижения по рингу и многое другое из арсенала боксерских приемов.

Удивительно было другое, видимо, высокое нервное напряжение блокировало боль от травмы позвоночника, а регулярные тренировки способствовали укреплению мышечной массы, которая, в свою очередь, со временем, полностью восстановила работоспособность спины, и Борис забыл о том, что такое травматический радикулит. Оказалось, что у Бориса сформировалась неплохая техника боксирования, был поставлен хороший удар, и он стал участвовать в соревнованиях как городских, так и более высокого уровня, и даже становился чемпионом в своей весовой категории.

В печати был опубликован проект Программы КПСС, в соответствии с которой партия провозгласила, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме, который предполагалось построить к 1980 году.¹⁷ А осенью вдруг с прилавков магазинов исчезли продукты, за хлебом выстроились огромные очереди, на основные продукты питания были введены талоны. Люди, не скрываясь, рассказывали анекдоты про Хрущева. Это было накануне освобождения его от всех постов в 1964 году.

– Вы слышали новый анекдот? – спрашивал один человек в очереди. – Нет. Расскажите. – Слушайте. На митинге выступает Хрущев. – Одной ногой мы уже стоим в коммунизме, – сказал он.

– Ну и долго мы будем так стоять враскорячку? – спросил старый большевик.

Все в очереди смеются.

– А вот мне вчера рассказали, подхватывает другой: первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев посетил свиноферму. Фотокорреспонденты газеты «Правда» сделали снимки и на утро обсуждают, как же их подписать. Один предлагает: – Свины вокруг товарища Хрущева.

– Отклонено! Другой редактор: – Товарищ Хрущев среди свиней. – Ни в коем случае! Это же секретарь ЦК! Думали, думали... На утро вышла газета и подпись под фото: «Третий слева – товарищ Хрущев».

Общий хохот.

К закату своей политической карьеры Хрущев создал свой собственный культ, так старался превзойти славу Сталина. Хрущев обладал неумной энергией, которую не всегда направлял в нужное русло. К заслугам Хрущева можно отнести переселение людей из послевоенных землянок и бараков в отдельные благоустроенные квартиры, так называемые «хрущевки». Была создана целая отрасль индустриального домостроения с огромным количеством заводов сборного железобетона по всей стране, фабрик по производству мебели для малогабаритных квартир. После Хрущева в таких масштабах ничего подобного на новом современном уровне не удалось сделать ни одному лидеру страны.

К его заслугам можно отнести и освоение целинных и залежных земель, и решение, таким образом, дефицита зерна, и создание Организации Варшавского договора, и отмену платы за обучение, и развитие химической промышленности, и освоение космоса, и реформу средней и высшей школы, и введение двух выходных дней в неделю.

Вместе с тем, ему принадлежат такие, мягко говоря, спорные решения как передача Крыма Украине, создание Совнархозов, разделение обкомов партии на промышленные и сельские, обязательные поставки государству продуктов с личных подворий, денежный и натуральный налог на владельцев скота, назначение себя председателем правительства, ввод войск в Венгрию, Карибский кризис. Но, пожалуй, больше других инициатив Хрущева, выделяется его обещание за двадцать лет, к 1980 году построить в Советском Союзе коммунизм, что было

---

¹⁷ См.: Правда. <http://olden.rsl.ru/ru/networkresources>

записано в Программе КПСС, принятой на XXII Съезде партии. Все это, в конечном счете, привело к обвинению Хрущева его соратниками в волюнтаризме и отставке со всех постов.

Как черная туча на небо, на семью Бориса надвинулась беда. Арестовали отца. В городской газете был опубликован фельетон, в котором рассказывалось, что несколько стоматологов во главе с главным врачом городской стоматологической поликлиники, которым стал Владимир Петрович, помимо основной работы незаконно изготавливали коронки и зубные протезы, которые не отражались в официальном учете, т.е. – левый товар. Действительно, Владимир Петрович дома по вечерам изготавливал золотые и железные коронки для знакомых из давальческого материала. Но этого оказалось достаточно для трех лет колонии на подземных соляных рудниках в Соль-Илецком районе Оренбургской области.

Освободившись досрочно за примерное поведение, Владимир Петрович поначалу запил, но потом сумел превозмочь это состояние, и даже окончил заочно Московский мединститут. Он стал одним из ведущих стоматологов города, обладая новыми технологиями протезирования. В желающих протезироваться только у него, у Владимира Петровича не было отбоя.

– Это я еще не гинеколог – шутил он – тогда бы все женщины из торговли и общепита были бы рады попасть ко мне. В стране всеобщего дефицита процветал блат, когда купить ничего было нельзя, на прилавках не было, но можно было достать по знакомству. И действительно, Тамара Ивановна по магазинам не ходила, бесполезно. А Владимир Петрович через своих знакомых мог достать и мясо, и колбасу, и билеты в кино на популярный фильм. Но за его услуги и внимательное отношение с ним расплачивались бутылкой. Водка была универсальной валютой. В конце-концов, увлечение спиртным погубило Владимира Петровича. Он умер от цирроза печени, не дожив до пенсии один год. Тамара Ивановна пережила его на тридцать лет.

Урок шестнадцатый: Орско-Халиловский металлургический комбинат. Общага. Окончание учебы. Армия. Курс молодого бойца. Сержантская школа. Спортрота

Этот год заканчивался для Бориса и всех его друзей производственной практикой. Их распределили по разным предприятиям. Бориса направили на Орско-Халиловский металлургический комбинат в город Новотроицк. Его оформили в штат комбината и завели трудовую книжку.

Жил Борис в общежитии комбината, вдвоем в комнате с рабочим парнем, которого звали Сашка, очень общительным. Знаменит он был тем, что являлся участником художественной самодеятельности Дворца металлургов, занимался в танцевальном коллективе (народные танцы и пляски). От него Борис узнал много для себя полезного об отношениях в рабочей среде.

Металлургический комбинат занимал огромную территорию, пешком не обойдешь. На агломерационной фабрике (для краткости её называли аглофабрикой), куда направили Бориса, готовили шихту для выплавки стали, которая представляла собой в пыль перемолотую руду, соединенную с различными присадками (компонентами разных минералов) для получения стали с определенными заданными свойствами. Для автомобильной промышленности и, например, для обшивки кораблей, нужна сталь с разными свойствами.

Аглофабрика состояла из нескольких больших корпусов, соединенных между собой наклонными транспортерами длиной в несколько десятков метров и закрытых со всех сторон листами металла или шифера. В конце технологического процесса всё это смешивалось в виде шихты, спекалось в специальных печах, затем дробилось, и становилось агломератом. В таком виде агломерат поступал в мартеновские печи, где выплавлялась сталь.

На аглофабрике было вредное производство. Работать можно было только в респираторах. Но они плохо защищали, мельчайшая рудная пыль пролезала во все щели. После смены все лицо было черно-коричневого цвета, а в веки глаз она въедалась так, что казалось, будто был сделан макияж. Отмыться можно было только при помощи специального жидкого мыла, которое имелось в раздевалках.

В составе ремонтной бригады Борис занимался тем, что ремонтировал постоянно выходявшие из строя транспортеры. Отдельные компоненты для производства агломерата подавались по резиновой транспортерной ленте толщиной 10—15 миллиметров и шириной около метра. Эта пыль просыпалась с ленты на поддерживающие её ролики, выводила из строя подшипники, ролики переставали вращаться, лента останавливалась, все пространство засыпало металлической пылью.

Для замены роликов транспортера несколько человек из бригады ползком лезли к месту аварии (по-другому в этих коробах, где проходил транспортер, было не развернуться) разгребали завалы железной пыли, откапывали неисправные ролики и меняли их на новые. Затем ставили на место транспортерную ленту, и таким же путем ползли обратно. Работа была адски тяжелая. Рабочие задыхались в респираторах, и часто срывали их с себя, чтобы отдышаться. Сколько при этом они глотали пыли, трудно сказать.

Когда Бориса перевели на участок ремонта прокатных станов, он почувствовал разницу. Здесь были спецы высокого класса. Прокатный стан работал в три смены с перерывами на техническое обслуживание и плановые либо внеплановые ремонты. Работать приходилось на горячем оборудовании, оно не успевало остыть. Замене подлежали как крупные детали,

такие как валки клетки прокатного стана, средние – подающие или приёмные рольганги, редукторы и т.д., и мелкие – различные комплектующие. Труднее всего приходилось работать в прямках, т.е. под прокатным станом, где размещалось на глубине от 3-х до 5-ти метров различное оборудование. Оно было еще горячее, сверху его постоянно поливали холодной водой для охлаждения, образовывался горячий пар, в котором слесари и работали. Но хуже всего было тогда, когда случалась какая-то поломка, и нужно было быстро, в авральном порядке, произвести ремонт, на который бригаде выделялось 20—30 минут.

В общежитии у соседа Бориса по комнате, Сашки, было много друзей и приятелей. По каким-нибудь праздникам или просто в выходной день иногда устраивались застолья. В общежитии жил молодой татарин, который работал поваром в одной из многочисленных столовых на комбинате. Вот к таким-то застольям он приносил с работы мясо или субпродукты. И тогда общага гуляла.

В феврале 1966 года производственная практика закончилась. Оставались последние месяцы учебы, и защита дипломной работы. В декабре учеба окончилась, выпускники отделения «металлургическое машиностроение» получили дипломы техника-механика. Девушки, а также парни, которые не призывались в армию, получили распределение на предприятия, как в Орске, так и в других городах Урала. А Борис и основная часть его сокурсников должны были уже в январе 1967 года отправиться служить в Советскую Армию. После выпускного вечера в техникуме вся группа выпускников отмечала окончание учебы и встречу Нового года. Впереди была новая, неведомая жизнь – у кого-то работа, у кого-то армия. Оказалось, что многие выпускники из трех орских техникумов (машиностроительного, индустриального и нефтяного) попали в одну команду, которую отправили в Уральский военный округ в Свердловскую область, недалеко от города Нижний Тагил. В отличие от некоторых семей, при провах в армию Бориса никто не плакал, провожали его на вокзале отец и мать. Сказали какие-то напутственные слова, и он вместе с другими вошел в вагон. Настроение у него было хорошее, как будто он ехал в какое-то интересное путешествие.

Поезд с новобранцами прибыл в Свердловскую область. Курс молодого бойца Борис проходил вместе с группой орчан, окончивших техникумы. Стояла холодная зима, январь. Кормили новобранцев плохо, после маминых обедов всем им еды не хватало. Утро начиналось с физзарядки, которая независимо от температуры окружающей среды, всегда проходила на улице, и всегда в одних гимнастёрках, без бушлатов. День проходил в занятиях по изучению уставов армейской службы, строевой подготовке, физическим упражнениям, изучению автомата Калашникова. Вечером было около одного-полутора часов так называемого личного времени, когда можно было написать письмо домой, подшить подворотничок (это необходимо было делать ежедневно), привести в порядок форму одежды, в частности, надраить сапоги, и т. п. За грязный или небрежно подшитый подворотничок, плохо почищенные сапоги, можно было получить наряд вне очереди.

Наряд – это кроме воинских обязанностей, таких как караульная служба, всякая хозяйственная работа. В том числе: работа по уборке столовой, где нужно было с хозяйственным мылом драить полы, мыть грязную посуду после трех-четырех сотен солдат и огромные котлы для приготовления пищи, а также убирать туалеты, да не просто убирать, а драить двадцать-тридцать очков до блеска. Были и работы на территории, и разные другие работы. Наряд вне очереди можно было получить и за небрежно сложенную форменную одежду, которую нужно было аккуратно сложить на табурете возле кровати. Или за небрежно повешенные портянки, которые было необходимо аккуратно обмотать каждую вокруг голинища сапога. Или за беспорядок в прикроватной тумбочке.

Как правило, «раздачей» нарядов занимались старшие сержанты – заместители командира взвода (во взводе 30 человек) или сержанты – командиры отделений (в отделении 10 человек). Эти младшие командиры сами были солдатами срочной службы и находились с новобран-

цами круглосуточно. Командирами взводов были офицеры в звании лейтенанта или старшего лейтенанта. Они, как правило, такими воспитательными мероприятиями не занимались.

Перед отходом ко сну (или «отбоем», по-армейски) была вечерняя поверка, когда перед строем взводов в составе всего полка старший сержант – замкомвзвода выкрикивал по списку фамилию солдата и тот должен был громко кричать «я». По окончании проверки личного состава взвода замкомвзвода докладывал командиру взвода, сколько человек во взводе по списку, сколько в наличии, сколько в наряде, сколько в карауле, сколько в лазарете, и т. п. Командиры взводов докладывали эту информацию командирам рот (в каждой роте три взвода, т.е. 90 – 100 человек). Командиры рот (капитаны или майоры) докладывали эту информацию командиру батальона (в каждом батальоне по три роты, т.е. 300 человек). Командиры батальонов (капитаны или майоры) докладывали информацию командиру полка или его заместителю или дежурному по полку (подполковнику или полковнику). В полку, как правило, три батальона, а со всякими вспомогательными подразделениями примерно 1000 человек. В зависимости от рода войск и вида воинского подразделения эти цифры могли отличаться.

Перед отбоем была вечерняя прогулка, которая устраивалась независимо от погоды, и заключалась в маршировании колоннами повзводно по плацу или по территории военного городка, с пением хором военно-патриотических песен.

Затем в помещении сержанты устраивали тренировку на выполнение команд «отбой» и «подъем» на соблюдение установленных нормативов. Команду «отбой», т.е. раздеться, аккуратно уложить форму одежды, обмотать портянки вокруг голенищ сапог, и лечь в постель (а кровати двухъярусные), нужно было выполнить за 45 секунд. Команду «подъем», т.е. одеться, заправиться, и встать в строй, нужно было выполнить за 60 секунд. Сержанты проверяли все ли пуговицы застегнуты (форма новая, петельки узкие, пуговицы металлические – подушечки пальцев болели и горели огнем), правильно ли сидит ремень (не ослаблен ли, не на боку ли бляха), правильно ли намотаны на ноги портянки, чистый ли подворотничок, правильно ли он пришит. Команды повторялись по нескольку раз. Вот тут-то и раздавались наряды вне очереди. За попытки неповиновения или поведение не по уставу, могли объявить не один, а два или три наряда вне очереди. За более серьезные проступки можно было угодить на гауптвахту на несколько суток.

Гауптвахта – это такая как бы местная тюрьма, но находилась она не в полку, а в дивизии. Там заключенные спали в камерах на откидных нарах, с утра до ночи работали на разных грязных работах. К слову сказать, Борису пришлось провести в таком заведении около недели – отказался выполнять, как ему казалось, унижающую человеческое достоинство, работу. Была глубокая осень, все время шли дожди, а заключенные под дулами автоматов конвоиров, в кирзовых сапогах в лужах и канавах с лопатами в руках что-то там чистили, хотя всем было понятно, что такая работа никому не была нужна. Затем их приводили в сырое помещение, и они падали без сил на голые, наспигованные клопами нары, не раздеваясь и не имея возможности просушить сапоги и одежду. Одного посещения такого заведения хватало, чтобы навсегда понять, как нужно себя вести в армии.

После выполнения нескольких команд «подъем» – «отбой» молодые бойцы спали «без задних ног», и никакие сладкие сны им не снились. Сладкие сны начинают сниться позже, когда солдат уже привыкает к службе, но особенно перед «дембелем», т.е. демобилизацией со службы.

В подразделении, где новобранцы проходили курс молодого бойца, Борис оказался вместе с Вовкой Куперштейном (Купером). Потом они все время служили в одной дивизии, сначала в сержантской школе, затем – в спротроте, а после окончания школы сержантов – в разных полках, но иногда встречались.

В один из морозных дней Борис серьезно простудился, и сослуживцы отвели его в санчасть, сам идти Борис не мог из-за сильной слабости, была высокая температура, кружилась голова. В санчасти его уложили в кровать, дали каких-то лекарств, и он проспал до вечера.

А вечером Бориса разбудили соседи по палате, которыми оказались два дембеля-мордворота, которые служить не хотели, симулировали какие-то болезни, и ждали демобилизации. Они в довольно грубой форме сказали Борису, что он не на курорте, и, по неписанным правилам, как новичок, должен драить полы в коридоре санчасти. Драить полы означало натирать полы специальной вонючей мастикой, а затем до блеска растереть ее специальной шваброй. Только это была не швабра, а длинная палка, приделанная к сооружению типа ящика, в котором для утяжеления находились кирпичи, и обернутый сверху какой-то тряпкой вроде старого одеяла. Вот этим орудием и нужно было драить полы.

Борис кое-как встал с кровати и отправился драить полы. Но сил не было никаких, да кроме этого, он понимал, что над ним просто издеваются. Борис вернулся в палату и заявил, что драить полы не будет. А если эту работу обязаны выполнять лежащие в санчасти больные, то пускай ее делают те, кто должен это делать по очереди, а он будет делать тогда, когда наступит его очередь, и когда немного придет в себя. Борису стали угрожать. Тогда он сказал, что если они не прекратят, то он ночью перебьет их обоих этой самой шваброй. Это помогло. А наутро Борис почувствовал себя уже вполне здоровым. Проснувшись, дембеля-мордвороты, видимо, решили поразмяться. Они нехотя, с ленцой, стали выделять кое-какие упражнения.

Борису показалось, что это они делали, чтобы продемонстрировать, таким образом, ему свою силушку, так сказать, задавить его психологически. Тогда Борис предложил им повторить некоторые из тех упражнений, которые он делал в секции бокса у Алексея Степановича Осипкина. Борис поставил два стула спинками напротив друг друга, таким образом, чтобы они напоминали спортивные брусья. Встав между этими спинками, он сделал «уголок», подняв ноги под прямым углом, и удерживался в этой позиции около минуты. Затем он поставил на пол три табуретки и лег на них. При этом одна табуретка располагалась у него под затылком, другая – под тазом, а третья – под пятками. После этого Борис напряг все свое тело, и вытащил табуретку из-под таза, оставшись лежать на двух табуретках: под затылком и под пятками. Таким образом, все его тело было как мост на двух опорах. Затем он стал крутить табуретку, которую вытащил из-под таза, вокруг туловища. Так он прокрутил ее несколько раз, пока не поставил вновь под таз, и после этого встал на ноги.

Эффект это произвело на соседей Бориса потрясающий, и его оставили в покое. А через один-два дня Бориса выписали из санчасти, и он вернулся в свою роту, где продолжил проходить курс молодого бойца. По окончании указанного курса Борис с Купером попали в сержантскую школу. В ней в течение восьми месяцев из них готовили младших командиров для направления в полки ракетной дивизии стратегического назначения. Ракетные войска стратегического назначения были молодыми войсками, и комплектовали их офицерами из разных родов войск, своих специалистов еще в достаточном количестве не было. Сержантскую школу, например, возглавлял капитан второго ранга, в прошлом морской офицер, он и ходил в морской форме.

При построении на строевом плацу вновь прибывшего пополнения, офицеры ходили вдоль строя и выявляли «talанты»: кто поет, кто пляшет, кто играет на инструментах, кто каким видом спорта занимался, и тут же делали какие-то пометки в блокнотах. Когда дали команду выйти из строя боксерам, Купер вышел, а Борис нет, не захотел. Однако через несколько дней его вызвал какой-то офицер, начальник спортивной подготовки сержантской школы. Он отругал Бориса, сказав, что знает, что он боксер, и что нужно выступить за учебный полк – сержантскую школу – на первенстве дивизии по боксу. Деваться было некуда, и Борис стал тренироваться.

В учебке Борис попал во взвод так называемых «двигателистов», они изучали устройство и принципы работы ракетного двигателя, работавшего на жидком топливе. Борис был поражен, первый раз увидев огромный ракетный двигатель в разрезе. В ракете высотой с трехэтажный дом и диаметром метра два были емкости, в которые закачивали отдельно горючее и отдельно окислитель. При пуске они смешивались в одной камере ракетного двигателя и воспламенялись. Образовавшийся газ воздействовал на лопасти турбины, откуда под высоким давлением подавался в сопла двигателя, а из них наружу. Бориса несколько разочаровала простота, даже, казалось, некая примитивность конструкции двигателя.

Учеба шла своим чередом. Здание учебки располагалось на центральной «площадке» дивизии километрах в тридцати от города Нижний Тагил, в тайге. Оно представляло собой капитальное четырехэтажное здание, в котором курсанты жили, а учебные корпуса располагались отдельно, были секретными, и туда их водили на занятия только с командиром. Кроме теоретических занятий с ними много занимались как с будущими младшими командирами. Для того чтобы потом ты мог учить и воспитывать солдат, должен был сам в совершенстве освоить военную науку во всех ее проявлениях. Было много строевой подготовки, политзанятий, изучения военных уставов, общефизической подготовки. Была и муштра, и наряды вне очереди.

На первенстве дивизии Борис, к его собственному удивлению, стал победителем, и его включили в состав сборной команды Уральского военного округа для подготовки к первенству Вооруженных Сил СССР. Оно должно было проходить в Калининграде в октябре. Сборная команда тренировалась в Свердловске. Спортсмены жили на спортбазе «Уктус», а тренировались в спортзале одного из вузов Свердловска, куда каждый раз ездили на тренировки. Тренировал команду в прошлом известный боксер и тренер Волков, который уже был далеко не молод.

Но еще до отправки команды в Свердловск, спортсмены тренировались у себя в дивизии. Кроме майора Гольдберга, который отвечал за спорт в масштабах дивизии, с ними постоянно занимался его помощник, старший лейтенант, молодой красивый высокий стройный парень, который занимался всеми видами спорта. С боксерами он стал заниматься ручным мячом (гандболом) с целью повышения их общей физической подготовки. Тогда для Бориса эта игра была не знакома, но она ему понравилась своей силовой составляющей, спортивным азартом, и он с удовольствием играл.

Когда члены команды боксеров приехали в Свердловск на спортбазу «Уктус», и немного огляделись, то поняли, что никаких армейских порядков там не было. Здесь проживало много спортсменов разных видов спорта. Были и какие-то знаменитости. Говорили, что некоторые мастера спорта и вовсе не служили в войсках, а всю службу проводили на спортбазе. Никто не ходил в военной форме, только в спортивных костюмах или в гражданской одежде. Борис с Купером также написали письма домой, чтобы им выслали гражданскую одежду, что и было впоследствии сделано.

Вольная жизнь предполагала наличие каких-то денег, поэтому многие спортсмены подрабатывали на разгрузке вагонов, на других работах. Борис с Купером также решили подзаработать, но это оказалось не так-то просто, была серьезная конкуренция между студентами свердловских вузов, а тут еще солдаты-спортсмены. Всю денежную работу давно поделили между собой старожилы, а новичкам доставалась только хлопотная, но низкооплачиваемая работа. Например, если старожилы разгружали вагоны с мешками сахара, это оплачивалось хорошо. А если новички разгружали вагоны с фруктами, то расценки там были значительно ниже.

Один раз Борис подрядился косить траву в ботаническом саду. Согласился, еще не зная объема работы, а когда увидел громадную территорию, сплошь заросшую травой так, что маленькие деревца яблонь не были видны, то ему стало плохо, тем более что до этого он нико-

гда косу в руках не держал. Косил он до самого вечера, всю неделю потом руки висели как плети, но свои 10 рублей Борис заработал.

Другой раз с группой товарищей, человек 6—7, они отправились на товарную станцию Свердловска в надежде подрядиться на разгрузку вагонов. Время от времени появлялся какой-нибудь мужик и объявлял, что нужны грузчики на разгрузку вагонов с картошкой или сахаром или с чем-нибудь еще. А на платформе в ожидании стоят толпы студентов. Из них старший группы подходит к работодателю, а все остальные отжимают конкурентов. Борис и его товарищи бегали-бегали по платформе, но так ничего и не получили. Но тут появился другой мужик, который стал набирать людей на разгрузку вагонов с яблоками и персиками. Цена не устраивала старожилов, а Борису и его товарищам деваться было некуда, и они согласились.

Ящики с фруктами были легкие, фрукты были уложены в один слой, но по габаритам неудобные, много сразу не возьмешь. Поэтому приходилось много бегать от вагонов на склад и обратно, вес груза был маленький, а платили за вес. Одним словом, избегались, устали, а денег заработали мало. Решили, раз уж им так не повезло, то хотя бы на складе найти чего-нибудь поесть, весь день ничего не ели. Кто-то откинул брезент, укрывавший штабеля с ящиками, а там – тушенка в стеклянных банках. Это сыграло с ними злую шутку. Дело в том, что разгружая фрукты, ребята объелись незрелых яблок и «дубовых» персиков, а придя к себе в спортроту, съели жирную свиную тушенку без хлеба. Сочетание этих двух продуктов спровоцировало у всех сильный понос.

Когда команда приехала на первенство Вооруженных Сил СССР по боксу в г. Калининград, у нее было дня два на подготовку к соревнованиям. Там Борис с Купером встретили своего товарища по секции бокса из Орска – Жорку Франчука, они с Купером были старые друзья. Жорка приехал на соревнования за Приволжский военный округ, где он в Саратовской области проходил солдатскую службу.

Всем участникам соревнований устроили культурную программу: возили показывать развалины древнего Кёнигсбергского замка. Как им рассказывал гид, немцы претендовали на эту историческую для них святыню, и вообще на все эти земли. Так вот, чтобы у немцев не было предмета притязаний, тем более, в год 50-летия Октябрьской революции, наши власти взрывали уцелевшие стены, а отвалившиеся огромные куски пытались растаскивать танками, привязав к ним стальные тросы. Но ничего не получилось. Стены были двухметровой толщины с вмурованными в них морскими валунами, и стянуты огромными металлическими прутьями с резьбой, на которые были навинчены большие гайки. Так все и лежало в развалинах.

Начались соревнования. В первом бою Борису достался представитель из Ленинграда. В трудном бою Борис победил, хотя и побывал в нокдауне. А Купер и Жорка проиграли. Во втором бою Борис также проиграл, уже представителю из Москвы. Неудачно выступила и вся команда от Уральского Военного округа, сказала плохая подготовка, во многом связанная с тем, что времени на тренировки им дали мало, да и сама методика этих тренировок оставляла желать лучшего. На прощание Борис с Купером и Жоркой поехали на взморье, искупались в Балтийском море, а учитывая, что это был октябрь, запили купание водкой.

Борис с Купером договорились с офицером-начальником команды, что до Москвы из Калининграда доедут на поезде вместе с командой, а из Москвы самолетом долетят до Орска, повидают родителей, и затем – самолетом из Орска до Свердловска, и таким образом наверстают время. Получив разрешение (благо, что они продолжали еще числиться не в дивизии, а в спортроте), они ночью приехали в Москву. Ночевали на вокзале, а когда открылось метро, сели в поезд на кольцевой ветке, и катались, уснув и проспав в вагоне часов до десяти. Приехали они к бабушке Бориса Екатерине Михайловне, матери Владимира Петровича, которая открыв дверь, никак не могла понять, кто к ней пришел, Бориса она не узнала. А когда разобралась, накормила их вкусными блинами, которые она умела готовить по-особенному.

Из Москвы друзья благополучно добрались до Орска, побыли там двое суток и вернулись в спортроту в Свердловск.

Урок семнадцатый: Ракетные войска стратегического назначения. Спорт. Дембель. Орский механический завод. Нина

Вскоре всем курсантам присвоили звание младших сержантов и отправили для дальнейшего прохождения службы по воинским частям ракетной дивизии стратегического назначения или как тогда говорили – на «площадки», то есть, на пусковые ракетные комплексы.

Надо сказать, что каждая «площадка» представляла собой боевой и жилой комплекс со всем необходимым для автономного жизнеобеспечения отдельного полка, т.е., примерно, тысячи человек. На «площадке» располагались подземные ангары для ракет, отдельный бункер для ракетных головок, пусковой стартовый комплекс с монтажным оборудованием, автопарк спецмашин (для подвоза и заправки ракет окислителем и горючим, а также для установки боеголовок), своя электроподстанция, котельная, жилые помещения-казармы, столовая, спорткомплекс (стадион и спортзал), и т. д.

Иногда в полку объявлялась учебная тревога, целью которой была тренировка по установке ракеты на пусковом столе и подготовке ее к пуску. Зрелище это было потрясающее. Каждое подразделение выполняло свою операцию, а все вместе выглядело как четкая работа слаженного организма. Из ангаров огромные автотягачи вывозили ракету, подвозили ее к пусковому столу, и устанавливали на него при помощи специального автокрана. Тут же с ракетой начинали работать «двигателисты». Они проверяли двигатели и снимали с них заглушки. К ракете с разных сторон подъезжали огромные автоцистерны-заправщики отдельно с горючим и окислителем. Солдаты в специальной одежде из войлока и синтетических материалов подсоединяли гибкие трубопроводы большого диаметра в специальной защитной оплетке от заправщиков к ракете. Если эта операция будет выполнена плохо, может произойти пролив, а это чревато взрывом, либо заражением и гибелью людей. В последнюю очередь к работе приступали «головастики», так называли подразделение, состоявшее только из офицеров, которые на спецмашине привозили из хранилища головную часть ракеты с ядерным зарядом, и устанавливали ее на уже стоящую вертикально ракету. При этом все остальные подразделения свою работу уже закончили, и были отведены в убежище. Выглядело это жутковато.

Наконец, ракета к пуску была подготовлена. На это уходило примерно два с половиной часа. Говорили, что на каждой ракете уже была установлена программа полета к определенной цели, о которой никто в полку, а может быть и в дивизии, не знал. Знали, наверное, только в Москве, в Генштабе.

Считалось, что самая тяжелая и ответственная работа была у солдат- «заправщиков», у них было усиленное питание, двойная порция, кроме того, давали продукты, которых не было у всех остальных, например, сыр.

Спустя какое-то время службы Бориса в полку в качестве «двигателиста», т.е. по той специальности, по которой его готовили в учебке, он был вызван в штаб полка, где находился тот самый старший лейтенант, с которым они вместе играли в гандбол. Борису объявили, что старший лейтенант назначен в этот полк помощником командира полка по спортивной подготовке, и что Борис назначен к нему помощником. В новые обязанности Бориса входила организация тренировок и спортивных игр на стадионе и в спортзале. Он был ответственным за спортивный инвентарь, контролировал использование спортивных снарядов и т. п. В этих условиях, естественно, он сам стал играть во все спортивные игры, и заниматься разными видами спорта. Его организм стал сильным и натренированным. Например, он мог креститься пудовой гирей, свободно выполнял самые сложные упражнения на перекладине и т. д. Однако эту работу Борис должен был выполнять по вечерам, когда офицеры, кроме дежурных, уезжали на центральную

«площадку» в дивизии, где у них были квартиры и где они жили с семьями. В определенные часы у подразделений полка наступало свободное время, и тогда многие приходили на стадион и в спортзал.

Для того чтобы Борис не был связан с постоянной боевой подготовкой, его перевели из боевого подразделения во вспомогательное. Он стал «котельщиком», т.е. оператором котельной. Котельная работала на мазуте, в ней было три котла, похожие на железнодорожные цистерны, она отапливала весь полк. В обязанности оператора входило обслуживание котлов, контроль работы приборов, соблюдение температурного режима и т. д.

В 1968 году произошли известные политические события в Чехословакии. Страны Варшавского договора ввели на ее территорию свои войска. Мир оказался на грани войны. Во время чехословацких событий в соответствии с приказом Министра обороны Вооруженные Силы СССР были приведены в состояние повышенной боевой готовности. В полку офицеры проводили с солдатами беседы, в ходе которых разъясняли политику партии и правительства. Перед строем вновь принятым вручали партийные и комсомольские билеты, как в Великую Отечественную войну, когда говорили: «Прошу принять меня в ряды партии, хочу умереть коммунистом!».

Была ли тогда «дедовщина»? Была. Как правило, это касалось молодых солдат первого года службы, и имело воспитательный характер. После отбоя, когда все обязаны лежать в постелях, в отдельную комнату, например, в сушилку, вызывался провинившийся солдат, а там уже находились старослужащие. Между ними были распределены роли: кто-то назначался «прокурором» (обвинителем), другие – «судьями», третьи «палачами» – исполнителями.

«Прокурор» выступал перед «судьями», и излагал суть проступка «подсудимого». Как правило, это были мелкие бытовые конфликты. «Судьи» допрашивали «подсудимого» и «свидетелей», и выносили «приговор». Он заключался в том, что «подсудимому» назначалось наказание в виде нескольких ударов столовой ложкой или бляхой ремня по заднице, или обязывали его принести извинение солдату – «старика» за неуважительное отношение, или что-то другое. Приведение «приговора» в исполнение осуществляли «палачи». Таким образом, в подразделении обеспечивалось соблюдение неписаных правил поведения в коллективе. Хамы и мелкие воришки наказывались самими солдатами, не вынося сор из избы. И порядок был. В полку не было издевательств над молодыми солдатами, как это появилось уже в более поздние годы.

Служба шла своим чередом. Однажды сослуживец Бориса рассказал ему, что подал рапорт, и в нужное время поедет поступать в Ленинградское Высшее Военно-Морское училище подводного плавания имени Ленинского комсомола. Он был влюблен в Военно-Морской флот, спал и видел себя морским офицером. Своими мечтами он делился с Борисом, и как-то незаметно агитировал его поехать с ним и вместе поступать в училище.

В жизни каждого молодого человека наступает момент, когда он мучительно ищет себя в этой жизни, ищет свое призвание, строит планы на будущее. Вот и Борис, нет – нет, да и задумывался о смысле жизни, о том, кем быть. Он вспоминал, что отец тоже очень любил Военно-Морской флот, ему нравилось носить офицерскую, с иголки, форму с кортиком. Кроме того, отец мечтал о том, чтобы Борис окончил военное училище и стал офицером. Так или иначе, но под воздействием и своего приятеля, и своих размышлений, Борис принял решение поступать в училище. Пришлось проходить довольно суровую медкомиссию. Единственная претензия к Борису у медиков была – вырезать гланды, что он и сделал в дивизионном госпитале.

В нужное время приятели получили командировочное предписание, в соответствии с которым они откомандировывались для прохождения вступительных экзаменов в указанное училище. По приезде в Ленинград, Борис разыскал дальних родственников по линии своей бабушки Екатерины Михайловны, и приехал к ним в гости. После полагающихся в таких случаях застольных разговоров и воспоминаний, Борис попросил дать ему какую-нибудь гражданскую одежду, чтобы погулять по городу и сходить в Зимний Дворец. Одежду ему дали,

но вот ботинки оказались на размер меньше. Напялив все это на себя, Борис с энтузиазмом отправился на экскурсию. Под конец дня он так намял ноги, что не мог идти. Кое-как добрался до родственников, переделался в свою армейскую форму, и отправился в училище.

Первый экзамен был сочинение. Оценки никому не объявляли и всех допустили ко второму экзамену – по математике. А между этими двумя экзаменами на территории училища состоялись мероприятия, посвященные очередному выпуску молодых офицеров-подводников. Это было красивое зрелище. Весь личный состав курсантов разных курсов был построен во дворе училища на плацу. Звучал Гимн СССР, реяли флаги и знамена, все участники в парадной форме, на трибуне командование – адмиралы и прочие, большая толпа матерей, жен, невест. После зачтения приказа о присвоении курсантам первого офицерского звания – лейтенант, выпускникам были вручены погоны и офицерские кортики. Затем под звуки духового оркестра подразделение выпускников-курсантов строем удалилось, чтобы через какое-то время торжественным маршем появиться на плацу в парадной офицерской форме – белые кители с золотым шитьем с кортиками у пояса на парадной перевязи, в белых фуражках, в белых отутюженных брюках, в белых шелковых перчатках.

Грянул гром аплодисментов, раздавалось «ура!». Оркестр играл марши. После некоторых официальных церемоний родственникам разрешили подойти к своим сыновьям, мужьям, женихам. И вот тут-то началось: слезы, слезы, слезы. Дело в том, что как Борис в этот момент узнал, служить молодые офицеры отправлялись на Северный Морской Флот, а это в суровых условиях, почти всегда за Полярным Кругом, и дальние походы на атомных подводных лодках продолжительностью часто по полгода.

На Бориса сцена расставания молодых офицеров с родными и близкими произвела отрезвляющее действие. Экзамен по математике он сдавать расхотел. Что-то написал, и получил «неуд». Уже полностью готовый к отъезду в часть, Борис вдруг получил команду явиться к какому-то капитану второго ранга. Поговорив с Борисом на разные темы, офицер сказал, что училищу нужны спортсмены, и что он решит вопрос о его зачислении в училище, нужно будет только пересдать экзамен, но это уже он берет на себя. Однако Борис проявил непреклонность, и уехал в свою часть. Вот так он чуть было не стал военно-морским офицером-подводником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.